

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1971

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1971

*В номере публикуются материалы V Тюркологической конференции,
проведенной Ленинградским отделением Института востоковедения
Академии наук СССР в Ленинграде 9—11 июня 1971 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Г. И. ЛОМИДЗЕ, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. Н. КОНОНОВ

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ БЕССОЮЗНОГО СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Прежде всего, — во избежание недоразумений, вызываемых разным толкованием привычных грамматических терминов, — важно уточнить, что именно, по нашему разумению, следует понимать под бессоюзным сложноподчиненным предложением.

Бессоюзным сложноподчиненным предложением является такое сложное предложение, части которого грамматически оформлены как предложение и объединяются в единое сложное целое не с помощью союзов или союзных слов, а посредством морфологических, лексических и ритмико-интонационных средств.

Части сложноподчиненного предложения, лишенные каждая в отдельности смысловой и интонационный законченности, а также коммуникативной самостоятельности, вместе составляют по форме и значению единое целое¹.

Части сложного целого, именуемого сложноподчиненным предложением, составляющие смысловое и грамматическое единство, неоднородны по своему составу и значению и находятся в отношении подчиняющего и подчиненного или, пользуясь привычными терминами, состоят из главного и придаточного предложений, причем подчиненное (придаточное) предложение служит уточнению, объяснению значения подчиняющего (главного).

Характер подчинения выявляется из значения всего сложноподчиненного предложения.

I. Морфологические средства выявления подчинения. Подчинение выявляется и обуславливается оформлением подчиненной (придаточной) части сложноподчиненного предложения²:

1. Формы прошедшего-категорического, будущего-категорического, а также настоящего I и II времен (отрицательный аспект) в сочетании с вопросительной энклитикой *mi/ti/mi/mü*, подкрепленной восходящей вопросительной интонацией, образуют сказуемое придаточного предложения времени: «как только...», «лишь только...», «едва...», «когда...».

¹ Подробнее см.: *Н. С. Поспелов. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений. — «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 338—354.*

² Входящие сюда придаточные условные, ввиду достаточной их изученности, здесь не рассматриваются.

Вопросительная интонация, подкрепленная аффиксом вопроса, является одним из распространенных способов, обеспечивающих грамматическое подчинение в языках различных систем:

Bir şey anlatmaya başladı mı katılırim gülmekten (O. Seyfettin) 'Как только он начинает что-нибудь рассказывать, я помираю со смеху'³.

Hasta olacak mıyım (hastalanacağım zaman) iştahım kesilir⁴ 'Стоит мне заболеть, я лишаюсь аппетита'.

Bir yere gidecek miyim (gideceğim zaman) erkenden kalkarım⁵ 'Когда я собираюсь куда-нибудь поехать, я встаю спозаранку'.

Bir yararlı işe girecek misin (gireceğin zaman) çıkacak engelleri düşünme⁶ 'Когда ты собираешься приняться за какое-нибудь полезное дело, не думай о могущих возникнуть препятствиях'.

Aksamlar güneş batmıyor mu (veya batmaz mı; batınca) içime bir hüznün çöker⁷ 'По вечерам, когда садится солнце, в душе моей возникает печаль'.

Seni görmüyor muyum gönlüm, gözüm açılıyor⁸ 'Стоит мне увидеть тебя, как становится радостно у меня на душе'.

K. Adjarlar⁹ в некоторых примерах (прошедшее-категорическое время+афф. вопроса) усматривает не временное, а причинное значение:

Söz verdim mi (verdiğim için) yerine getiririm 'Так как я дал слово, я исполню (обещание)'.

O dedi mi (dediği için) yarar 'Так как он сказал, (то) он сделает'.

2. Формы настоящего I и прошедшего-категорического времени в положительном аспекте в сочетании с аффиксом вопроса, в зависимости от содержания всего высказывания, могут выражать временную зависимость, граничащую с условием¹⁰:

O, dudaklarını ısıyor mu (ısıyorsa) birine kızmış demektir¹¹ 'Если он кусает губы, значит на кого-то сердит'.

Hasta yemek yiyebiliyor mu (yiyebiliyorsa) iyi sayılır¹² 'Если больной может есть, (это) считается хорошим (признаком)'.

Mektubu okudun mu (okursan, okuyunca) her şeyi anlarsın¹³ 'Если|| когда прочитаешь письмо, ты все поймешь'.

3. Для усиления временного значения используется повторное употребление форм прошедшего-категорического времени с аффиксом вопроса между ними, чем подчеркивается непосредственное следование одного действия за другим:

Ahmet geldi mi (veya geldi mi geldi) bana haber veriniz¹⁴ 'Как только Ахмед придет, дайте мне знать'.

Как видно из приведенного примера, Х. Эдискун ставит знак равенства между формами geldi mi и geldi mi geldi, что является известным

³ Еще примеры см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 1053.

⁴ К. Acarlar. «Mi» ekinin türlü kullanılışları. — «Türk Dili», 1970, № 227, Ağustos, стр. 360.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ H. Ediskun. Yeni Türk Dilbilgisi. İstanbul, 1963, стр. 292.

⁸ Там же, стр. 258.

⁹ K. Acarlar. Указ. раб., стр. 360.

¹⁰ Ср. русское: «Когда (если) в товарищах согласия нет...»

¹¹ K. Acarlar. Указ. раб., стр. 360.

¹² Там же.

¹³ H. Ediskun. Указ. раб., стр. 292.

¹⁴ Там же, стр. 176.

упрощением, рассчитанным на то, что читателям-туркам различие в значении совершенно очевидно. Удвоенное употребление форм всегда служит интенсификации действия:

Ben tavsiyeyi aldım mı aldım doğru Anadolu içerlerine doğru seyahate başladım (S. Etem) 'Как только я получил этот совет, я прямо отправился в путешествие в глубь Анатолии'.

Pehlivan karar verdi mi verdi hemen soluğu demirci dükkanında alır (S. Etem)¹⁵ 'Как только Пехлеван принял решение, он тотчас (помчался и) перевел дух (только) в кузнечной мастерской'.

Убедительным основанием для признания конструкций указанного типа придаточными предложениями является употребление редулированных форм с аффиксом вопроса в качестве сказуемого простого предложения:

İnsan düz yerde de düşer mi düşer (düşebilir)¹⁶ 'Человек и на ровном месте падает, да еще как падает'.

Bizim çocuk okula gidiyor mu gidiyor (sözüm ona, gûya gidiyor)¹⁷ 'Наш ребенок (играет) будто бы ходит в школу'.

Kafasına koydu bir kere, gidecek mi gidecek¹⁸ 'Стоит ему хоть раз (что-нибудь) вбить себе в голову, пойдет и пойдет (делать по-своему)'.

Bizim çocuk okumuyacak mı okumuyacak¹⁹ 'Наш ребенок никак не хочет учиться'.

Редулированные формы причастий на -г с сильной вопросительной интонацией, формально выраженной аффиксом вопроса, используются в определительной функции при именах:

Her yüzde gösterir tesirini, süzülür mü süzülür yüzler, uzar mı uzar benizler (M. Makal)²⁰ 'Она (нужда) на каждом лице показывает свое воздействие: исхудавшие-исхудавшие лица, совершенно вытянувшиеся физиономии'.

4. Прошедшее-категорическое время в сочетании с деепричастием на -(y)alı / -(y)eli, образованным от одной и той же глагольной основы, образует сказуемое придаточного предложения времени («с тех пор как...»). Личные окончания формы прошедшего-категорического времени обозначают субъект действия:

Bu öyle bir illet ki, Reis Bey, kendimi bildim bileli içimdedir (Jaş. Nabî) 'Это такой недуг, господин председатель, который присущ мне, с тех пор как я помню себя'.

Словосочетание kendimi bildim bileli выделяется в составе сложного предложения своей формой (его подчиненное, зависимое положение морфологически подчеркнуто формой bileli) и значением.

5. Повторное употребление положительной и отрицательной формы прошедшего-категорического времени от одной и той же основы используется как сказуемое придаточного предложения времени, синонимичное придаточному предложению, описанному в п. 1:

Gözüm daldı dalmadı, dışarda bir tıkırtı (A. Nesin) 'Не успел я сосредоточиться, снаружи (раздался) легкий шум'.

¹⁵ Два последних примера взяты из кн.: Р. А. Аганин. Повторы и однородные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959, стр. 66.

¹⁶ K. Acarlar. Указ. раб., стр. 361.

¹⁷ «Şimdiki zamanın tekrarlanan olumlu III şahsının arasına (mi eki. — A. K.) girince gûya, sözüm ona anlamında hafifseme bildirir» (H. Ediskun. Указ. раб., стр. 292).

¹⁸ Там же, стр. 293.

¹⁹ «Gelecek zamanın tekrarlanan olumlu III şahsının arasına (mi eki. — A. K.) girince ille, mutlaka; olumsuz III şahsının arasına girince hiçbir zaman, hiçbir şekilde anlamı verir» (H. Ediskun. Указ. раб., стр. 292—293).

²⁰ См.: Р. А. Аганин. Указ. раб., стр. 63.

Kadın yarı soyundu soyunmadı karyolaya yığıldı (S. Etem) 'Едва женщина наполовину разделась, как (тотчас) повалилась на кровать'.

Удваиваться могут также основы прошедшего-перфективного времени: Ortalık ağarmış ağarmamış idi ki...²¹ 'Как только рассвело...'

6. Имя прилагательное в тюркских языках в составе предложения используется в качестве приименного и приглагольного определения: iyi at iyi koşar 'хорошая лошадь хорошо бежит'.

Этим важным, далеко не всегда учитываемым свойством тюркского имени прилагательного в полной мере обладают и причастия, которые, являясь глагольными прилагательными, в составе предложения функционируют как приименные и приглагольные определения.

Если функция причастия — приименное определение — давно описана и широко известна, то использование причастия в качестве приглагольного определения не получило пока сколько-нибудь обстоятельного освещения.

Особо следует отметить, что свойство причастия выступать в качестве приименного и приглагольного определения специфически присуще двум старейшим причастиям, известным на всем протяжении истории тюркских языков: настоящего-будущего времени (аффикс -г) и прошедшего-перфективного времени (аффикс -mış).

Рассмотрим примеры:

Ben yazılarımı kimseye göstermez gizledim (S. Derviş) 'Я скрывала свои статьи, никому не показывая'.

Часть сложного целого, каковой является словосочетание kimseye göstermez, выступает в качестве определения к глаголу-сказуемому gizledim. Однако не исключено, что указанное предложение можно рассматривать также и как сложносочиненное предложение, состоящее из двух предложений, общий формальный элемент которых -dım отнесен к последнему из сказуемых, то есть это предложение можно представить в следующем виде: Ben yazılarımı kimseye göstermezdim ve gizledim 'Я свои статьи никому не показывала и скрывала'.

Однако хороший стилист непременно укажет, что соотношение времен — göstermezdim и gizledim — не соответствует общепринятым нормам турецкого литературного языка и придаст второму сказуемому форму gizlerdim.

Таким образом, при попытке представить отношения между частями этого предложения как «обратимые, т. е. такие, при которых одно представление относится к другому так же, как это второе представление к первому»²², возникают указанные выше формально-грамматические препятствия.

Ср. еще: ...bu kitabı sobaya atar yağarım (K. R. Bilge) '...эту книгу я сожгу, бросив в печь||брошу и сожгу'.

Хотя в данном случае нет формальных препятствий для интерпретации сказуемых как atarım ve yağarım, но логически и формально-грамматически наиболее вероятно видеть здесь все же «необратимые отношения, т. е. такие, при которых одно представление относится к другому не так, как другое к первому»²³.

²¹ А. С. Emre. Türk Dilbilgisi. İstanbul, 1945, стр. 547.

²² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934, стр. 409.

²³ Там же.

Конструкцию *atar yakarım* следует рассматривать как единое словосочетание, в котором первый член является примыкающим приглагольным определением.

Сказанное подтверждают такие построения, в которых «обратимость» составляющих их частей по формально-грамматическим основаниям невозможна:

Böyle memlekette durulmaz, hemen yolumuza gidelim! demiş (S. Ali) 'Не останавливаясь в этой стране, давайте сразу же отправимся в путь! — сказал он'.

...bir makine gibi durmaz işler (H. Rahmi) 'Он работает, как машина, не останавливаясь...'.

В приведенных примерах «обратимость» невозможна, так как очевидно, что *durulmaz* и *durmaz* являются обстоятельственной характеристикой к сказуемому главного предложения и между ними невозможно поставить союз *ve*.

Части сложного предложения *Böyle memlekette durulmaz* и *durmaz* имеют все признаки предложения.

Ср. еще: *...meşe sopasını kaptı mı, kafa göz demez çalar* (Türk Dili, № 199, 60) 'Схватив свою дубовую палку, он бьет, не разбирая, по голове, по глазам'.

В примере: *...birbirimizi güvenir oturduk* (S. Faik) 'Мы сидели, прижавшись друг к другу' слово *güvenir* нельзя рассматривать иначе, как определение к *oturduk*, а само *güvenir*, так же как и *durmaz, demez* (см. выше), является — по формальным признакам — однословным предложением, которое так обычно в тюркских языках.

Поскольку часть сложного целого (в приведенных и им подобных примерах) имеет форму, свойственную *Verbum finitum*, то, следовательно, она отвечает изложенному выше требованию — подчиненная часть сложного целого как и подчиняющая должна иметь форму предложения.

В определительной (обстоятельственной) функции широко используется также причастие на *-miş*, образующее центр, то есть сказуемое придаточного предложения:

Nasta yemegini yiyor. Emine biraz ötede oturmuş ona bakıyor (S. Deriş) 'Больной ест. Эмине, усевшаяся||усевшись немного поодаль, смотрит на него'.

Здесь форма на *-miş* по своему значению совпадает с деепричастиями на *-p, -(y)arak*: *oturup||oturarak ona bakıyor*.

С другой стороны, форма на *-miş* используется для обозначения следующих одно за другим действий, которые по времени предшествуют действию главного сказуемого:

Hoca, diz çökmüş, elleri göğe açılmış dua ediyordu (H. E. Adivar) 'Ходжа, преклонивший||преклонив колени, воздевший||воздев руки к небу, молился'.

Первые два предложения, обстоятельно характеризующие третье (как и их возможная модификация: *diz çökmüş, elleri göğe açılmış hoca dua ediyordu* 'Преклонивший колени, воздевший руки к небу, Ходжа молился'), являются по формальным признакам предложениями, составляющими в соединении с последним сказуемым единое сложноподчиненное бессоюзное предложение.

Рассмотрим еще один пример: *Oradan kocasından ayrılmış döndü* (R. Halid) 'Оттуда она вернулась, разведенная||разведясь со своим мужем'.

Нет никаких сомнений, что словосочетание *kocasından ayrılmış* (как бы мы ни пытались его интерпретировать: 'разведенная со своим му-

жем', 'разведясь со своим мужем')²⁴, безусловно, является обстоятельством определенным к глаголу-сказуемому *döndü* и по своим формальным признакам вполне отвечает всем требованиям предложения.

7. Удвоенное употребление причастия сообщает его значению повышенную степень качества, свойства:

Kenan... gözlerini kırptırarak anlamaz anlamaz baktı (K. Tahir) 'Кенан... протирая глаза, смотрел ровно ничего не понимая'.

Karlar ki semadan düşer düşer aglar (C. Şehabettin)²⁵ 'Снег, что с неба, падая-падая, плачет'.

Совершенно очевидно, что словосочетания *anlamaz anlamaz, düşer düşer* являются приглагольными определениями-обстоятельствами к сказуемому *baktı, aglar*. Но можно ли это удвоенное причастие рассматривать как придаточное предложение? Или это причастный оборот в обстоятельственной функции?

Для удовлетворительного ответа на этот вопрос надо привлечь дополнительный фактический материал; необходимо прежде всего знать, может ли редуцированное причастие иметь при себе подлежащее и второстепенные члены предложения.

8. Грамматическим синонимом конструкций — придаточных предложений времени, обозначающих непосредственное следование одного действия за другим («как только», «лишь только», «едва»), является глагольная конструкция — повторение положительной и отрицательной формы основы настоящего-будущего времени, — образующая сказуемое придаточного предложения времени с указанным выше значением.

Редупликация одинаковых или разных по значению форм служит для выражения сказуемого как самостоятельных, так и зависимых (придаточных) предложений (см. п. 5):

O gider gitmez atımı çevirdim (H. E. Adivar) 'Как только она ушла, я повернул своего коня'.

Подлежащее придаточного предложения выражено лично-указательным местоимением *o*, сказуемое — редуцированной формой *gider gitmez*; в главном предложении грамматическое подлежащее отсутствует: субъект действия выражен личным аффиксом при сказуемом *çevirdim*, что является для тюркских языков широко распространенным приемом.

Сказуемое придаточного предложения времени, выраженное редуцированной формой настоящего-будущего времени, спрягается по образцу так называемого «неличного» спряжения, при котором изменение по лицам осуществляется с помощью личных местоимений; ср.: *men ya kurdük* 'я лук натянул (тетивой)'; ср. еще: *men пылты* 'я знал'²⁶.

Подлежащее в обеих частях сложноподчиненного предложения этого типа (как и подлежащее любого предложения) может быть заменено грамматическим субъектом, выраженным личным окончанием:

Yataga yatar yatmaz uyumuşum (S. Ali) 'Как только лег в постель, я, по-видимому, тотчас же заснул'.

Субъектом обоих действий является 1-е лицо — *um* при главном сказуемом.

²⁴ К тому же, эксперименты с переводом на язык другой системы никогда не могут иметь решающего значения для определения истинной природы той или иной синтаксической конструкции.

²⁵ H. Ediskün. Указ. раб., стр. 252.

²⁶ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957, стр. 6.

С другой стороны, каждая из частей, составляющих сложноподчиненное предложение, может иметь свое грамматически выраженное подлежащее.

Çocuk, ağrısı geçer geçmez uyumaya başlamıştı (TDAY, 1954, 153) 'Ребенок, как только боль у него прошла, начал засыпать'.

В этом примере отчетливо выделяются два предложения со своими подлежащими: 1) çocuk uyumaya başlamıştı; 2) ağrısı geçer geçmez.

Рассмотрим еще одно сложное предложение, имеющее разные подлежащие:

Yine boru çalınır çalınmaz herkes silâhını alacak koşacaktı (H. E. Adıvar) 'И снова, как только заиграет труба, каждый должен был бежать (спешить) и браться (чтобы браться) за оружие'.

Здесь в первом (придаточном) предложении подлежащим является слово *boru*, во втором (главном) предложении — слово *herkes*.

Заметим, кстати, что известный интерес для синтаксиса представляет анализ словосочетания *alacak koşacaktı*.

Каковы отношения между этими словами: отношения сочинения или подчинения? Можно ли между ними поставить союз *ve* и представить эти отношения в виде: *alacaktı ve koşacaktı*? По-видимому, нет, ибо получим смысл обратный желаемому: 'он должен был браться (за оружие) и бежать (спешить)', то есть нарушается последовательность действия; в то время как очевидно, что автор имела в виду выразить следующую мысль: каждый должен был спешить, бежать, чтобы браться за оружие. Следовательно, здесь мы имеем отношения подчинения, основанные на примыкании и семантике всего высказывания: *alacak* является обстоятельством характерной другого действия.

9. Редулицированное причастие указанного типа используется также как примыкающее приименное определение:

...ancak duyulur duyulmaz bir sesle: — Bilmem! diyebildim (S. Ali) '...и только едва слышным голосом я мог сказать: «Не знаю!»'.

II. Аффикс принадлежности 3-го лица -(s)i как показатель относительной связи.

В тюркских языках широко распространен, но мало изучен особый тип придаточного определительного предложения, в котором подлежащее снабжается аффиксом принадлежности 3-го лица, а сказуемое выражается такими именными или глагольными формами, которые могут быть использованы в качестве примыкающего определения²⁷.

Таким образом, подчинение придаточного предложения главному предложению выявляется в двух приемах: управление (аффикс принадлежности 3-го лица при подлежащем придаточного предложения, находящемся в относительной зависимости от определяемого им члена главного предложения) и примыкание, с помощью которого сказуемое придаточного предложения (а с ним и всё придаточное предложение) сочетается с главным предложением предикативной связью.

Сказуемое придаточного предложения выражается:

1) именами прилагательными, существительными; 2) причастиями; 3) словами *var*, *yok*.

Примеры: Tahtası yer yer sıyrıntılar içinde, telleri eksik, yayı gevşek kemanını çenesine dayadı (O. Kemal) 'Он приложил к подбородку свою скрипку, дека которой во многих местах была облуплена, на которой не хватало струн, а смычок был дряблый'.

²⁷ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., § 1057; С. Н. Иванов. Тюркские атрибутивные конструкции с показателем относительной связи.—«Ученые записки ЛГУ». Серия востоковедческих наук, вып. 11, 1959, стр. 189—196.

Каждое из трех словосочетаний: 1) *tahtası yer yer sıyıntılar içinde*, 2) *telleri eksik*, 3) *yaıı gevşek* является предикативным словосочетанием, выражающим относительно законченную мысль и имеющим строение предложения; каждое из этих определительных предложений имеет показатель относительной связи (аффикс принадлежности 3-го лица), а сказуемые выражены: в первом случае именем существительным с послелогом, во втором и третьем — именами прилагательными. Ср. еще:

[*Taşları yer yer yosun bağlamış*] *bir yapıya yaklaştık* (B. Arpad) 'Мы подошли к постройке, камни которой во многих местах были покрыты мохом'. Часть, взятая в скобки, выражает относительно законченную мысль и имеет форму предложения.

[*Gölgesi bütün meydanı kaplıyan*] *büyük çınar hiç durmadan hısıldar* (S. Ali) 'Большая чинара, тень которой покрывает всю площадь, шелестит не переставая'.

Та же самая конструкция в качестве присвязочной части сказуемого простого предложения:

Bu da ötekiler gibi [dudakları boyalı ve ağzı sigaralı] ydı (O. Kemal) 'И эта, как и другие, была с накрашенными губами и с папиросой во рту'.

Именное сказуемое в тюркских языках, как известно, может иметь форму косвенных падежей (кроме винительного), а потому и в анализируемых придаточных предложениях часто встречаются имена существительные в местном и исходном падежах:

[*Bir dudacı yerde, bir dudacı gökte*] *bir arap geldi* (Masal) 'Пришел арап, (у которого) одна губа на земле, другая — на небе'.

Bir sefer esnasında yolda [duvarı altından, pencereleri gümüşten, çatısı demirden] büyük bir eve rastlıyorlar (M. Kaplan) 'Во время путешествия на дороге им попался большой дом, стены которого — из золота, окна — из серебра, крыша — из железа'.

Здесь мы имеем именные сказуемые с эллипсированным аффиксом сказуемости.

Та же самая конструкция в самостоятельном предложении:

Saray dağın tepesinde dir. Kapısı demirdendir (Masal) 'Дворец — на вершине горы. Двери у него — из железа'.

Kolu yok bir herif buraya gelir (Y. K. Karaosmanoğlu) 'Сюда приходит безрукий субъект'; часть сложного целого — *kolu yok* 'руки у него нет' — вполне отвечает требованиям предложения.

Придаточные предложения подобного типа выполняют функции как приименного, так и прилагольного определения:

Aslan [ağız açık] uyuyordu (Masal) 'Лев спал с открытым ртом'; *досл.*: 'Лев [рот его открыт(ый)] спал'.

...eve de [böyle büsbütün eli boş] dönemezdi (S. Ali) 'Он не мог возвращаться домой с такими совершенно пустыми руками'.

Derken tapucu [kucacı kagıt dolu] geldi içeriye (K. Bilbaşar) 'В это время в комнату вошел служащий кадастра с полной охапкой бумаг'.

В этих примерах части сложных конструкций, взятые в скобки, являются придаточными предложениями рассмотренного выше типа.

Сказуемое придаточного предложения этого типа может быть выражено именем в косвенном падеже:

Nusret, eli arkasında sinirli sinirli dolaştı (D. Akçam) 'Нусрет, руки за спиной, нервно прохаживался'.

Словосочетание *eli arkasında* имеет строение предложения: *eli arkasında (dır)* и выражает относительно законченную мысль, а потому явля-

ется придаточным (обстоятельственным) предложением; в то время как второе обстоятельство — *sinirli sinirli* — лишено предикативности, а поэтому должно рассматриваться как обстоятельство образа действия.

III. *Verba sentiendi*, *Verba dicendi* и их синтаксическая роль в составе сложноподчиненного предложения.

1. *Verba sentiendi*, под которыми здесь несколько расширительно понимаются глаголы, обозначающие чувственное восприятие, деятельность мысли или чувства, внутреннее состояние, внешнее восприятие, мнение, знание и т. п. (*san-*, *zannet-*, *say-* 'считать', 'думать', 'полагать'; *addet-* 'считать', *fikret-* 'думать', *duy-*, *hisset-* 'чувствовать', *farzet-*, *tahmin et-* 'предполагать', *um-* 'надеяться', *işit-* 'слышать', *bil-* 'знать', 'считать', *gör-* 'видеть', *bak-* 'смотреть', *göğün-* 'казаться', *bul-* 'находить', 'заставать', *hatırla-* 'помнить', *anla-* 'понимать', *iste-* 'хотеть'). *Verba dicendi* — глаголы речи (*de-* 'говорить', *anlat-* 'объяснять', 'рассказывать') — в позиции сказуемого главного предложения соединяются с зависимой частью сложного целого (с придаточным предложением) способом примыкания.

Ввиду того что сложноподчиненные предложения бессоюзного типа, в которых сказуемое главного предложения выражается указанными глаголами, были уже предметом рассмотрения²⁸, ограничимся здесь лишь указанием на то, что этот — лексический — способ подчинения придаточного предложения главному известен как современным тюркским языкам, так и памятникам тюркской письменности, начиная с рунических.

Напомним, что характерной особенностью сложноподчиненных предложений неоднородного состава, сказуемое главного предложения которых выражается *Verba sentiendi* и *Verba dicendi*, является свободный порядок размещения главной и подчиненной частей единого сложного целого:

Zannetmeyin, sizi korkutmak için söylüyorum (D. Akçam) 'Не думайте, (что) я говорю, чтобы напугать вас'.

Tahmin ediyorum, aralarında şöyle bir muhavere geçebilirdi meselâ... (O. Kemal) 'Я полагаю, между ними мог произойти, например, такой разговор...'

Bakıyorum, kasabada hep yaşlılar kaldı (S. Kocagöz) 'Смотрю, в местечке остались все пожилые'.

2. Значительный интерес для понимания природы и разнообразия связей главной и подчиненной частей сложноподчиненного предложения представляет такое сложное целое, в котором центром синтаксического комплекса является имя существительное сходного с *Verba sentiendi* значения (*zann* 'мнение', 'мысль', *fikir* 'мысль', *ümit* 'надежда', *iddia* 'утверждение', *kaaat* 'мнение', 'убеждение' и др.).

Названные имена существительные, образуя присвязочную часть именного сказуемого, соединяются с придаточной частью, сказуемое которого выражено формами *Verbum finitum*, способом управления (изафет II):

«*Vanya Dayı*» gelecek dönemin en sevilen oyunlarından biri olacaktır, kapısında'yım (Türk Dili, № 165, 658) 'Я убежден, «Дядя Ваня» (пьеса А. П. Чехова. — А. К.) будет одной из самых любимых пьес будущего сезона'.

²⁸ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, §§ 1040—1045, 1050; его же. О сложноподчиненном предложении в турецком языке. — «Краткие сообщения ИВ АН СССР», вып. XXII, 1956, стр. 13—18; его же. *Китаб-и Дедем Коркут* (Грамматические заметки). — «Известия АН Азерб. ССР, серия общественных наук», 1965, № 4, стр. 73—80.

Türkçeyi de, Türkmenceyi de iyi bilirim iddiasında imiş (K. R. Bilge) 'Он, оказывается, утверждает, (что) я хорошо знаю и турецкий и туркменский языки'²⁹.

Главные предложения в приведенных примерах, представленные формами *kapısında* и *iddiasında imiş*, имеющими строение однословных предложений, посредством синтаксического приема — изафета образуют единое целое со сложным предикативным словосочетанием, имеющим строение предложения.

3. Глагол *iste-*, единственный из названных глаголов, сочетается с определенной грамматической формой подчиненной части сложного целого, а именно с 3-м лицом повелительного наклонения; подчиненная часть выражает придаточное предложение цели, вводимое по-русски союзом «чтобы»:

Sonra, bir evimiz olsun isterdim (N. Hikmet) 'Потом, я хотела бы, чтобы у нас был дом'.

Kimse o kadar muhtarip ve zayıf bir Cemal görmesin istiyorum (H. E. Adivar) 'Я хочу, чтобы никто не видел так страдающего и не мощного Джемаля'³⁰.

Форма 3-го лица повелительного наклонения, произнесенная с энергичной интонацией³¹, образует сказуемое придаточного предложения, выражающее целевые отношения:

Genç bir müslüman hanımı aşk şiirleri yazsın ve bunları bir de âmele nesretsın, bu görülmemiş bir şeydi (İsm. Habib, *Tanzimattanberi*, I, 339) 'Чтобы молодая мусульманка писала любовные стихи и, к тому же, чтобы печатала их для народа, это было вещью невиданной' (речь идет о турецкой поэтессе Нигяр-ханым, 1856—1918).

Ср. еще: *Besle kargayı, oysun gözünü!* (D. Akşam) 'Корми ворону, чтобы она выклевала тебе глаза!'

И в этих примерах сказуемое придаточного предложения имеет свою морфологию, с помощью которой определяется синтаксическая функция и выявляется характер и семантика подчинения.

4. Значительное место в числе средств организации сложноподчиненного предложения занимают интонации («союзная пауза») и косвенно-вопросительное подчинение, при котором зависимость придаточного предложения от главного обеспечивается вопросительной интонацией в сочетании с аффиксом вопроса или вопросительными местоимениями:

...kimi buldum, tasavvur edersin? (H. E. Adivar) 'Ты представляешь, кого я (там) встретил (нашел)?'.

Ne düşünüyordum biliyor musunuz? (S. Ali) 'Знаете ли вы, что я подумал тогда?'.

* *
*

Описанные здесь некоторые способы организации подчинительных отношений в составе сложного предложения осуществляются морфологическими, лексическими и интонационными средствами, которые исторически были ведущими в системе выражения зависимости и подчинения одной части сложного целого другой.

²⁹ См. еще: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, §§ 1045—1047.

³⁰ Еще примеры см. там же, § 1056.

³¹ Об интонации как средстве выражения подчинительных отношений см. там же, §§ 1070—1075.

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

ЗАМЕТКИ О СЛОЖНОПОДЧИНЕННОМ БЕССОЮЗНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

(НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Синтаксис тюркских языков, изучение которого до 50-х годов не выходило за пределы школьных грамматик, в последние двадцать лет стал объектом пристального внимания и всестороннего исследования.

Советскими тюркологами на основе обширного материала из разных стилей литературного языка созданы капитальные труды по синтаксису простого и сложного предложения, словосочетанию и т. д.

В этих исследованиях по-новому поставлены и решены многие теоретические вопросы синтаксиса тюркских языков, в частности относящиеся к безличным предложениям и критериям определения придаточных предложений. Было доказано существование различных типов безличных предложений в тюркских языках. Тюркологи в республиках, в первую очередь азербайджанские языковеды, вскрыли коренное различие между оборотом как развернутым членом предложения, лишенным предикативности, и придаточным предложением, обладающим предикацией. Вклад советских тюркологов в теорию придаточных предложений был высоко оценен крупнейшими языковедами СССР и зарубежных стран.

Однако, несмотря на значительные успехи в исследовании синтаксиса, в этой области все еще остается много неразработанных вопросов.

До сих пор еще не созданы крупные монографические исследования, посвященные причастным и деепричастным оборотам, раскрывающие их логическую и грамматическую природу, отличие от определительных словосочетаний и предложений.

Мы не располагаем работами, исследующими все смысловые связи между отдельными компонентами сложного предложения. Не выявлены и не описаны некоторые типы придаточных предложений на материале тюркских языков. Существующая традиционная классификация придаточных предложений не охватывает всех видов придаточных предложений в конкретных языках.

У нас все еще нет обобщающей теоретической работы, посвященной аналитическому, синтетическому и аналитико-синтетическому типам придаточных предложений в тюркских языках.

Не нашли своего решения и многие вопросы сложноподчиненного бессоюзного предложения.

Соответствующие разделы описательных грамматик показывают, что в этой области нет устоявшихся определений, единых классификационных схем и общей терминологии. Расходятся мнения ученых и в толковании конкретных фактов.

Одни авторы к сложноподчиненным бессоюзным предложениям относят синонимичные сложноподчиненные союзные предложения, другие — сложноподчиненными бессоюзными предложениями считают такие, в которых компоненты связаны условным аффиксом (-sa), третьи — к этому типу относят простые предложения с причастными и деепричастными оборотами и т. д.

Мы считаем, что можно выделить два структурных типа сложноподчиненного бессоюзного предложения:

1. Сложноподчиненное бессоюзное предложение аналитического типа.

В этом предложении смысловые отношения между компонентами выражаются интонацией, и оно легко может трансформироваться в сложноподчиненное союзное предложение.

С исторической точки зрения аналитический тип сложноподчиненного бессоюзного предложения является как бы переходным между сложносочиненным и сложноподчиненным предложениями.

Рассматриваемый тип внешне напоминает сложносочиненное предложение, но в отличие от последнего его компоненты не равноправны, не самостоятельны — один компонент подчинен другому, зависим от него.

В современном азербайджанском языке встречаются все типы придаточных предложений, связанных с главным только посредством интонации, например: *O g'ün olsun: oylun Ogtaj gajytsyn* 'Да настанет день, когда возвратится твой сын Октай'.

2. Сложноподчиненное бессоюзное предложение синтетического типа.

В данном типе сложноподчиненного бессоюзного предложения сказуемое придаточного предложения связывается с главным посредством или условной формы глагола, или вопросительного аффикса, например: *Jayyş jaysa, k'üläk' jatar* 'Если пойдет дождь, ветер перестанет'; *Hafizin başı ağyuduydu, dünja gadynyn g'özündä garalardy* 'Как только заболит, бывало, голова у Хафиза, весь мир омрачался в глазах женщины'.

Одна из разновидностей сложноподчиненного бессоюзного предложения синтетического типа была обнаружена недавно в керкукском диалекте азербайджанского языка в Иракской Республике, в котором в качестве сказуемого придаточного предложения выступает деепричастие, оформленное личными аффиксами, например: *män g'äländäm* 'я идя', *sən g'äländäv* 'ты идя', *biz g'äländäx* 'мы идя', *siz g'äländävüz* 'вы идя'.

Таким образом, материалы керкукского диалекта еще раз подтвердили, что сказуемым придаточного предложения может быть только *verbum finitum*, согласованный в лице с подлежащим придаточного предложения.

Н. А. БАСКАКОВ

ПРИРОДА ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ И ИХ РОЛЬ В ЭВОЛЮЦИИ СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Специальные тюркологические исследования, посвященные описанию и анализу так называемого «тюркского изафета», дают довольно полное представление о сущности данной синтаксической конструкции¹, однако по вопросу о ее природе и происхождении существуют различные точки зрения.

В настоящей статье рассматриваются в новом аспекте проблема происхождения «тюркского (турецкого) изафета» или, точнее, притяжательного определительного словосочетания, а также роль этой конструкции в эволюции и формировании сложных синтаксических конструкций в тюркских языках.

Термин «изафет» принят в тюркологии для трех типов определительных словосочетаний, и, соответственно, в грамматическую терминологию введены понятия первого, второго и третьего изафета.

Первым типом изафета, или первым изафетом, обычно называют простые детерминированные определительные словосочетания, грамматически оформленные примыканием и обозначающие профессию, титулы, прозвища, принадлежность к полу, форму предмета и пр.

Вторым типом изафета, или вторым изафетом, называются притяжательные определительные словосочетания неполного оформления, в которых определение имеет форму основного падежа, а определяемое оформлено соответствующим аффиксом принадлежности, например, типа татарск. *at başı* 'лошадиная голова'. Эти определительные словосочетания выражают категориальные родовые понятия и указывают на отношения между предметами.

Третий тип изафета, или третий изафет, соответствует полному притяжательному словосочетанию, в котором определение оформлено родительным падежом, а определяемое — аффиксом принадлежности, например, татарск. *atnıñ başı* 'голова лошади'. В этом случае определительное словосочетание выражает принадлежность предмета.

Грамматическим термином «изафет» (<арабск. *izāfat* *إضافة* букв. 'присоединение, примыкание') обозначается в арабском языке «сопряженное сочетание или присоединение одного имени к другому, т. е. определение имени при помощи последующего имени в родительном падеже»².

¹ С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957; А. К. Боровков. Природа турецкого изафета. — В сб.: «Академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935; Н. З. Гаджиева. Природа изафета в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 2.

² Б. М. Гранде. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении М., 1963, стр. 558.

Термин этот, таким образом, был заимствован из арабского языка для обозначения соответствующих конструкций в иранских и тюркских языках.

Значение этого термина не вполне соответствует сущности определительного словосочетания в тюркских языках, где, во-первых, термином «изафет» объединяются различные по своей форме и природе конструкции определительных словосочетаний, а именно детерминативные и притяжательные, во-вторых, притяжательное определительное словосочетание в тюркских языках представляет собой определение имени при помощи *предшествующего* (а не последующего) имени в родительном падеже и, наконец, в-третьих, устанавливая три типа изафета, некоторые тюркологи исключают из группы изафета сочетания, в которых определения выражены притяжательными местоимениями.

Таким образом, термин изафет, принятый в арабском и персидском языках по существу для частного случая — обозначения определенного артикля, не может употребляться для обозначения в тюркских языках множества разновидностей словосочетания. Поэтому мы предпочитаем называть эти основные синтаксические конструкции общелингвистическим термином «определительные словосочетания», дифференцируя их на «детерминативные определительные словосочетания» и «притяжательные определительные словосочетания», относя к первым как один из частных типов — конструкции так называемого первого изафета и ко вторым — второго и третьего изафета.

Нельзя согласиться также и с установившейся в настоящее время в тюркологии теорией последовательного развития конструкций изафета, по которой полная конструкция с определением, оформленным родительным падежом, считается более новой, чем притяжательная конструкция с элизией некоторых ее элементов.

Тюркологи—сторонники использования термина «изафет», справедливо устанавливая последовательность развития структуры притяжательных словосочетаний из простых словосочетаний, были неправы, как нам представляется, в хронологической стратификации самих притяжательных конструкций, считая наиболее древней формой неполные сочетания типа татарск. *at başu* 'лошадиная голова', казахск. *менің at* 'моя лошадь', татарск. *atnuñ baş* 'голова лошади || лошадиная голова', а более новой — полную конструкцию типа татарск. *atnuñ başu* 'голова (определенной) лошади'. Однако процесс развития этих конструкций происходил, по-видимому, в обратном порядке, то есть наиболее древней притяжательной конструкцией являлась конструкция с морфологически полностью оформленным определением и определяемым, а словосочетание, в котором оформлено только определяемое, например, *at başu* 'лошадиная голова', равно как и сочетания типа *менің at* 'моя лошадь', являются более поздними, эллиптированными конструкциями, морфологически редуцированными по принципу сокращения функционально малозначимых элементов. Употребление указанных конструкций семантически дифференцировано: первая (*atnuñ başu* 'голова лошади') обозначает предметы определенные, вторая (*at başu* 'лошадиная голова') — неопределенные.

Иначе говоря, древняя конструкция типа татарск. *atnuñ başu* 'голова лошади' в современных тюркских языках реализовалась в следующих вариантах (порядок конструкций отражает их развитие от древнего состояния к более новым эллиптированным формам):

- 1) *atnuñ başu* 'голова (определенной) лошади'
- 2) *at(nuñ) başu* 'голова лошади'
- 3) *atnuñ baş(y)* 'лошадиная голова'
- 4) *at(nuñ) baş(y)* разг. 'лошадиная голова'.

Соответственно существуют три варианта с определением, выраженным местоимением:

- 1) *meniŋ atum* 'моя (определенная) лошадь'
- 2) (*meniŋ*) *atum* 'моя лошадь'
- 3) *meniŋ at(um)* 'моя лошадь вообще'.

Доказательством развития притяжательных конструкций от сложных форм к редуцированным и эллиптированным служит не только то, что такая последовательность в развитии форм в тюркских языках является общераспространенной, но также и то, что семантика полной конструкции, в которой и определение, и определяемое оформлено, является более конкретной (значение личной принадлежности), в то время как конструкция с определением, неоформленным родительным падежом, выражает семантически более абстрактную категорию отношения к данному предмету и его родовую категориальность.

Следует также отметить тот факт, что в современном якутском языке формант родительного падежа сохранился только как рудимент в некоторых местоименных словах, и функцию полных притяжательных конструкций выполняют конструкции притяжательных словосочетаний без родительного падежа при определении. Исчезновение конструкций с родительным падежом в якутском языке указывает на их древность по отношению к более поздним конструкциям без родительного падежа, которые в якутском языке сохранились как конструкции продуктивные.

Все определительные словосочетания — детерминативные и притяжательные — представляют собой синтаксическую конструкцию, выражающую атрибуцию, то есть мыслительный акт конкретизации и дифференциации понятий. Эта конструкция противопоставляется предложению, выражающему предикацию, то есть мыслительный акт абстрагирования и интеграции понятий. Мы считаем, что данные две основные синтаксические конструкции, находящиеся в оппозиции друг другу, представляют собой изначально существующие конструкции, возникшие вместе с логическим мышлением человека и прошедшие большой путь в процессе развития мышления и каждого конкретного языка. Результатом этого развития является множество различных модификаций как конструкций определительного словосочетания, так и конструкций предложения.

Современные предложения и словосочетания ведут свое происхождение от простейших конструкций: слов-сигналов и слов-понятий.

В процессе развития слов-понятий и слов-сигналов формировались простые атрибутивные и предикативные конструкции. Затем возникли более сложные синтаксические группы, которые, однако, выражали те же основные мыслительные акты либо конкретизации-дифференциации, либо абстрагирования-интегрирования понятий.

Одной из древних синтаксических конструкций, возникшей после простейших атрибутивных (словосочетаний) и предикативных (предложений) групп, является притяжательное атрибутивное словосочетание с определением в родительном падеже и определяемым с аффиксом принадлежности.

Эта конструкция представляет собой результат длительного развития синтаксического строя тюркских языков. Она в значительной степени отличается от простых детерминативных словосочетаний сложностью грамматического оформления как определения, так и определяемого и своим более сложным значением.

Генетический анализ конструкций этого типа, например, *каракалп. meniŋ basum* 'моя голова' или *qalanuŋ qarysu* 'ворота крепости'

позволяет установить для каждой из них наличие следующих четырех элементов:

1. В определении: а) более конкретное понятие *теп* 'я' в первом словосочетании и *qala* 'крепость' — во втором; б) более абстрактное понятие *-пуң* — формант родительного падежа при определении, восходящий, по теории В. Томсена и К. Грёнбека, к абстрактному понятию *пең* 'вещь, нечто, что-то', а по Г. Рамстедту — к личному местоимению *ип*, которое генетически восходит также к понятию 'вещь, нечто' < 'тело'.

2. В определяемом: а) более конкретное понятие *bas* 'голова' — в первом сочетании и *qaru* 'ворота' — во втором и б) более абстрактное понятие — аффикс принадлежности первого лица *-ум* — в первом сочетании и третьего лица *-су* — во втором.

Анализ показывает, что генетически в указанных конструкциях было представлено сопоставление двух простейших атрибутивных словосочетаний *теп+пиң* — *bas+ум* 'моя голова' или *qala+пуң* — *qaru+су* 'ворота крепости', совершенно аналогичное простому предложению, также представляющему собой сопоставление двух словосочетаний: а) более конкретного в препозиции — подлежащего и б) более абстрактного в постпозиции — сказуемого³.

Можно предположить, что конструкция притяжательного словосочетания есть ничто иное как результат трансформации простого предложения в словосочетание — своеобразная субстантивация предложения. В современных тюркских языках, как нами уже ранее отмечалось⁴, высказывание в зависимости от функции может быть оформлено либо в словосочетание, либо в предложение, причем любое предложение может быть преобразовано в словосочетание, выступающее в функции любого члена предложения, осложненного так называемыми развернутыми членами. Структура же любого притяжательного словосочетания может быть трансформирована в предложение путем превращения определения, то есть субъекта принадлежности в субъект-подлежащее, а определяемого — объекта принадлежности — в сказуемое.

Если такие словосочетания, как каракалп. *мениң kelgenim* 'мое прихождение в прошлом' и *опуң тиуалим екені* 'то, что он является учителем' есть результат трансформации предложений *теп kelgen теп* 'я приходил' и *ол—тиуалим* 'он учитель', то можно предполагать, что словосочетания типа *мениң basum* 'моя голова' или *qalanuң qarysu* 'ворота крепости' есть также результат трансформации соответствующих предложений.

Процесс трансформации соответствующих предложений в указанные словосочетания происходил по следующей схеме:

1. Словосочетание *мениң basum* 'моя голова' представляет собой результат преобразования предложения, состоящего из двух детерминативных словосочетаний:

а) *мениң* < *теп* 'я' + *пең* 'вещь, нечто' = 'моя вещь' (ср. по аналогии детерминативное словосочетание *temir dżol* 'железо дорога' = 'железная дорога') соответствует в предложении значению '[эта] моя вещь || мое нечто';

б) *basum* < *bas* 'голова' + *-ум* < *-ум* (*turur ol*) [ср. по аналогии сказуемое *atam* (*turur ol*) в предложении *bu kisi — atam* (*turur ol*)

³ См. более подробно: Н. А. Баскаков. Предложение и словосочетание в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы составления описательных грамматик». М., 1961.

⁴ Н. А. Баскаков. Предложение с развернутыми членами в каракалпакском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», III. М., 1961.

‘этот человек есть мой отец’] соответствует в предложении значению ‘[есть] моя голова’ || ‘то, что является моей головой’.

Сочетание *meniñ basum* ‘моя голова’ соответствует трансформированному предложению: а) ‘[эта] моя вещь || мое нечто’ + б) ‘[есть] моя голова || [есть] то, что является моей головой’ > ‘эта моя вещь есть моя голова’.

2. Словосочетание *qalanuñ qarysy* ‘ворота (определенной) крепости’ представляет собой результат трансформации предложения, состоящего из двух детерминативных словосочетаний:

а) *qalanuñ* < *qala* ‘крепость’ + *neñ* ‘вещь, нечто’ = ‘крепость вещь’ = ‘[эта] крепостная вещь’;

б) *qarysy* < *qaru* ‘ворота’ + *-sy* < *-sy* (*turur ol*) соответствует в предложении значению ‘[есть] ее ворота’ || ‘то, что является ее воротами’.

Сочетание *qalanuñ qarysy* ‘ворота крепости’ соответствует трансформированному предложению: а) ‘[эта] крепостная вещь’ + б) ‘[есть] ее ворота || есть то, что является ее воротами’ > ‘эта крепостная вещь есть ее ворота’.

Подобная обратимость словосочетания в предложение и предложения в словосочетание существует во всех современных тюркских языках, но она является продуктивной только для тех сочетаний, в которых в качестве сказуемого в предложении и определяемого в словоосочетании выступает функциональная форма глагола, например, *men kelgen* *men* ~ *meniñ kelgenim* ‘я приходил ~ мое прихождение в прошлом’; *sen bügün awylyñ kelgen sen* ~ *seniñ bügün awylyñ kelgeniñ* ‘сегодня ты приходил в аул ~ твой сегодняшний приход в аул’.

Что касается предложения с именным сказуемым и, соответственно, словосочетания с определяемым, выраженным именем с аффиксом принадлежности, то обратимость таких конструкций ограничена чаще односторонним процессом: можно любое предложение с так называемым «именным сказуемым» трансформировать в притяжательное словосочетание, например, *karakalp. ol—qıpaıym || ol—qıpaıym dyğ* ‘он мой гость’ ~ *opuñ qıpaıym ekeni* ‘то, что он является моим гостем’ (букв. ‘его моим гостем оказывание’); *at dıaqsı (dyğ)* ‘лошадь—хороша’ *at—puñ dıaqsı ekeni* ‘то, что лошадь хороша’ (букв. ‘лошади хорошее оказывание’). Притяжательное же словосочетание, в котором определяемое выражено именем, преобразуется в предложение в современных языках не посредством вышеуказанной трансформации, а главным образом с помощью новых конструкций, образовавшихся путем инверсии, например, *seniñ atyñ* ‘твоя лошадь’ ~ *at—seniki* ‘лошадь твоя’. Однако данная предикативная конструкция не вполне адекватна по содержанию соответствующему словосочетанию и обладает дополнительными семантическими оттенками.

Впрочем, трансформация подобных словосочетаний в предложение, как уже отмечалось выше, вполне может быть реконструирована следующим образом: *seniñ atyñ* ‘твоя лошадь’ < *sen* ‘ты’ + *neñ* ‘вещь, нечто’ (= ‘твоя вещь, твое нечто’) — *at* ‘лошадь’ + *yñ* (*turur ol*) (= ‘есть твоя лошадь’), то есть ‘[эта] твоя вещь || твое нечто’ — ‘[есть] твоя лошадь || [есть] то, что является твоей лошадью’ > ‘твоя вещь—твоя лошадь’.

В процессе развития языка трансформация предложения в словосочетание и обратно усложнялась различными сопутствующими явлениями, в частности редуцией и эллиптическими сокращениями конструкций (при этом в первую очередь редуцируется связка). Редуция и эллипсис связаны с тенденцией экономии средств выражения. Так, например,

существуют такие лаконичные конструкции, как *men kelgen waqta* 'в тот момент, когда я пришел', которая генетически восходит к более сложной *<meniŋ kelgen waqtym bolıyanda, или kōzi qara qyz* 'девушка, у которой черные глаза' *<onıŋ kōzi qara bolıan qyz* и пр.

Развитие притяжательных конструкций повлекло за собой усложнение простых предложений. Это выразилось прежде всего в появлении конструкции предложения с развернутыми членами, в качестве которых выступают притяжательные определительные словосочетания, представляющие собой трансформированные, то есть субстантивированные предложения. Такие предложения по своей семантике соответствовали индоевропейским (герм. русским) сложным предложениям с придаточными, причем роль придаточных предложений в этих сложных конструкциях выполняли развернутые члены. Развернутыми членами предложения могут быть как главные (подлежащее и сказуемое), так и второстепенные члены предложения (дополнение, обстоятельство и определение). В таком предложении зависимое суждение — высказывание, которое в языках с синтаксисом аналитического типа выражается обычно придаточным предложением, трансформируется в определительное словосочетание. Таким образом, в усложненных предложениях члены предложения выражаются не только отдельным словом, простым или притяжательным словосочетанием, но и развернутым членом предложения (масдарным, причастным оборотом), а также деепричастной конструкцией.

Дальнейший процесс усложнения синтаксических конструкций характеризуется сочленением простых предложений и образованием сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

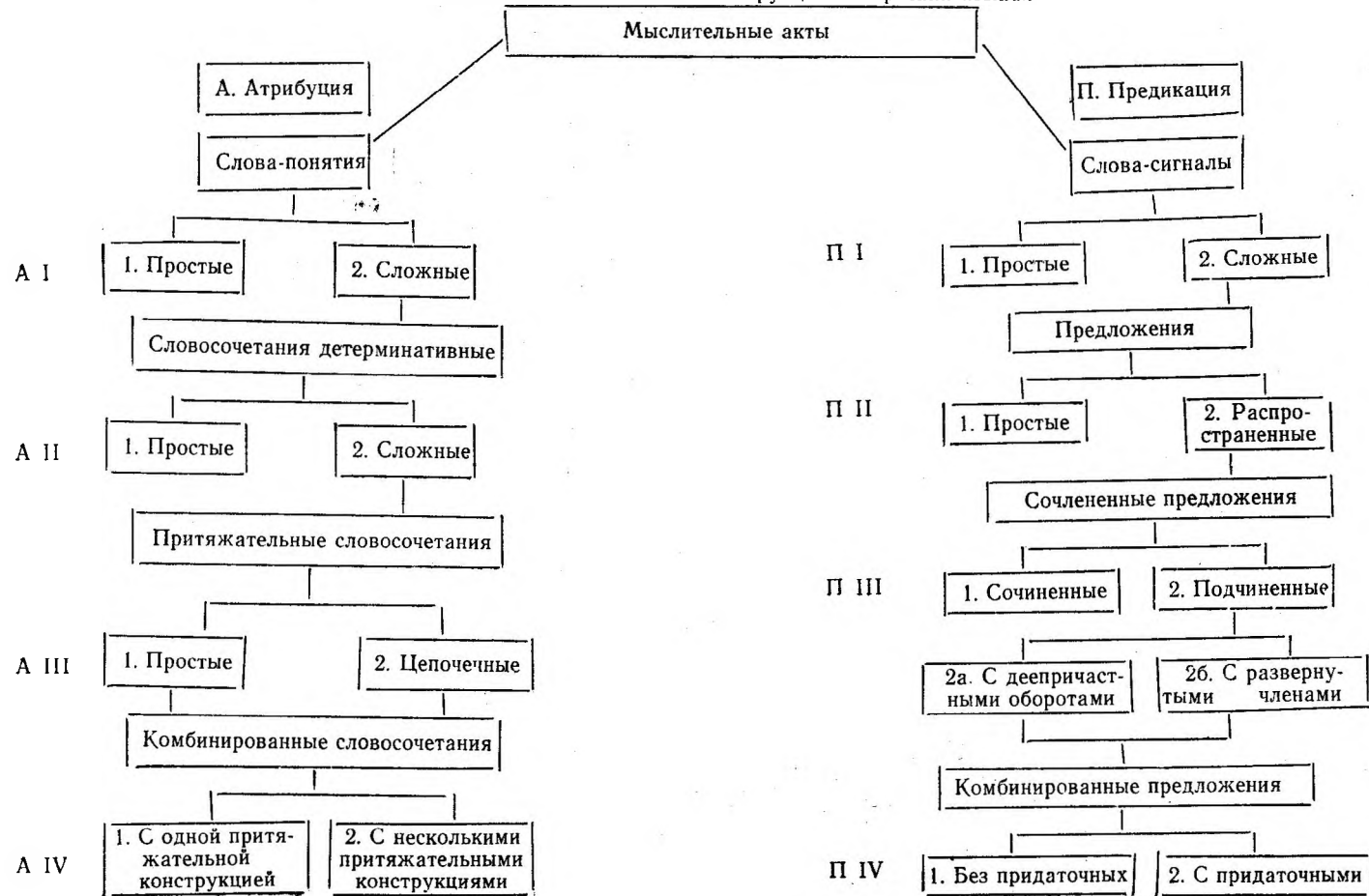
Кроме простых сочлененных (сочиненных) предложений, представляющих собой сочетание двух и более простых предложений, соединенных примыканием без какого-либо дополнительного оформления, например, в языке древнетюркских памятников, образовались сочиненные предложения, соединенные сочинительными союзами.

Затем появился новый тип сочлененных предложений, в котором личными аффиксами оформлялось сказуемое только конечного, постпозиционного предложения; сказуемые же препозиционных предложений имели деепричастную форму. Образовались своеобразные цепочечные деепричастные конструкции, из которых позже сформировались сложноподчиненные предложения, поскольку эти конструкции выражали подчинительную связь между высказываниями. Что касается сложноподчиненных предложений с придаточными предложениями, то последние появились значительно позже и их конструкции представляли собой заимствования из соседних языков. Эндогенными же синонимическими конструкциями, соответствующими в других языках сложноподчиненным предложениям с придаточными, были предложения с развернутыми членами и цепочечные конструкции с деепричастными оборотами.

Дальнейшее развитие сложных структур предложения шло в направлении комбинирования рассмотренных конструкций в рамках двух основных типов сложного предложения: 1) сочиненных конструкций, состоящих из двух и более примыкающих друг к другу предложений или соединенных сочинительными союзами; 2) цепочечных деепричастных конструкций. Позже эти конструкции развились в подчинительные комплексы, а под влиянием адстратных и субстратных факторов — в сложноподчиненные союзные и бессоюзные предложения с придаточными предложениями.

Рассмотренный процесс эволюции синтаксических конструкций в тюркских языках может быть представлен в виде следующей схемы:

С Х Е М А
эволюции синтаксических конструкций в тюркских языках

ПОЯСНЕНИЯ К СХЕМЕ

В первый период развития синтаксических конструкций в тюркских языках, до возникновения грамматически оформленных конструкций словосочетаний и предложений роль их выполняли:

А. В качестве атрибутивных конструкций:

А I 1. Простые одночленные слова, обозначающие конкретные предметно-качественные статические и динамические понятия.

А I 2. Сложные двухчленные и многочленные слова, выражающие те же, но более сложные понятия.

П. В качестве предикативных конструкций:

П I 1. Простые одночленные слова, обозначающие те или иные конкретные сигналы-призывы.

П I 2. Сложные двухчленные и многочленные слова-сигналы, обозначающие более сложные призывы.

Все указанные четыре типа конструкций — две с атрибутивным и две с предикативным значениями сохранились и в современных тюркских языках с теми же значениями, то есть первые две конструкции выступают в функции простых и сложных слов, выражающих те или иные конкретные понятия, а вторые — в предикативной функции так называемых слов-предложений.

Во втором периоде развития конструкции усложнились. На базе сложных слов-понятий образовались детерминативные словосочетания, а на базе сложных слов-сигналов и детерминативных словосочетаний возникла конструкция предложения, представляющая собой соединение сопоставление двух детерминативных словосочетаний: более конкретного в позиции подлежащего и более абстрактного в позиции сказуемого.

Таким образом, появились следующие синтаксические структуры:

А. Атрибутивные конструкции:

А II 1. Простые детерминативные словосочетания, состоящие из двух компонентов — определяемого и определения, конкретизирующего понятие, заключенное в определяемом.

А II 2. Сложные детерминативные словосочетания, включающие сложное определение, состоящее из двух и более компонентов, конкретизирующих определяемое.

П. Предикативные конструкции:

П II 1. Простое предложение, состоящее из двух компонентов — подлежащего и сказуемого, генетически представлявших собой сопоставление двух слов-понятий или двух групп слов-понятий: группы подлежащего — более конкретного понятия и группы сказуемого — более абстрактного понятия. При этом первое, конкретное понятие обобщается вторым, более абстрактным.

П II 2. Распространенное предложение, состоящее из трех или более членов, которые, однако, образуют две основные зоны — зону подлежащего и зону сказуемого, находящихся в той же зависимости, что и в простом предложении.

Все указанные четыре типа конструкций сохранились и в современных тюркских языках.

В третьем периоде развития синтаксических конструкций на базе сложных словосочетаний, с одной стороны, и конструкции предложения — с другой, возникает сложная притягательная конструкция словосочетания, представляющая собой трансформированное предложение. Эта трансформация является обратимой, то есть предложение может трансформироваться в словосочетание, а словосочетание — в предложение. На основе же предложения возникают сложные сочленения нескольких предложений в одной конструкции.

Итак, третий период характеризуют следующие конструкции:

А. Атрибутивные конструкции:

А III 1. Простые притяжательные определительные словосочетания, состоящие из двух элементов: определения в родительном или основном падеже и определяемого с аффиксом принадлежности.

А III 2. Сложные цепочечные притяжательные определительные словосочетания, состоящие из нескольких определений в родительном или основном падеже, из которых последнее служит непосредственным определением определяемого.

П. Предикативные конструкции:

П III 1. Сочиненные предложения, состоящие из нескольких предложений, сохраняющих свою самостоятельность и обладающих своей системой главных членов предложения: подлежащего и сказуемого.

П III 2. Подчиненные предложения, состоящие из нескольких предложений, из которых одно является главным, а остальные выступают в функции того или иного члена главного предложения, получая соответствующее грамматическое оформление.

В зависимости от значения и характера грамматического оформления подчиненные предложения этого типа могут выступать в качестве:

П III 2а. Предложений, осложненных деепричастными оборотами.

П III 2б. Предложений, осложненных развернутыми членами предложения.

Наконец, четвертый период в развитии синтаксических конструкций характеризуется усложнением за счет комбинации предыдущих конструкций и в современных языках представлен следующими основными типами:

А. С атрибутивным значением:

А IV 1. Комбинированные сложные словосочетания, в которых притяжательное определение в препозиции и определяемое в постпозиции образуют рамочную конструкцию, заключающую другие определения.

А IV 2. Комбинированные сложные словосочетания, в которых при одном определяемом имеется несколько определений как притяжательных, так и простых, причем притяжательные определения могут иметь и цепочечный характер, то есть относиться не к главному определяемому, а к именам-определениям.

П. С предикативным значением:

П IV 1. Комбинированные конструкции, состоящие из нескольких предложений, трансформированных в деепричастные обороты или развернутые члены предложения в различных комбинациях, включая и сочетания с сочиненными предложениями, но без придаточных.

П IV 2. Те же сложные комбинированные предложения, усложненные придаточными предложениями, конструкции которых заимствованы из других языков.

Э. В. СЕВОРТЯН

К СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Данное сообщение представляет собой краткое изложение раздела о сложном предложении из «Грамматики крымско-татарского языка», написанной автором настоящей статьи в 1938 г. (чем и объясняется хронологическая отдаленность приводимых ниже примеров из периодики).

Автор и сегодня не видит причин для пересмотра концепции, положенной в основу анализа семасиологического аспекта сложного предложения и потому отваживается вновь предложить ее вниманию тюркологов.

Источниками материала для «Грамматики» послужили произведения крымско-татарской художественной литературы 20—30-х гг., фольклор, а также газета «Янъы дюнъя» и разговорная речь.

Семасиологический аспект учения о сложном предложении, включая сюда также бессоюзное сложноподчиненное предложение, охватывает ряд семантических характеристик сложного предложения. Важнейшей среди них является определение условий, при которых происходит объединение двух (или большего числа) предложений в одно сложное целое.

Под предложением здесь и дальше нами понимается (как и в других наших работах) сочетание слов, объединяющихся вокруг подлежащего и сказуемого, безотносительно к тому, в какой форме выражается связь обоих членов. Это значит, что связь подлежащего и сказуемого (предикативная связь) может быть выражена как в личной форме сказуемого, так и в сочетании подлежащего и сказуемого без личного показателя или в таком же сочетании, но с личным показателем в сказуемом.

Введем в состав простого предложения еще одно подлежащее, например: *Звенолар ве айры колхозниклер арасында соцкунлешиув, Стаханов усулын чалышув кенишледи* (Я. Д., 4.VIII.37—3) 'Между звеньями и отдельными колхозниками расширилось соцсоревнование, работа стахановскими методами'. Подлежащие здесь различны, в принципе они могут иметь отдельные сказуемые, и тогда это было бы два предложения. В нашем примере они объединены одним сказуемым и тем самым удерживаются в рамках одного предложения. Оба подлежащих составляют синтаксическое целое и относятся в сказуемому как совокупный член предложения.

В состав предложения могут входить, как известно, и три, и четыре, и большее число подлежащих, например: *Меселя бешинджи сыныфта окъуджакъ аудиторияда, столларнынъ ярысы бир кошеде, ярысы сыныф ортасында, бир такъымы да азбар ичинде чамурлу булашып ьуралар*

(Я. Д., 3.IX.37—2) 'Например, в аудитории пятого класса (досл. 'в которой будет заниматься пятый класс') половина столов стоит в углу, другая в середине, а часть, запачканная в грязи, стоит во дворе'; *Нышанджылар, артиллеристлер, пулеметчиклер, химиклер ве связистлер озь вазифелерини джиддий огренелер* (Я. Д., 2.VI.37—4) 'Стрелки, артиллеристы, пулеметчики, химики и связисты серьезно изучают свои задачи'.

Все приведенные предложения с однородными членами объединяет одна общая особенность: подлежащие везде однородны, относятся к адекватному ряду явлений. В первом примере это — социалистическое отношение к труду (соцсоревнование и стахановские методы работы), во втором — части некоего целого (группа парт), в третьем — красноармейцы (артиллеристы, пулеметчики и т. д.). Этим обстоятельством и объясняется, почему в одном предложении при одном сказуемом может быть несколько подлежащих.

Введем в состав простого или распространенного предложения еще одно сказуемое, например: *20 йыл эввелси эмекдар койлюлернинъ яшайышлары омюр дегил эди де комюр эди* (Я. Д., 14.XI.37—2) 'Двадцать лет назад у трудового крестьянства была не жизнь, а ад' (досл. 'уголь'). Каждое из сказуемых — *омюр дегил эди*, *комюр эди* — указывает на подлежащее в третьем лице и само по себе составляет поэтому как бы минимум предложения. Но поскольку указываемые сказуемыми подлежащие имеют в виду одно и то же понятие (*койлюлернинъ яшайышлары*), то оба они удерживаются в рамках одного предложения.

Однако это еще не объясняет возможности отнесения двух сказуемых к одному подлежащему. Сравнивая оба сказуемых, можно заметить, что они имеют между собой нечто общее: первое сказуемое, выраженное отрицательной формой, получает свое положительное определение во втором сказуемом.

Таким образом, со сказуемыми повторяется то же, что и с подлежащими, то есть сказуемые семантически составляют один ряд, а грамматически — совокупный член предложения. Такая закономерность наблюдается во всех соответствующих случаях. Сравните следующие предложения: *Колхозгъа кирген сонъ Музаффар аркъадаш янъыдан эки эз яптырды ве дёрт огълуны эвлендирди* (Я. Д., 31.XII.36—3) 'После вступления в колхоз товарищ Музаффар построил вновь два дома и женил четырех своих сыновей'; *Мында Балджы Исмаил шимди 500 эмек кунни къазана, парадан 1624 рубле ала, андан гъайры армут, юзюм, къартоп, бакъла ве илях. ала* (Я. Д., 6.VII.35—2) 'Здесь Балджы Исмаиль сейчас вырабатывает 500 трудодней, получает деньгами 1624 рубля, помимо того получает груши, виноград, картофель, бобы и проч.'; *Аджайип къушнынъ сыкъ панджасына асылып учкъан Чамашырджы, азмы учкъан, чокъмы учкъан, эди кунь, эди гедже учкъан* (Кър. м., 96) 'Чамашырджы, повиснувший (досл. 'летевший, повиснув') в плотных когтях чудесной птицы, мало ли летел, долго ли летел, семь дней, семь ночей летел'.

В первом предложении сказуемые объединяются по признаку «рост благосостояния тов. Музаффара», во втором — по признаку «доходы Балджы Исмаиля» и в третьем — по признаку «продолжительность полета Чамашырджы».

Нам остается рассмотреть еще предложение с несколькими подлежащими и сказуемыми, например: *Бугунъ сабадан къардашым Керим, Макъсут ве Эннан бирликте чёлге чыкътылар, анда эпидже кездилер ве акъшам устю эвге къайттылар* 'Сегодня с утра мой брат Керим вместе с Макусутом и Эннаном вышли в поле, там хорошо погуляли и под вечер вернулись домой'. Не повторяя сказанного, можно отметить следующее:

все три подлежащих объединены между собой общим признаком и составляют совокупный член предложения; то же самое характерно и для сказуемых, каждое из которых относится одновременно к каждому из подлежащих.

Рассмотрим другой пример: *Бизим мемлекетимизде Стаханов арекети кунь куньден кенишлей, эмек асыллайдыжылыгы арта, соцкуньлешюв къавилеше* 'У нас в стране день ото дня ширится стахановское движение, растет производительность труда, укрепляется соцсоревнование'.

Мы не очень погрешим против смысла данного сочетания, если представим его в следующем виде: *Бизим мемлекетимизде Стаханов арекети, соцкуньлешюв ве эмек асыллайдыжылыгы кунь куньден арта, кенишлей ве къавилеше* 'В нашей стране стахановское движение, соцсоревнование и производительность труда день ото дня растут, ширятся и крепнут'. «Общий» смысл не изменился, но коренным образом изменились соотношения составных частей, вся структура мысли и предложения. Во втором сочетании подлежащие синтаксически взаимно равны, так же как и сказуемые. Можно как угодно комбинировать между собой подлежащие, а также сказуемые, характер связи между обеими группами от этого не изменится ни синтаксически, ни семантически. Но в первом сочетании этого сделать нельзя, так как синтаксическое равенство между подлежащими и сказуемыми уже нарушено: каждое из сказуемых имеет теперь особые отношения к своему подлежащему. Очевидно, что одного лишь указания на лицо подлежащего в форме сказуемого недостаточно. Существенно еще и то, как соотносятся между собой подлежащие и сказуемые. Достаточно изменить эти соотношения и мы перейдем из сферы одного предложения в сферу многих предложений, как это и произошло в первом из приведенных сочетаний. Какова же его природа?

Чтобы ответить на этот вопрос, сравним рассматриваемое сочетание с каким-либо другим, например: *танъ атты, къаранлыкъ басты, Къуртмамет акъай шеэрге кетти*. Поскольку предложения следуют одно за другим, можно было бы предположить, что они объединены какой-то общей мыслью. Тогда следовало бы найти общие признаки, объединяющие их между собой. Таких признаков установить здесь невозможно, и потому все сочетание следует рассматривать как изолированные, ничем не связанные предложения.

Наоборот, в первом примере (*Бизим мемлекетимизде Стаханов арекети кунь куньден енишлей* и т. д.) все три предложения тесно связаны друг с другом, так как объединены общим признаком, который можно назвать «развитием коммунистического отношения к труду». Поскольку такие и им подобные предложения образуют семантическую целостность, они и синтаксически составляют одно целое, то есть сложное предложение, точнее сложносочиненное предложение.

Составные части сложносочиненных предложений в крымско-татарском языке могут объединяться между собой разнообразнейшими общими признаками. А так как число последних бесконечно, то для группировки сложносочиненных предложений они не годятся. Тем не менее можно найти более общие признаки сходства. Их нетрудно обнаружить, приняв во внимание характер связи между предложениями, входящими в состав сочетания. В нашем примере предложения связаны между собой сопоставлением или соположением их общих смысловых признаков, и потому подобные сочетания можно назвать соположенными сложносочиненными предложениями.

Приведем несколько примеров, иллюстрирующих другие типы синтаксических связей в рамках сложносочиненных предложений: *Шимди*

бу курслар даа ялынъыз совхознынъ эки болугинде ачылды, курсларгъа 14 ишчининъ къадыны язылды (Я. Д., 30.XII.36—4) 'В настоящее время эти курсы открылись пока только в двух отделениях совхоза, на курсы записалось 14 жен рабочих'; Колхозниклер 13 бинъ рублелик заёмгъа язылгъан эдилер, шимди бу паранынъ 6500 рублеси топланылды 'Колхозники подписались на заем [на сумму] 13 тысяч рублей, сейчас из этих денег собрано 6500 рублей'.

В обоих сложносочиненных предложениях описаны определенные события, которые следуют одно за другим, в определенной хронологической последовательности. Другие примеры: Ама яхшы бил, шартлар жене о (Кър. м., 320) 'Но знай хорошо: условия все те же'; Бир ерде о эшиткен: Али къарт деген бир фукъаре бар экен (Кър. м., 45) 'В одном месте он слышал, [что] имеется какой-то бедняк по имени старик Али'.

Легко заметить, что вторые предложения в обоих сочетаниях раскрывают содержание сказуемого первых предложений, иными словами, они семантически являются дополнительными предложениями к этим сказуемым. По характеру связи оба сочетания относятся к соположенным предложениям, но объединяющий их признак здесь существенно иной по своему строению.

В рассмотренных выше сложносочиненных предложениях объединяющие признаки были равноценными и не зависели друг от друга. В последних двух примерах, наоборот, содержание вторых предложений поставлено в зависимость от значения сказуемых первых предложений. Отсюда следует, что соположение двух предложений в зависимости от их содержания может привести в одном случае к сложносочиненному, в другом случае — к сложноподчиненному предложению. Остается только снабдить их связками, чтобы подчиненность предложения получила также и формальное выражение, как это видно из следующего примера: Умют этемиз ки, багъчасарайлылар устьлерине алгъан конкрет вазифелерини омюрге отъкерирлер (Я. Д., 16.IX.37—2) 'Мы надеемся, что бахчисараевцы проведут в жизнь взятые на себя обязательства'.

Общее происхождение обоих типов предложений не оставляет, кажется, сомнений.

Рассмотрим еще пример: Бугунъ бу ишни сиз озинъиз де анъладынъыз, сыр мейдангъа чыкъты (Кър. м., 58) 'Сегодня это вы и сами поняли, тайна обнаружилась'. Может показаться, что оба соположенных предложения не имеют между собой объединяющих признаков, что они в этом смысле изолированы друг от друга. Для ясности обратимся еще к одному примеру: Эр кес азырлана, чюн ки майыс байрамы джете тура (Я. Д., 4.V.37—3) 'Каждый готовится, так как приближаются (наступают) майские праздники'. Если отбросить из последнего предложения союз *чюн ки*, то обе его части (предложения) предстанут как бы изолированными друг от друга, то есть повторится положение, наблюдавшееся в первом предложении. Наличие союза, как мы видим, придает сочетанию стройность и логичность, указывая на то, что первое предложение находится в причинно-следственной связи со вторым. Правомерно отсюда заключить, что и в первом сочетании оба предложения объединены причинно-следственной связью, что содержание первого из этих предложений мыслится как следствие содержания второго. Таким образом, в семантическом отношении приведенное предложение представляет собой сложноподчиненное предложение. Если включить в него союз *чюн ки*, то семантическая подчиненность получит также и формальное выражение. Но связка *чюн ки* выполняет и другую роль: благодаря ей обнаружива-

ется, что события, выраженные в каждом из предложений, расположены в известной хронологической последовательности, то есть эти предложения не соположенные, а расположенные.

Отсюда следовало бы заключить, что оба типа рассмотренных вначале сложных предложений являются источником образования посредством связок сложноподчиненных предложений.

Описанный выше путь образования сложных предложений можно было бы вкратце определить так: от простого предложения через сложносочиненное к сложноподчиненному предложению.

Такая схема развития сложного предложения, внешне логичная и последовательная, исторически, однако, нуждается в существенной поправке, относящейся к бессоюзному сложноподчиненному предложению.

Нами еще не изучены все без исключения древнетюркские тексты в связи с бессоюзными сложноподчиненными предложениями. Но на основании данных, содержащихся в большой и малой надписях в честь Кюль-тегина и в надписи Тоньюкука, правомерно представить следующую картину.

В языке енисейско-орхонских памятников имеется система развитых сложноподчиненных предложений, части которых соединяются с главным предложением посредством целого ряда формальных средств: прямой речи (*tijin, tin, tiscär*), условно-временной формы на *-сар*, деепричастного оборота с собственным субъектом, оборота с *учун* (*-дукын* *учун*: *tän₁ri jarlyka dukyn учун, özim кутым бар учун кабан олуртым* — Малов₂₈; *bägläri будуны түзсиз учун...* — Малов₂₉), оборота на *-тукда* со своим субъектом (*үзä көк tän₁ri асра јабыз јір кылынтукда...*) и некоторых других.

Наряду с формально выраженными сложноподчиненными предложениями в языке древних надписей весьма широко распространены соположенные и расположенные бессоюзные сложносочиненные предложения. Обилие и регулярность этих типов сложных предложений свидетельствуют о том, что бессоюзное сложносочиненное предложение сложилось намного раньше создания енисейско-орхонских надгробных памятников, то есть гораздо раньше VII—VIII вв. нашей эры. О бессоюзных сложноподчиненных предложениях этого сказать нельзя.

В привлеченных нами текстах удалось найти лишь одно бессоюзное сложноподчиненное предложение с придаточным времени/условия, да и то соединенное с таким же сложноподчиненным предложением, в котором его придаточная часть, также со значением времени/условия, имеет уже формальное выражение в виде глагольного сказуемого в форме на *-сар*: *Арык ок сән, ачс²ык, тосык өмәзсән; бір тодсар, ачс²ык өмәзсән* 'Когда же ты тощ и голоден (но тем не менее) ты не понимаешь (состояния) сытости (то есть истинных причин сытости) и, раз насытившись, ты не понимаешь (состояния) голода' (Малов₂₈). Возможно, сюда же следо-

вало бы отнести и следующее предложение: *Bilgä Tönüquq bän özüм Tabуаç ilin,ä qylyntym. Türk budun Tabуаçқа көгүр әрти* 'Я сам, мудрый Тоньюкук, получил воспитание под влиянием культуры народа табгач. (Так как и весь) тюркский народ был в подчинении у государства Табгач' (Малов₆₁). Однако данный перевод в синтаксическом отношении представляется спорным.

Если считать закономерным то, что бессоюзные сложноподчиненные предложения в надписях в честь Кюль-тегина и Тоньюкука единичны (а мы полагаем, что это именно так), то, очевидно, обоснованным будет

и вывод о том, что бессоюзное сложноподчиненное предложение — сравнительно позднее синтаксическое образование, сложившееся и развившееся под влиянием формально выраженного (союзом или иными способами) сложноподчиненного предложения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Я. Д. — газета «Янзы дюнья» — орган КрымЦИКа и Крымского обкома ВКП(б).

Кър. м. — Кърым татар масаллары ве легендалары — Алушка девлет музей-сарайы, Фольклор джыйынтыгы, № 1, 1937.

Малов — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951.

А. З. АБДУЛЛАЕВ

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В установлении связей между компонентами сложноподчиненных предложений наряду с союзами важную роль играют указательные местоимения, местоименно-наречные слова, наречия, модальные слова, интонация, а также структурно-семантическая связь самих компонентов и порядок их следования. В азербайджанском языке в сложноподчиненных предложениях не обязательно наличие всех перечисленных средств связи, тогда как порядок следования компонентов, их структурно-семантическая связь, интонация — для всех типов сложноподчиненных предложений являются определяющими. Местоимения, местоименно-наречные слова, наречия, модальные слова характеризуют лишь некоторые разновидности сложноподчиненных предложений.

При отсутствии союзов связь компонентов осуществляется другими средствами.

С формированием, определенного типа сложноподчиненных предложений неизбежно связано появление и союза, который вплоть до полной стабилизации этого типа предложений употребляется как его неотъемлемый элемент. В последующем союз превращается уже в избыточное средство и некоторое время то употребляется, то опускается, становясь факультативным. Поэтому на определенном этапе развития языка сложноподчиненные предложения бывают как союзными, так и бессоюзными.

Известно, что образование одноядерных сложноподчиненных предложений произошло путем расширения (распространения) глагольного состава в силу языкового неудобства выхода его за пределы простого предложения. Одновременно с этим процессом шло образование союза (например, союза *kim > ki*). Это обстоятельство следует расценить как новый этап в развитии мышления и языка, то есть параллельно с синтетической формой выражения мысли вырабатывались и аналитические формы. На протяжении длительного исторического периода появлялись и стабилизировались различные типы сложноподчиненных предложений, и наступил, наконец, период, когда союз, став избыточным, был опущен и возникло бессоюзное предложение. *Mändān xahiš elādi ki, g'ālim, mān dā dedim, g'ālārām* 'Он попросил меня, чтобы я пришел, и я сказал, [что] приду'.

Обе части этого бессоюзного сложносочиненного предложения смешанного типа состоят из сложноподчиненных предложений: 1) *mändān xahiš elādi ki, gālim* 'он попросил меня, чтобы я пришел', 2) *mān dā dedim, g'ālārām* 'и я сказал, [что] приду'.

Данные сложноподчиненные предложения имеют одну и ту же структуру: в каждом из них сказуемое главного предложения выражено

глаголами говорения; главные предложения требуют после себя дополнительных придаточных предложений, которые отличаются друг от друга тем, что в первом употреблен союз *ki*, отсутствующий во втором сложноподчиненном предложении, имеющем другие обязательные средства связи. Необходимо отметить и то обстоятельство, что выпадение союза чаще всего характеризует разговорную речь, отличающуюся подвижностью.

Двухъядерные сложноподчиненные предложения генетически связаны с бессоюзными сложносочиненными предложениями, одна из составных частей которых, утрачивая свою самостоятельность, становится придаточным.

На первом этапе составные части связываются без союзов. Впоследствии между ними появляются союзы и окончательно оформляются определенные типы сложноподчиненных предложений. Вслед за стабилизацией наступает период, когда союз превращается в избыточное средство и выпадает.

В древнейших памятниках встречаются такие предложения: *Оглуна бајлик веркил, тахт веркил, эрдамлидир*¹ 'Дай сыну твоему титул бека, дай престол, [потому что] он храбр'. *Гаргарсан бабама гарға, бу суч, бу кунаһ бабамдандыр*² '[Если хочешь] проклинать, проклинай моего отца, [потому что] в этой неудаче, данном грехе повинен отец'.

В этих двух примерах, каждый из которых состоит из двух простых предложений, первый компонент выражает следствие, а второй — причину. При обратном соотношении мы должны были бы характеризовать эти предложения как бессоюзные сложные предложения, так как части последних выражают причинно-следственные отношения и сочетаются в приведенном порядке. При отсутствии подчинительных союзов эти предложения оформляются в бессоюзные сложные предложения. Обратная же последовательность: следствие — причина даже при отсутствии союза — особенность сложноподчиненных предложений.

Вышеприведенные предложения можно употреблять также с союзами *она g'ōgā ki, ondan ötrü ki, onun ücün ki, cünki*.

Стало быть, в современном языке союзы в составе подобных предложений — явление более позднее. После стабилизации данного структурного типа союз может быть опущен: *Индица гызышачагсан, јорған галындыр* (М. Ибрагимов) 'Сейчас согреешься, одеяло теплое'.

В данном примере отчетливо видно опущение причинного союза, тем более, что такого типа предложения в современном азербайджанском языке употребляются и с союзами.

В сказаниях «Китаби деде Коркут» нашло отражение также образование придаточного предложения следствия: *Бу сэрхошдур, (анун чун) чаваб вермэз...*³ 'Этот навеселе, (поэтому) не ответит'.

Союз *анун чун*, оформляющий придаточные предложения следствия, встречается в Ватиканском списке, но отсутствует в Дрезденском, что свидетельствует о том, что этот союз к тому времени еще окончательно не стабилизировался.

В азербайджанском языке бессоюзные сложноподчиненные предложения представлены весьма широко.

подавляющая часть типов этих предложений употребляется параллельно с союзными сложноподчиненными предложениями. Бессоюзные сложноподчиненные предложения чаще всего встречаются в фольклоре и разговорной речи.

¹ Китаби-Дәдә Горгуд. Баки, 1962, стр. 19.

² Там же, стр. 24.

³ Там же, стр. 23.

Обратимся к примерам:

Придаточное подлежащее предложение:

*Көзәлләрдә гајдадыр,
Үз өртәр, синә бағлар⁴.
'У красавиц принято
Лицо закрывать, грудь застегивать'.*

Дополнительное придаточное предложение: *Дедиләр, Ашыг Салех гачыб, Ашыг, хаһиш едирик, бир аз да охујасан⁵.* 'Сказали, Ашуг Салех сбежал. Ашуг, просим, [чтобы] ты еще немного спел'.

Дополнительное и определительное придаточные предложения: *Гарабаш жөрдү, сәрв ағачынын дибиндә бир оғлан јатыб, елә бил он дөрд кечәлик ајды...* (Азерб. дастаны) 'Служанка увидела, под кипарисом спит юноша, как будто он (подобный) четырнадцатидневная луна...'.

Определительное придаточное предложение: *Гуш вар, этин јејәр-ләр, гуш вар эт једирәрләр* (поговорка) 'Есть птицы, которых мясо едят, есть птицы, которых мясом кормят'.

Придаточное сказуемое предложение: *В. И. Ленин кәнчләрә вәсијјәти будур: охумалы, охумалы, јенә дә охумалы* (газ. «Азерб. пионери») 'Вот что завещал В. И. Ленин молодежи: учиться, учиться и еще раз учиться'. ...*Танрыдан арзум будур: баламын тојун көрүм* (Баяты). 'Одно прошу у Всевышнего: [позволить мне] увидеть свадьбу сына'.

Придаточное предложение образа действия: *Сөзләр ағзындан елә чыхыр, елә бил Пәри хала мунчуғу ипәк сапа дүзүр* (М. Ибрагимов) 'Слова произносятся так, словно тетя Пери бусы нанизывает на шелковую нить'. ...*Елә кәл, елә кет бағ-бәрәсинә, Бүлбүлләр үркүшүб, күл инчимәсин* (Ашуг Аббас) 'Так приди и уйди (посещай) в сад цветущий, чтобы не спугнуть соловьев, цветов не потревожить'.

Придаточное предложение причины:

*...Виран галсын јад өлкә,
Сағ кәлән хәстә кедәр* (Баяты).
'Пусть разорится край чужой,
Здоровый оттуда больным возвращается'.
*...Ағлама хумар көзлүм,
Өлмәрәм, јарам азды* (Баяты).
'Не плачь, моя томноокая,
Я не умру, раны мои не опасны'.

Придаточное предложение следствия:

Мән дәлијәмми, оғлуму мәктәбә дәрсә сөвг едәм (Сабир).
'Разве я сумасшедший, чтобы сына в школу, в учение
отдать?'.
*...Јарым сәндә кәзибдир,
Сәни јүз јаша, дағлар* (Баяты).
'Моя любимая ходила здесь,
Живите века, горы'.

⁴ Баятылар. Баки, 1956; в дальнейшем — Баяты.

⁵ Азербайжан дастанлары. Баки, 1965.

Придаточное предложение цели:

G'älmišām, sāni g'ōgām 'Я пришел, чтобы тебя увидеть'.

...Көзэл бир бағ салмышам,
Ел кәлә, көлкәләнә (Баяты).

'Прекрасный сад я посадил,
Чтобы люди шли под его тень'.

Придаточное предложение времени:

Евим о кун јыхылды,
Ағам бир хатын алды (Баяты).

'Я погиб в тот день,
[Когда] мой господин женился на госпоже'.

Гијамәт о кун гопар,
Јара дәјәр јад әли (Баяты).

'Светопреставление начнется тогда,
Когда моей возлюбленной коснется рука чужака'.

Присоединительное придаточное предложение: *Бирча чаным вар, о да сизә гурбанды* (Н. Везиров) 'У меня (всего) одна жизнь, и ее я отдам в жертву вам'.

Придаточное предложение меры и степени: *О дәрәчәдә јорулмушду (ки), даныша билмирди* (из устной речи) 'Он до такой степени устал, (что) не мог говорить'. *О гәдәр башымы итирмишәм, адым чыхыб јадымдан* (У. Гаджибеков) 'Я настолько потерял голову (растерялся), что забыл собственное имя'.

Придаточное предложение места имеет только один тип, образующийся с помощью союзных слов (относительных местоимений). В силу этого придаточное предложение места не имеет бессоюзной параллели. В **условных и сравнительных придаточных предложениях** одна часть образуется на основе условной формы глагола, другая — без союза вообще не употребляется.

Случаи отсутствия в условном предложении условного аффикса и условного союза можно объяснить стилистическими особенностями: *Мәһсулу вахтында јыгдын, итки аз олачаг* (М. Ибрагимов) '[Если] своевременно уберешь урожай, потерь будет мало'.

Сказуемое в условных придаточных предложениях имеет значение будущего времени. Выражение же сказуемого прошедшим временем объясняется стилистическими факторами.

Таким образом, бессоюзными можно считать такие сложноподчиненные предложения, которые легко принимают союзы. Стало быть, структура сложноподчиненного предложения в прошлом включала союз, который в процессе эволюции и совершенствования в связи с принципом экономии утратился. Сложноподчиненные предложения, образующиеся с помощью других средств, нельзя относить к этой группе: например, сложноподчиненные предложения с союзными словами (относительными местоимениями), условные и временные придаточные предложения синтетического типа с согласованием.

* * *

Сочетания, характеризующиеся формой предложения, во многих случаях выступают в составе предложений в роли компонента словосочетания и, несмотря на сходство с придаточными, не могут квалифицироваться как придаточные предложения. Поэтому предложения в целом не могут рассматриваться как сложные. Остановимся на ряде конкретных случаев:

1) *Гошунларымыз галиб кэлмишдир хэбэри намыны севиндирди* (А. Абульгасан) 'Весть о том, что наши войска одержали победу, обрадовала всех'. Сказуемым этого предложения является глагол *севиндирди* 'обрадовало', а подлежащим — словосочетание *гошунларымыз галиб кэлмишдир хэбэри* 'весть о том, что наши войска одержали победу'. Сочетание *гошунларымыз галиб кэлмишдир* 'наши войска одержали победу' внешне сходно с предложением, однако интонационно оно не соответствует предложению и является первой частью II типа определительных словосочетаний, то есть находится в статическом состоянии.

При самостоятельном употреблении или при употреблении в составе сложного целого предложение характеризуется динамичностью. Вышеприведенное сочетание можно видоизменить в *гошунларымызын галиб кэлмэси хэбэри* 'весть о победе, одержанной нашими войсками', что еще явственнее обнаруживает его статичность.

Как последнее предложение, так и его первый вариант являются простыми. В существующей литературе были попытки отнести эти типы предложений к сложноподчиненным. Например, *Çatalı ağıyogum bahanesiyle masanın altına girdim* (А. Несин). 'Я залез под стол под тем предлогом, что ищу вилку'. Данную фразу С. А. Соколов относит к «сложноподчиненным предложениям с придаточными, которые выступают в качестве определения изафетного сочетания, определяемое которого является членом главного предложения»⁶. То обстоятельство, что *çatalı ağıyogum bahanesi* представляет собой определительное словосочетание, не вызывает сомнения.

Известно, что компоненты II типа определительных словосочетаний составляют одно синтаксическое целое. Ни в одном из тюркских языков части определительных словосочетаний не могут рассматриваться и как самостоятельные члены предложения, и как придаточные предложения.

Трудно согласиться с попыткой рассмотрения первого компонента данного сочетания как придаточного и отнесения второго компонента к главной части. Фактически, сочетание *çatalı ağıyogum bahanesiyle* выполняет в целом функцию обстоятельства цели⁷. Стало быть, приведенное предложение не является сложным.

2) *Тарымы бағчада гэм-гүссэјэ батмыш сандым,*

Хэбэр алдым ки, нэ вар, динмэди, јатмыш сандым (Вахид).

'Я увидел в саду свою любимую, повергнутую в печаль.

Спросил, что случилось, она не ответила, и я подумал, что она погружена в сон'.

Нет никакого сомнения в простом характере первого предложения. Употребленный здесь причастный оборот *гэм-гүссэјэ батмыш* 'повергнутая в печаль' выполняет роль обстоятельства образа действия. То же самое касается причастия *јатмыш* в сочетании *јатмыш сандым* (досл.: 'я посчитал спящей').

⁶ С. А. Соколов. К вопросу о классификации сложных предложений в современном литературном турецком языке. — «Структура и история тюркских языков», 1971, стр. 160.

⁷ А. Насанов. Зарфликлар. — «Мүасир Азэрбајџан дили. Синтаксис». Баку, 1959, стр. 284.

3) *Ушаг бу хадисэја сэбэб олмуш кими, өзүнү тэгсирли хисс едир-ди* (С. С. Ахундов) 'Ребенок [вел себя], как повинный в случившемся, чувствовал себя виноватым'. Сочетание *бу хадисэја сэбэб олмуш*, будучи причастным оборотом, употребляется вместе с послелогом *кими* в качестве обособленного обстоятельства образа действия.

Все рассмотренные примеры не являются сложными предложениями, тем не менее отдельные авторы относят таковые к бессоюзным сложноподчиненным предложениям⁸. Причина этой ошибки кроется в неточном определении причастия в турецком языке. А. Н. Кононов рассматривает как причастия только формы на *-(y)an*, *-(y)en*. По его мнению, турецкое причастие — это только одна из синтаксических функций некоторых временных основ изъявительного наклонения. «Основы настоящего-будущего времени (§ 457), прошедшего-субъективного времени (§ 467), будущего-категорического времени (§ 471) выступают в функции определения и в функции сказуемого: *yazar ögren-ci* 'пишущий (обычно) ученик' || 'ученик, который пишет (обычно)', *öğren-ci yazar* 'ученик пишет (обычно)'; *gelmiş tren* 'пришедший поезд' || 'поезд, который пришел'; *tren gelmiş* 'поезд пришел, говорят'; *oku-yasak öğren-ci* 'ученик, который будет читать, прочтет'; *öğren-ci oku-yasak* 'ученик будет читать, прочтет'... Таким образом, приведенные выше глагольные формы не являются причастиями в строго терминологическом значении этого слова и лишь по своим синтаксическим функциям совпадают с этой глагольной категорией языков других семей»⁹.

Отметим, что в тюркских языках, как и во всех других, глагол в роли определения не употребляется. Если же «одна и та же форма» употребляется как определение и как сказуемое, то необходимо проверить лексико-морфологическую основу этих членов предложения.

В тюркских языках много омонимичных аффиксов. Ср. *-yn/-in/-un/-ün* — аффикс родительного падежа (*kitabyn* 'книги', *däftärin* 'тетради'),

инструментального падежа или наречия (*g'üzün* 'силой', *güşün* 'зимой'), второго лица множественного числа повелительного наклонения (*g'edin* 'идите', *başun* 'смотрите'), производного имени существительного (*ākin* 'посев', *bicün* 'жатва'); *-dyr/-dir/-dur/-dür* — аффикс сказуемости (*jahşydyr* 'хороший', *g'älmişdir* 'пришел'), переходного глагола (*jandyr* 'зажигай', *gandyr* 'растолкуй'), понудительной формы (*pozdyr* 'заставь стереть', *jazdyr* 'заставь написать'); *-yş/-iş/-uş/-üş* — аффикс производных существительных и инфинитива (*g'ülüş* 'смех', *bildiriş* 'извещение', *irä-lilä]iş* 'продвижение', 'сдвиг', *başyş* 'взгляд'); взаимного залога (*jazyşmag* 'переписываться', *g'öğüşmāk* 'встречаться', *vuruşmag* 'сражаться').

Такой омонимичностью характеризуются и аффиксы причастий. Аффиксы *-yg/-ig/-ur/-ür* образуют настоящее и будущее время глагола, а также и причастия. Известны случаи субстантивного употребления слов, образованных с помощью этого аффикса.

Все причастные аффиксы, материально совпадающие с аффиксами времен глагола, также следует считать омонимичными.

Турецкий исследователь М. Эргин приводит следующие аффиксы причастий: *-an*, *-en* — *başlayan*, *gülen*; *-ar*, *-er*, *-r* — *koşar* (adım), *geçer* (akçe), *yürür* (ayak); *-miş*, *-miş*, *-muş*, *-müş*. — *susamış* (hayvan), *oku-muş* (adam); *-di*, *-di*, *-dü*, *-dü*, *-ti*, *-ti*, *-tu*, *-tü* — *şipsevdi*, *külbasti*, *begendi*;

⁸ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 514—526; С. А. Соколов. Указ. раб., стр. 159—160.

⁹ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 251, § 512.

-dik, -dik, -duk, -dük, -tik, -tik, -tuk, -tük — duyulmadık (söz) gel-dig-i (zaman); -acak, -ecek — açılacak (yol), görülecek (iş); -ası, -esi — kırılması, çıkışı, yıkılması; -maz, -mez — bitmez, tükenmez (iş), çıkmaz (sokak)¹⁰.

Он же отмечает некоторые случаи субстантивации причастий (например, düzen 'равнина', keser 'режущее орудие', gelir 'доход', yatır 'деньги, золото и другие ценности', geçmiş 'былое', yemiş 'дыня, фрукты', gelecek 'будущее', yakacak 'топливо', dedi-godu 'суды-пересуды' и др.)¹¹.

М. Эргин обращает внимание на случаи присоединения к приводимым им причастным формам аффиксов -malı, -meli и на употребление подобных образований в азербайджанском языке¹².

Азербайджанские языковеды все образования с аффиксами -an, -muş, -dyg (+аффикс притяжательности), -azag, -ag, -malı, -asy считают причастиями, употребляющимися в отдельности или же в составе оборота в роли определения, подлежащего, дополнения, обстоятельства (времени, сравнения, сопоставления, причины и т. д.)¹³.

При употреблении причастий и образуемых ими оборотов в роли определений установление первых не вызывает затруднений. В остальных случаях это, видимо, сопряжено с определенными трудностями. Сказанное в большей степени относится к адвербиальному употреблению причастий. С этой трудностью столкнулся, например, С. А. Соколов при установлении обстоятельственной функции причастного оборота. Вследствие этого простое предложение квалифицируется им как бессоюзное сложноподчиненное предложение: Salonda Müsyü Duranla Madamı yanına kitap okuyor buldum (О. Сейфеддин) 'В зале я увидел мусье и мадам Дюран, которые сидели рядом и читали книгу; Kendimizi uçsuz bucaksız mesafeler arasında kaybolmuş hissettik (Решад Нури Гюнтекин) 'Мы почувствовали себя затерянными среди бескрайних просторов'.

Перевод первого предложения неправильный, точнее было бы сказать: «В зале я застал мусье Дюрана и мадам бок о бок читающими книгу». Второе предложение переведено правильно, сохранена и его структура.

Допустим, что С. А. Соколов считает первое предложение бессоюзным сложноподчиненным предложением в связи с неправильным переводом. Но ведь перевод второго предложения свидетельствует о том, что С. А. Соколов понимает его правильно. В таком случае трудно объяснить, почему оно рассматривается им как сложное. В переводе сочетание «затерянными среди бескрайних просторов» выполняет ту же функцию, что и в турецком предложении причастный оборот «uçsuz bucaksız mesafeler arasında kaybolmuş». Это случай типологического совпадения. Первое предложение в азербайджанском языке выглядит примерно так: Salonda müsjo Duranla madamy janjana kitab oxuyan (halda) g'ördüm. В данном предложении причастный оборот отвечает на вопрос: как застал?, то есть является обстоятельством образа действия.

Ни одно из рассмотренных предложений не может быть отнесено к разряду бессоюзных сложноподчиненных предложений.

¹⁰ Muharrem Ergin. Türk dil bilgisi. Sofya, 1967, стр. 188—189.

¹¹ Там же, стр. 316—319.

¹² Там же.

¹³ «Муасир Азербайжан дили. Синтаксис». Баку, 1962, стр. 66—82; М. Хусейнзаде. Муасир Азербайжан дили (фонетика, морфологика). Баку, 1963, стр. 183—188 и т. д.

Л. А. ПОКРОВСКАЯ

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО БЕССОЮЗНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ГАГАУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И БАЛКАНО-ТУРЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ

В синтаксисе гагаузского языка бессоюзное подчинение занимает по сравнению с союзным и относительным подчинением небольшое место. Это объясняется наличием в гагаузском языке большого количества союзов и союзных (относительных) слов, развившихся в основном из вопросительно-относительных местоимений и наречий (союзы: *ани, аники, сан-сын, нижя, насыл, ачан, нечинки* и др.; союзные слова: *ким, не, нашей, несой, ангы, некадар, незаман, нечин, онуштан* и др.).

В диссертации Д. Н. Танасоглу, посвященной сложноподчиненному предложению гагаузского языка, отмечаются следующие средства подчинительной связи: «Связь между частями сложноподчиненного предложения осуществляется при помощи подчинительных союзов, союзных слов, частиц *мы, да* и аффикса *-са*, а также множества соотносительных слов»¹. К средствам бессоюзного подчинения здесь отнесены частица (аффикс вопроса) *-мы/-ми/-му/-мю*, энклитика *да/дә* и аффикс условного наклонения *-са/-сә*.

В исследовании Г. А. Гайдаржи о типах придаточных предложений в гагаузском языке выявлены и другие средства бессоюзного подчинения: «К бессоюзным придаточным предложениям мы относим зависимые конструкции, вводимые частицей *-мы* при сказуемом; со сказуемым в формах повелительного, желательного-сослагательного, условного наклонений, выраженным модальными формами глагола, предикативно-модальными формами имен»².

Во всех перечисленных структурных типах бессоюзных придаточных предложений сказуемое-глагол стоит в личной форме, а сказуемое-имя оформлено предикативными аффиксами (за исключением аффикса 3-го лица настоящего времени, имеющего обычно нулевую форму).

В структуре бессоюзных придаточных предложений с частицей *-мы/-ми/-му/-мю* (выражающей в данном случае косвенный вопрос), с аффиксом условного наклонения *-са/-сә* (включая форму на *-са/-сә* с частицей *да/дә* в уступительном значении) и с модально-предикативными формами имен на *-(й)ды, -(й)мыш, -(й)са* в гагаузском языке не наблюдается каких-либо специфических особенностей по сравнению с другими южнотюркскими языками. Особенности заключаются, по нашим наблюде-

¹ Д. Н. Танасоглу. Сложноподчиненное предложение в современном гагаузском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1965, стр. 41.

² Г. А. Гайдаржи. Способы подчинения и типы придаточных предложений в гагаузском языке. — «Советская тюркология», 1971, № 3, стр. 54.

ниям, в структуре и употреблении бессоюзных сложноподчиненных предложений со сказуемым зависимой части, выраженным глаголом в повелительном и желательном наклонениях, точнее, в форме 3-го лица повелительного наклонения и формах 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа желательного наклонения. Объем грамматических значений и употребления этих форм дает основание для выделения их в парадигму самостоятельного согласительного наклонения (конъюнктива). При этом форма 3-го лица повелительного наклонения (в отличие от сослагательного) оформляется препозиционной частицей *ко* 'пусть', например, *ко алсын!* 'пусть возьмет!' Таким образом, повелительное наклонение сохраняет свою парадигму (т. е. формы 2-го и 3-го лица единственного и множественного числа). Форма же 3-го лица настоящего времени желательного наклонения (на *-а/-ä*) в современном гагаузском языке не употребляется (за исключением отдельных устойчивых выражений).

В гагаузском языке широко употребляются бессоюзные подчинительные конструкции с конъюнктивом. При этом в главной и зависимой частях данных конструкций могут быть не только разные субъекты действия, но и одно и то же действующее лицо. Иначе говоря, совпадение или несовпадение субъектов действия у предикатов главной и зависимой частей предложения не имеет никакого значения для синтаксической структуры подобных конструкций. По своим семантико-синтаксическим функциям бессоюзные подчинительные конструкции с конъюнктивом делятся на дополнительные, целевые и (редко) определительные.

В дополнительных конструкциях сказуемое главной части выражено глаголами с модальными значениями (выражающими желание, намерение, старание, умение, волеизъявление), глаголами речи, мышления, чувственного восприятия и некоторыми другими, способными породить сказуемое зависимой части в конъюнктиве, то есть в одном из косвенных наклонений.

Остановимся на некоторых примерах.

В главной и зависимой частях — один и тот же субъект действия: *Истеерим сөлейим бир масал* (разг.) 'Я хочу рассказать (досл. 'чтобы я рассказала') сказку'.

О да истеди ону гөрсун (НТ) 'Она тоже хотела его увидеть' (досл. 'чтобы она увидела').

Безбелли озаман бу генч ериф таасимнеди айырылмасын ана топра-андан (газ.) 'Вероятно, тогда этот молодой человек (и) решил не расставаться (досл. 'чтобы он не расстался') с родной землей'.

Неетленмишти о... панайыра гитсин (НТ) 'Намеревался он... съездить (досл. 'чтобы он съездил') на базар'.

В главной и зависимой частях — разные субъекты действия:

Чешмеддн су бракмээр алалым (ГФ) 'Не разрешает нам брать (досл. 'чтобы мы брали') воду из источника'.

Ишитмейим евин долайында сыклык едәсиниз! (НТ) 'Чтобы я не слышал, что вы свистите (досл. 'чтобы вы свистели') возле дома!'

Бән истеерим гөстерәсиниз сизин ен ии чифтчинизи (ДК) 'Я хочу, чтобы вы показали (мне) самого лучшего вашего крестьянина'.

Ламбу бекләмеди Софи она геери жувап етсин (НТ) 'Ламбу не ждал, чтобы Софи ему ответила'.

Выражение наличия или отсутствия условий для совершения действия, возможности, невозможности или необходимости выполнения действия осуществляется с помощью именных конструкций с предикативными наречиями *вар* 'есть', 'имеется', *йок* 'нет', 'не имеется', *лайзым* 'надо'.

‘нужно’, ‘необходимо’, так как в гагаузском (как и в других тюркских языках) нет специальных глаголов со значениями **наличия, отсутствия, возможности, невозможности, долженствования**. В подчиненной же части название действия с указанием на лицо его исполнителя выражается глаголом в конъюнктиве. Слова *вар* и *йок* в данных конструкциях могут принимать аффиксы сказуемости (только прошедшего времени, так как в настоящем — нулевая форма) и сочетаются с вопросительно-относительными местоимениями *не* ‘что’ и *ким* ‘кто’ в различных падежных формах или с наречиями, производными от *не*.

Приведем примеры.

Бир филжан рагы вар нейлән ичейим, бир ушаан елинъ бир гүмүйи вар нередън верейим (НТ) ‘У меня есть на что выпить стакан вина, есть из чего дать серебряную монетку в руку ребенку...’ (досл. ‘есть на что я выпил бы’, ‘есть откуда дал бы’).

Башка йок не верейим сизъ (БС) ‘Больше мне нечего вам дать’ (досл. ‘больше нет, что я дал бы вам’).

Нъапсын дъду, йок нъанда куйтулансын (фольк.) ‘Что делать старику, негде ему укрыться’ (досл. ‘что поделал бы старик, нет где он укрылся бы’).

Слова *вар* и *йок* с местоименными наречиями *нижъ* и *насыл* ‘как’ превратились в устойчивые сочетания со значениями ‘возможно’, ‘можно’ и ‘невозможно’, ‘нельзя’ (ср. в тур. *olur* и *olmaz*):

Бу иш вар нижъ олсун (БС) ‘Это дело может осуществиться’ (досл. ‘можно чтобы было’).

Евелки инсан буну хич йокту нижъ инансын да (газ.) ‘Прежний человек этому совершенно не мог бы и поверить’ (досл. ‘совершенно невозможно было, чтобы поверил’).

Да варды мы нижъ чифтчи чалсын шен түркү? (газ.) ‘Да мог ли бы крестьянин (прежде) петь веселые песни?!’ (досл. ‘да можно ли было, чтобы крестьянин пел веселые песни’).

Предикативное наречие *лйъзым* (с аффиксами сказуемости) в сочетании с глаголом в конъюнктиве обозначает долженствование, необходимость совершения действия (отрицательная форма — *дишл лйъзым*, где отрицательная частица стоит в препозиции).

Подтвердим это примерами.

Гүн авшама дънду, лйъзым евлеринъ гитсиннър (НТ) ‘Солнце близилось к закату, им нужно расходиться по домам’ (досл. ‘нужно, чтобы они разошлись’).

Бън лйъзымды калыйм гежелемъй бурада, Сызбал Николайларда (ДК) ‘Я должен был остаться (досл. ‘я нужно было, чтобы остался’) ночевать здесь, в семье Николая Сызбала’.

Целевые конструкции. В главной и зависимой частях — один субъект действия:

Вар мы хаберин, бън гелдим, сени авланмаа кафадар алайым? (НТ) ‘Знаешь ли ты, (что) я пришел, чтобы взять (досл. ‘чтобы я взял’) тебя товарищем на охоту?’

...да гидер алатлан гътүрсүн ихтиар дъдуйа бир парча сыжак екме-жик (БС) ‘...и идет поспешно, чтобы принести (досл. ‘чтобы она принесла’) старому деду кусок теплого хлебушка’.

В главной и зависимой частях — разные субъекты действия:

Буун салверерим сени иштӑн, сабаакы йола хазырланасын дейни (ГД, С) 'Сегодня отпускаю тебя с работы, чтобы ты могла приготовиться к завтрашней дороге'.

О уч тепсийи кой соба устунӑ, суумасыннар (разг.) 'Те три противня поставь на печку, чтобы не остыли'.

Определительные бессоюзные конструкции с конъюнктивом обычно связаны с выражениями типа *гелди вакыт* 'пришло время', *гелди сыра* 'пришел черед' в главной части, например: *Йок не йапсыннар, гелмиш сыра версиннар гелини Иванчуйа* (БС) 'Нечего им делать, пришел черед отдавать (досл. 'чтобы они отдали') невесту за Иванчу'.

Бессоюзные подчинительные конструкции с конъюнктивом имеются также в гагаузских говорах Болгарии, что установлено нами по фольклорным материалам в книгах А. Манова³ и Вл. Зайончковского⁴ (из-за ограниченного объема статьи примеров не приводим). Такие же конструкции употребительны и в ряде балкано-турецких диалектов и говоров. Венгерская исследовательница Ж. Какук, обнаружившая данные конструкции в турецких говорах Кюстендила и Михайловграда (в западной Болгарии)⁵, посвятила им специальную статью⁶. По мнению Ж. Какук, бессоюзные подчинительные конструкции такого типа, вытеснившие в указанных турецких говорах типично тюркские конструкции с отглагольным именем (на -так или -та) или деепричастием (*dıye*), развились в них, несомненно, под влиянием болгарского языка. При этом основой для их развития послужили распространенные в турецких диалектах и разговорном языке сложноподчиненные предложения с союзом *-ki* персидского происхождения, вводящим придаточные прямого дополнения и

цели следующего типа: 1) *padışah çozuğa emrederki oraja gitsin*;

2) *çozuk geldiki işini bitirsin*. В этих конструкциях союз *-ki* может быть опущен⁷. Такой путь развития бессоюзных подчинительных конструкций «нетюркского» типа, но на базе тюркских языковых средств — подтверждается и данными гагаузского языка, где изредка встречаются дополнительные и целевые придаточные предложения со сказуемым в форме конъюктива, вводимые союзами *ки*, *ани* 'чтобы'. Например:

Евин саабиси истӑрди, ки дӱн олсун ислӑй (ДК) 'Хозяин дома хотел, чтобы свадьба была хороша'.

Ишӑрдик каранниктан караннаадан, ани аач калмайлым дейне (газ.) 'Мы работали (раньше) от темна до темна, чтобы не остаться голодными' (досл. 'чтобы мы не остались голодными, мол').

В. Г. Гузев⁸, изучавший говоры, зафиксировал бессоюзные подчинительные конструкции в турецком говоре села Крепча (в северо-восточной Болгарии), считая их кальками с болгарских фраз. Он отметил употребление форм желательного и повелительного наклонения не только с глаголами, но и с наречиями, выражающими желание, намере-

³ А. И. Манов. Потеклото на гагаузите и техните обичаи и нрави. В две части. Варна, 1938, стр. 148—154.

⁴ W. Zajaczkowski. Jezyk i folklor gagauzów z Bulgarii, Kraków, 1966, стр. 109—110.

⁵ Zs. Kakuk. Die türkische Mundart von Küstendil und Michailovgrad. Acta Linguistica ASch, t. XI, f. 3—4. Budapest, 1961, стр. 317.

⁶ Zs. Kakuk. Constructions hypotactiques dans le dialecte turc de la Bulgarie Occidentale. Acta Orient. Hung., t. XI, f. 1—3. Budapest, 1960, стр. 249—257.

⁷ Там же, стр. 249.

⁸ В. Г. Гузев. Описание турецкого говора села Крепча Тырговиштенского округа в Болгарии. — «Балканско езикознание», т. V, 2. София, 1962, стр. 79.

ние, необходимость, в частности конструкции типа *ben l'azim gidiim* 'я должен идти', *o l'azim gitsin* 'он должен идти' и т. п. (такие же, как и в гагаузском языке).

Ю. Немет⁹ отметил наличие бессоюзных подчинительных конструкций с повелительно-желательными формами глагола, построенных по болгарской модели, в турецком диалекте Видина (северо-западная Болгария), где вообще проявляется сильное болгарское влияние.

Болгарские тюркологи Р. Моллов и М. Моллова¹⁰ в статье о славянском влиянии в турецких говорах Западных Родопов в числе признаков болгарского влияния указывают употребление в данных говорах бессоюзных подчинительных конструкций с императивом-оптативом, соответствующих болгарским конструкциям с частицей *да* + глагол в личной форме, и приводят примеры таких конструкций.

В работах по другим балкано-турецким диалектам (статьи Ю. Немета, Я. Экмана, М. Мансуроглу, Г. Хазаи, Ж. Какук, М. Молловой, В. Дримбы, Э. Боева и др.) наличие рассмотренных нами бессоюзных подчинительных конструкций не отмечается. Однако их удалось обнаружить в фольклорных текстах — образцах турецкого говора с. Куманова (Македония), записанных Я. Экманом¹¹. Интересно отметить, что в данном говоре (как и в говорах Кюстендила и Михайловграда) указанные конструкции употребляются и с глаголом *başlamak* 'начинать' (например, *onlar başlarlar kessinlar kavagi* 'они начинают рубить тополь', досл. 'чтобы они рубили'), чего не наблюдается в гагаузском языке, где в таком случае употребляются конструкции с инфинитивом (*башлээрлар кесмйй* и т. п.).

Итак, бессоюзные подчинительные конструкции с конъюнктивом, распространенные в гагаузском языке и ряде балкано-турецких диалектов, следует считать синтаксическим явлением, развившимся в результате активной интерференции гагаузских, турецких и болгарских диалектов еще до переселения основной массы гагаузов из северо-восточной Болгарии в Бессарабию (т. е. до конца XVIII в.). Самое интересное заключается в том, что подчинительные конструкции с конъюнктивом специфичны не только для болгарского, но и для всех других балканских языков (албанского, греческого, македонского, румынского, отчасти сербско-хорватского). Как установлено в балканистике, утрата инфинитива и замена его конъюнктивом является одним из основных грамматических признаков балканского языкового союза¹². До сего времени считалось, что в балкано-тюркских языках не имеется ни одного «балканизма», ни морфологического, ни синтаксического¹³. Такое мнение балканистов объясняется, несомненно, недостаточной изученностью тюркологами балкано-турецких диалектов и гагаузского языка. Представленные в данной статье материалы и наблюдения свидетельствуют о том, что в балкано-тюркских языках (турецком и гагаузском) найдена одна из синтаксических особенностей балканских языков.

В связи с этим представляется вполне оправданным предположение одного из специалистов по балканским языкам о том, что «крайне инте-

⁹ J. Németh. Die Turken von Vidin. Sprache, folklore, religion. Budapest, 1965, стр. 108.

¹⁰ R. Mollov et M. Mollova. Parlers turcs des Rhodopes de l'ouest au point de vue slavistique. — «Linguistique balkanique», XI, I. Sofia, 1966, стр. 121—136.

¹¹ J. Eckmann. Kumanova (Makedonya) türk agzi. «Gyula Nemeth Armagani». Ankara, 1962, стр. 130—142.

¹² Kr. Sandfeld. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris, 1930, стр. 7.

¹³ S. B. Bernstein. Les langues turques de la péninsule des Balkans et «l'union des langues balkaniques». Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes, v. VI. Linguistique. Sofia, 1968, стр. 73—79, 89.

ресно было бы исследовать синтаксис гагаузского языка в аспекте общей теории языковых контактов»¹⁴.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БС — Буджактан сесляр. Литература йазылары. Кишинев, 1959 (фольклорно-литературный сборник, сост. Д. Н. Танасоглу).

газ. — газета «Ленинское слово» (орган Комратского РК КП Молдавии и райсовета депутатов трудящихся) с гагаузской страницей «Буджак дан ерлери» (1969—1971 гг.).

ГД, С — Н. Бабоглу. Гагауз дили 7—8-жи класслар ичин (Синтаксис). Кишинев, 1962.

ГФ — Гагауз фольклору (сост. Н. Бабоглу). Кишинев, 1969.

ДК — Д. Карачобан. Алчак сачак алтынды (рассказы). Кишинев, 1966.

НТ — Н. Танасоглу. Бужак, Бужак... Аннатмалар (рассказы). Кишинев, 1970.

разг. — разговорная речь.

фольк. — фольклор.

¹⁴ Т. В. Цивьян. Имя существительное в балканских языках. М., 1965, стр. 157.

В. И. АСЛАНОВ

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА ОДНОГО ИЗ ТИПОВ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ

Сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным в современном азербайджанском языке может быть либо бессоюзным, либо с соединительным союзом *k'i*. При этом подлежащее придаточного предложения, как правило, имеет форму именительного падежа. Даже в тех случаях, когда подлежащее формально не выражено, оно подразумевается также в форме именительного падежа.

В тюркских письменных памятниках арабского письма нередко встречается и такой тип сложноподчиненного предложения, в котором подлежащее придаточного дополнительного употребляется с аффиксом винительного падежа.

Если придаточное предложение является именным, то его сказуемое может быть употреблено как с аффиксом сказуемости, так и без него:

Bunlaryn^v äslini nädändür, bil,

G'är nä sejtansän, olma äg'ridil (Насими)

‘Знай, в чем их суть;

Если ты не сатана, то не будь криводушным’;

Hüsniñä säzdä gylmajana sänin^v

Häk dedi adyny k'i sejtandur (Насими)

‘Того, кто не поклонялся твоему лику’

Бог нарек сатаной’;

Mö'minä häk dñnjany zindan dedi (Насими)

‘Бог правоверному сказал, что мир — это темница’.

В приведенных примерах все придаточные предложения являются именными, но в первых двух — *bunlaryn äslini nädändür*, *adyny sejtandur* — именные сказуемые употреблены с аффиксом *-dir*, а в предложении *dñnjany zindan* сказуемое *zindan* не имеет при себе аффикса сказуемости.

В одних случаях, когда подлежащее придаточного предложения выражается личными местоимениями первого или второго лица, сказуемое согласуется с подлежащим:

Ärüb nitki tutulmusdur dilingän,^v

Säni k'imdür dejän k'im türkman^vsän (Насими)

‘Арабская речь услышана с уст твоих,

Кто же называет тебя туркменом’;

Mān esq^v gūzārgāhindā hakām,
 El cūmlā bilir māni k'i pakām (Физули)
 'Я прах на пути любви,
 Весь народ знает, что я чист'.

В предложениях же типа bāni varsun dersiz («Китаби деде Коркут») 'вы говорите, чтобы я ушел' или bāni xāndan olur zānn etmā kāsdi- iṣrāt etdik'zā (Недим) 'не считай меня смеющимся каждый раз, предаваясь веселью' согласование отсутствует: подлежащее придаточного дополнительного предложения выражено личным местоимением первого лица единственного числа bān, однако сказуемое употреблено в третьем лице единственного числа. Разумеется, можно было бы привести примеры, где вместо подлежащего bān было бы biz, sän, siz.

В рассматриваемом типе сложноподчиненных предложений придаточные предложения не всегда являются именными, они могут быть и глагольными:

Ogunladym bejni turmustur^v
 («Эт-тухфат-уз-закиййа фил-лугат-ит-туркиййа»);
 'Я считал, что бек стоит';
 Jariṇ^v zāfasy zūmlā vāfadur zāfa degül,
 Jary^v zafā gylur dejān āhli-vāfa degül (Насими)
 'Муки, (причиняемые) возлюбленной, — в целом (суть проявление) верности, а не (просто) мучение.
 Тот, кто говорит, что возлюбленная принимает муки, не верный муж';
 K'im nā bilür bān bilürām k'im pezā k'ecār dūnūmi (Юнус Эмре)
 'Кто ведает, (один лишь) я знаю, как проходят мои ночи'.

Как известно, в союзных сложноподчиненных предложениях с придаточным дополнительным союз k'i||k'im употребляется, как правило, непосредственно после сказуемого главного предложения. Предложения же рассматриваемого типа чаще всего являются бессоюзными:

Bejni cyggyb sandym^v («Эт-тухфат-уз-закиййа...»)

'Я посчитал, что бек вышел';

Surātā dāxi zan mā'nidür^v

Zatına sor any nā sārbaṭdūr (Насими)

'Душа является сутью внешности;

Спроси у сути (то есть души), что она за шербет';

Bāxt āg'ār gylsa mādād uḵxumya g'irsān bir g'ezā^v,

İstārām bāxtimni ta hāsr bidar olmasun (Кишверу)

'Если поможет судьба и ты приснишься мне в одну из ночей,
 Желал бы я, чтобы судьба моя не просыпалась до судебного дня';

Demāṇ āk'sik' māni tadriz ilān jakut olan dasdan (Физули)

'Не говорите, что я меньше (то есть менее ценен) камня,
 постепенно превращающегося в яхонт';

Bilür ol tozy gözā tutijadur («Шахнаме»)

'(Он) знает, что та пыль — это бальзам для глаз'.

В союзных сложноподчиненных предложениях рассматриваемого типа место союза *k'i||k'im* не постоянно:

1. Союз *k'i||k'im* следует непосредственно за сказуемым главного предложения: Rubah g'ördi k'i bir xorusu bir čämānzardā g'āzār¹ («Калила и Димна») 'Лиса увидела, что какой-то петух прогуливается по лужайке'; Saḡunursan k'im ol aḡazun k'ök'ini gaḡyu suji ilān tārbijāt tapmıš ola («Шухаденаме») 'Казалось, что корень того дерева был орошен водой горести'.

2. Нередко сказуемое главного предложения вместе с союзом *k'i||k'im* ставится после подлежащего придаточного предложения:

K'im k'i hüsniḡ sifātin sōjlāmāz anyḡ sōzini

Sajmazam hecā k'i bifaidā āfsanādūrūr (Насими).

'Того, кто не говорит о твоей красоте,
Слова (его) я считаю ничтожными, ибо они бесполезны и лживы';

G'ār dilārsāḡ sāadāti-ābādi

Tamuji, bil k'i, nicün oldy jedi (Насими).

'Коль ты желаешь вечного счастья,
То знай, почему рай стал семиступенчатым';

Ol biādābni, g'ör k'i, satar ustadlyḡ (Кишвери).

'Посмотри на того невежду, (который) торгует мастерством';

Basyny g'ördi k'i, imam Hüsejnün dizi üstündādūr («Шухаденаме»).

'(Он) увидел, что голова его находится на коленях имама Хусейна'.

3. В некоторых случаях союз *k'i||k'im* встречается не непосредственно после сказуемого главного предложения, а между главными членами придаточного предложения:

Necā müflis zukaklarda jatur az,
K'im ārsā bilmās anlarny k'i k'imdür («Гулистан» Сейф Сараи)

'Сколько обездоленных спят голодными на улицах,
И никто не знает, кто они';

G'ezā k'im uḡxumya g'irsāḡ, istārām ol uḡxuni
K'im kijamātdā daḡy olmaja bidary hānuz² (Кишвери).

¹ Данный тип сложноподчиненного предложения не встречается в письменных источниках персидского языка.

В тюркологии нередко аффикс винительного падежа идентифицируется с определенными артиклями в английском, французском, немецком и других языках, в то время как слово *biḡ* считается эквивалентом неопределенного артикля, если оно выступает в значении «какой-то», «некий». В приведенном примере подлежащее придаточного предложения имеет в своем составе не только аффикс винительного падежа, но и союз *k'i*, который предшествует ему.

² Данный пример интересен тем, что определительное словосочетание *ol uḡxuniḡ bidary* в нем распалось и лишь первый компонент ставится перед союзом *k'im*, но в форме не родительного, а винительного падежа. Ср. также:

Hār ganda esitdi bir tabibi
G'ülzaryunḡ oldy āndālibi (Физули)

'Где только он слышал о каком-либо лекаре,
Становился соловьем цветника (того лекаря)'.

В последнем случае слово *tābibi* должно быть рассмотрено не только как прямое дополнение, но и как первый компонент словосочетания *tābibiḡ gülzaryunḡ āndālibi*.

‘Если ты ночью вошла бы в мой сон, то я хотел бы не просыпаться
От того сна даже во время всемирного воскресения’.

Неустойчивость места союза $k'i||k'im$ связана, по-видимому, с эллипсисом: если эллиптируется прямое дополнение главного предложения, которое одновременно является подлежащим придаточного предложения, то союз $k'i||k'im$ ставится перед придаточным; если же эллиптируется подлежащее придаточного предложения, то союз $k'i||k'im$ следует за прямым дополнением придаточного предложения.

Сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными, в которых подлежащее имеет форму винительного падежа, встречаются в основном в тех тюркских письменных источниках, где чувствуется сильное лексико-грамматическое и стилистическое влияние арабского и персидского языков³. Это обстоятельство, казалось бы, позволяет утверждать, что подобные предложения есть результат арабского и персидского влияния на синтаксическую структуру тюркских языков. Однако нам кажется, что такое предположение не имеет научной убедительности. Вряд ли предложения типа *bir k'ışl varmyş bāni öldi deǵu xābār vermiş* («*Китаби деде Коркут*») ‘один человек отправился, сообщил, говоря (обо мне), я умер’; *g'ilasy, g'örgilān, guǵurdu* (*Физули*) ‘ты посмотри на черешню, она взбесилась’; *bilirmola baǵymdaky jarany, pezā jak-tyuş mān tāk' g'ūlūgarany* (*Вагиф*) ‘знает ли (она) о моей сердечной ране, как жжёт (рана) такого горемыку, как я’ можно считать возникшими под влиянием синтаксической структуры арабского или персидского языка. Мы склонны думать, что рассматриваемый тип сложноподчиненного предложения возник и формировался на чисто тюркской почве и, найдя параллели в арабском и персидском языках, получил свое дальнейшее развитие.

Вхождение в обиход подлежащего придаточного дополнительного предложения в винительном падеже, по-видимому, объясняется принципом экономии, действующим во всех языках народов мира. В данном случае избегается тавтологическое употребление одного и того же слова дважды — сперва с аффиксом винительного падежа в качестве прямого дополнения при сказуемом главного предложения, затем в форме именительного падежа после союза $k'i||k'im$. Однако предложения с аналогичной структурой, хотя и редко, но практически встречаются:

Saniǵlādūrūr hūmaj tāl'āt,
K'im dedi sāni k'i, sān hūmasān (*Насими*)

‘Феникс озаряется тобой,
Кто же сказал о тебе, что ты феникс’.

Приведем еще несколько примеров, в которых подлежащее придаточного предложения употребляется в винительном падеже:

³ В арабском языке если связь между компонентами сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным осуществляется с помощью союза *و* (или *فان*) (по терминологии арабистов), который, по нашему убеждению, восходит к тому же корню, что и модальная частица *إن* «поистине», то подлежащее придаточного дополнительного предложения ставится непосредственно после союза *و* в форме винительного падежа. Почти такая же картина наблюдается и в средневековых письменных источниках персидского языка. Как в арабском, персидском, так и в тюркских языках в аналогичных случаях сказуемое придаточного предложения выражается глаголами типа *думать, предполагать, знать, сообщить, верить, говорить, желать, считать, называть* и т. п. В связи с этим главное предложение передает различные модальные оттенки значений предположения: надежды, уверенности, достоверности, опасения и т. д.

Sordum aṇa k'i, sābany xany (Хатаи)

'Я спросил у него, где зефир';

Jary äyjar bilübdür k'i baṇa jar olmaz (Физули).

'Соперник узнал, что любимая не станет моей возлюбленной';

Bāni xāndan olur zann etmā... (Недим).

'Не думай, что я веселюсь...'

При тавтологическом употреблении слов sāba, jar, bān, как в приведенном выше примере из Насими, данные предложения трансформировались бы следующим образом: Sordum aṇa sābany k'i, sāba xany; jary äyjar bilübdür k'i, jar baṇa jar olmaz; bāni zann etmā k'i, bān xāndan oluram.

Следует особо отметить, что в сложноподчиненных предложениях рассматриваемого типа главное предложение очень часто состоит лишь из одного сказуемого: Bir mälük'ni ajturlar g'ezā iṣrāt gylp taṇ atgynza šük'r sāhrasynda bu bejtni ogur idi («Гулистан» Сейф Сарай) 'Говоря об одном правителе, что (он) предавался веселью по ночам и с наступлением зари пел этот бейт';

Bejni bildirdim atny ijārlaniptir («Эт-тухфат-уз-закиййа...»).

'(Я) сообщил беку, что конь его оседлан';

G'örin ol yajraty jog adāmini

Xāta nijjat gylp batil is etdi («Гулистан» Сейф Сарай).

'Взгляните на того человека, лишенного чести,

Намерение (его) ошибочно, дела тщетны'.

В таких предложениях глагол g'ög-, обладающий широкой семантикой, чаще всего употребляется в первом лице единственного числа желательного наклонения или же во втором лице единственного, реже множественного числа повелительного наклонения; при этом в первом случае g'ög- выступает в значении «желать», во втором — в значении «смотреть», реже — «видеть»:

Sābrimi yarāt ejlädi, gapdy kārarymy yāmin

Незā zāfaju, g'ög, yāmin gylpy bu bikāragā, g'āl⁴ (Насими).

'Похитило мое терпение, лишило меня спокойствия твоё горе
(причиненное тобою),

Иди, полюбуясь, какое страдание причинило мне, беспокойному,
твое горе';

⁴ Небезынтересно отметить тот факт, что имя в сочетании с местоимением незā имеет обычно форму именительного падежа даже в тех случаях, когда оно выступает в роли прямого дополнения.

^v Cak'di ^v sacyñ ^v k'öñlimi-zanzirina

^v Sol dälili, g'ör k'i, nä divanädür (*Насими*).

'Твои локоны вовлекли мое сердце в свои сети;
Взгляни на сумасшедшего, как он безумен';

Ayjary, g'örüm, därdü bälalärg'ä tus olsun (*М. Аmani*).

'Желаю, чтобы соперника (моего) постигли горе и недуга'.

В употребляемых в живой разговорной речи сложноподчиненных предложениях, выражающих проклятья, пожелания зла или, наоборот, добра, глагол g'ör- выполняет функцию главного предложения⁵ и требует для подлежащего придаточного предложения формы винительного падежа: Sāni, g'örüm, öläsān 'Желаю, чтобы ты умер'⁶.

Как известно, проклятья, а также благие пожелания почти во всех языках мира выражаются в лаконичной форме. Например, в русском языке слово «спасибо» («желаю, чтобы спас Вас бог» или «спаси Вас бог»); в арабском языке приветствие صباح الخير 'доброго утра' восходит к предложению «я желаю, чтобы утро Ваше было добрым», и первый компонент сочетания صباح الخير ставится в винительном падеже, хотя при нем нет никакого управляющего переходного глагола. Поэтому есть все основания предполагать, что в предложениях типа

Sāni janasan, aj gyz,

^v Bitä dānāsān, aj gyz (*Азербайджанская народная песня*).

'Чтобы ты сгорела, о девушка;
Ты одна единственная, о девушка'

полностью эллиптировано главное предложение. В предложении sāni janasan сказуемым придаточного предложения является janasan, а подлежащим в винительном падеже — sāni.

При выражении сочетания угрозы с проклятием, обращенных ко второму лицу, говорящий может опустить даже сказуемое придаточного предложения и произнести просто: а sāni ... 'чтобы тебя...'

Нам кажется, что, опираясь на данную структуру, можно объяснить и значение первых строк ряда азербайджанских баяты, где, видимо, сказуемое табуируется. Приведем один пример:

Azizinām, ha sāni,
Hak saxlasyn ha sāni,
Xästä k'önlü nar istär,
Mānim k'önlüm ha sāni.

'Дорогая моя, о тебя...
Да сохранит бог тебя,
Душа больного желает граната,
Моя душа — лишь тебя'.

⁵ Как лексическое значение глаголов, выражающих предположение, сомнение и т. д., так и способность их выступать в качестве главного предложения в сложноподчиненных предложениях, создают предпосылки для постепенного перехода этих глаголов в разряд модальных слов:

^v Sanasan k'i iki ^v gāndü ^v sākārdür
^v Gojnundak'y ^v gosa ^v nary, ^v Şamata (*Багиф*)

'Как будто два сладостных сахара —
Та пара гранатов на твоей груди, о Шамама'.

⁶ Точнее: 'Желаю видеть тебя мертвым||умершим'.

Таким образом:

1. Можно с определенным основанием предположить, что сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным, подлежащее которого имеет форму винительного падежа, возникло и сформировалось на сугубо тюркской почве, в связи с необходимостью избежать тавтологического употребления слова дважды в одном предложении. Данный тип сложноподчиненного предложения получил в тюркских языках, контактировавших с арабским и персидским, дальнейшее развитие, найдя в последних соответствующие параллели.

2. В качестве сказуемого главного предложения в рассматриваемом типе сложноподчиненных предложений выступают чаще всего глаголы речи, чувственного восприятия, а также выражающие предположение, сомнение, уверенность.

3. В некоторых случаях в живой разговорной речи все компоненты главного предложения эллиптируются, сказуемое же придаточного предложения табуируется.

Г. А. ГАЙДАРЖИ

СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИДАТОЧНЫМИ ОТНОСИТЕЛЬНОГО ПОДЧИНЕНИЯ В ГАГАУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Бессоюзное подчинение считается типичным для тюркского сложно-подчиненного предложения. Особое место в этом отношении занимает гагаузский язык, в котором наряду с бессоюзным подчинением в системе сложного предложения существует также широко развитая система подчинительных союзов¹, вводящих придаточные предложения самой разнообразной семантико-синтаксической функции. В то же время гагаузский язык сохранил еще одну из присущих тюркским языкам особенностей — относительное, или релятное, подчинение, отличающееся своей спецификой от союзного и бессоюзного² способов связи. В данном сообщении мы и ставим целью отметить некоторые особенности широкоупотребительных в гагаузском языке сложноподчиненных предложений с придаточными относительного, или релятного, подчинения³. В систему относительного подчинения мы выделяем те сложные предложения, придаточная часть которых оформляется относительными местоимениями и наречиями, называемыми в традиционной грамматике союзными словами. Это местоимения *ким* 'кто', *не* 'что', *нашей*⁴ 'что', *нёсой* 'какой', 'что за', *ангы* 'который', *кач* 'сколько' и наречия *нижя*||*насыл* 'как', *нааны*||*нерейи* 'куда', *наанда*||*нер(е)дй* 'где', *наандан*||*нер(е)дйн* 'откуда', *нере* в формах принадлежности (*нерем*, *нерен*, *нереси* 'какое место у меня? у тебя? у него?'), *некадар* 'сколько', *незаман*||*невакыт* 'когда', *нечин* 'почему', 'зачем', *онуштан* 'потому', 'поэтому'⁵.

Релятное подчинение в гагаузском языке, как и в других тюркских языках, имеет ряд особенностей. Первая особенность состоит в том, что

¹ Союзное подчинение нами подробно рассматривалось в статье «Способы подчинения и типы придаточных предложений в гагаузском языке». — «Советская тюркология», 1971, № 3.

² О структурных типах бессоюзных сложноподчиненных предложений в гагаузском языке см. там же.

³ Иллюстративный материал нами взят из оригинальных произведений гагаузских авторов, из фольклорных материалов и устной речи гагаузов, записанных на территории Молдавии и Одесской области Украины. Частично использовались и материалы В. А. Мошкова.

⁴ Местоимение *нашей* впервые было отмечено Л. А. Покровской в ее «Грамматике гагаузского языка. Фонетика и морфология». М., 1964, стр. 141—142.

⁵ О происхождении некоторых из названных местоимений и наречий см. в соответствующих разделах «Грамматики...» Л. А. Покровской. Этимология этих слов частично представлена и в упоминавшейся выше нашей статье. («Советская тюркология», 1971, № 3).

союзные слова в отличие от союзов не являются грамматизованными средствами связи частей сложноподчиненного предложения. Переосмыслению относительных слов в формальный синтаксический показатель препятствует сохранение ими связи (лексического значения) с вопросительными местоимениями и наречиями, используемыми в системе простого предложения. Сохранение лексического значения подтверждается тем, что придаточное, оформленное относительным словом, может эллиптироваться, редуцироваться до релята. Например: — *Кимин бу сыырлар?* — *Билмеерим, кимин* (из сказки) — 'Чей это скот? — Не знаю, чей'. Подобная редукция придаточного невозможна ни при союзном подчинении, где союз уже выступает как выразитель подчинительных отношений, ни при бессоюзном подчинении, где подчинительная связь осуществляется формами сказуемого. Имеющиеся в языке фразеологические обороты типа *билмәм не* 'не знаю что', *билмәм ким* 'не знаю кто', *билмәм нәһәй* 'не знаю куда', *аллаа билер не* 'бог знает что', *аллаа билер нижә* 'бог знает как', *аллаа билер неһаман* 'бог знает когда' и т. п., по всей вероятности, и формировались из эллиптированных придаточных предложений.

Вторая особенность сложных предложений с придаточными относительного подчинения заключается в том, что они функционируют чаще всего как коррелятно-релятные структуры: *ким* 'кто' — *о* 'то', *не* 'что' — *о* (о^у) 'то', *нижә* 'как' — *өлә* (отүрлү) 'так', *нередән* 'откуда' — *орадан* 'оттуда', *неһаман* 'когда' — *оһаман* 'тогда' и т. д. При союзном подчинении также возможны соотносительные слова в главном предложении. Однако, если при союзном подчинении коррелят соотносится со всем придаточным предложением (и синтаксическая функция его совпадает с функцией придаточного), то при относительном подчинении коррелят соотносится лишь с релятом в составе зависимой части, и совпадение синтаксических функций наблюдается только у обстоятельственных придаточных. Например: *Нердә чоклук, орда боклук* (посл.) 'Где толпа, там нет порядка'; *Нейин йок, ону иштә* (из сказки) 'Чего у тебя нет, то [и] проси'. Ср. с предложением союзного подчинения с коррелятом: *Йазэрым онуштан, ки үрәйм буйурэр йазмаа* (из письма) 'Я пишу [стихи] потому, что сердце диктует писать'.

Следовательно, при релятном подчинении придаточных употребление коррелята не мотивируется синтаксическими отношениями между частями сложноподчиненного предложения, как это наблюдается в союзно-коррелятных конструкциях.

Третья особенность релятного подчинения проявляется в том, что союзные слова выступают в качестве члена предложения зависимой части и оказываются носителями логического ударения. Это особенно характерно для изъяснительных конструкций, в которых реляты всегда логически выделяются. Ср., например: *Билерим бән, нәһадар алмаа ләазым* (С. Куруоглу) 'Я знаю, сколько надо брать'; *Гөрүнер, ки файдалы иш йапэрсыныз* (Г. Гайдаржи) 'Видно, что вы делаете полезное дело'. Относительное слово — носитель логического ударения — не может быть опущено, как это свойственно некоторым изъяснительным союзам (Ср.: *Гөрүнер: файдалы иш йапэрсыныз*).

Как видно из примера, при опущении подчинительного союза возникает синтаксическая синонимия союзной и бессоюзной конструкций, которая не допускается релятным подчинением, что, видимо, объясняется

меньшей степенью автономности придаточного относительного подчинения как по структуре, так и по содержанию.

Основными функциональными (семантико-синтаксическими) типами придаточных предложений в гагаузском языке являются следующие: 1) придаточные подлежащные, 2) придаточные сказуемостные, 3) придаточные определительные, 4) придаточные дополнительные, 5) придаточные образа действия, 6) придаточные меры и степени, 7) придаточные сравнительные, 8) придаточные времени, 9) придаточные места, 10) придаточные причины, 11) придаточные цели, 12) придаточные условные, 13) придаточные следствия, 14) придаточные уступительные, 15) придаточные присоединительные.

1) Придаточные предложения подлежащные вводятся относительными словами *ким* 'кто', *не* 'что', *ангы* 'какой (=кто из)'. Например: *Ким инанмээр, сеслăмесин...* (из сказки) 'Кто не верит, пусть не слушает...'; *...не олмуш, геери гелмăз* (С. Куруоглу) '...что случилось, назад не воротится'; *Ангыныз истеер кызымы алсын, о лăазым уч даава чăзсун* (из сказки) 'Кто [из вас] хочет взять мою дочь [в жены], тот должен три задачи решить'.

Как видно из примеров, придаточные предложения подлежащные могут быть и бескоррелятными, однако личная форма сказуемого главного предложения уже предполагает форму основного падежа личного местоимения в роли грамматического подлежащего. Следовательно, придаточные подлежащные фактически порождаются субъектной функцией коррелята, грамматическое же значение союзного слова не влияет на семантико-синтаксическую функцию придаточного. Союзная и бессоюзная связь придаточным подлежащим не свойственна.

2) Придаточные предложения сказуемостные возможны с релятами *ким* 'кто', *несой* 'каков', 'какой' и синонимичных ему *нижă||насыл*. Например: *Несой ишин, отурлă да кăарын* (посл.) 'Каков товар (букв. 'дело'), таков и доход'; *Биз оннарыз, кими буктулар, ама кырмадылар* (С. Куруоглу) 'Мы те, кого согнули, но не сломили'. Сказуемостные придаточные относительного и союзного подчинения выступают всегда как детерминаторы именного предиката главного предложения.

3) Придаточные определительные относительного подчинения вводятся союзными словами *не* 'что', *нашей* 'что', *несой* 'какой', 'как', *ангы* 'который', *нăаны||нерейи* 'куда', *нăанда||нер(е)дă* 'где', *нăандан||нер(е)дăн* 'откуда': *...Хербиринă йок закон, не йапсын* (Д. Карачобан) '...Для каждого не существует (нет) закона, что ему делать'; *О кула чожук — рус солдадыды, ангысы, безбелли, кендикиилериндăн гери калды...* (С. Куруоглу) 'Тот парень-блондин был русским солдатом, который, по всей вероятности, отстал от своих...'; *Буджаан гезăр йолу да вар,||Нердăн гечăр безиргăннăр* (Н. Танасоглу) 'У Буджака есть и торная дорога, где (по которой) проезжают купцы'⁶.

В гагаузском языке определительным придаточным предложениям свойственно и союзное подчинение⁷. Однако, если при союзном подчине-

⁶ За недостатком места нами не приводятся примеры на употребление всех относительных слов. При этом для большей ясности мы умышленно используем в качестве иллюстраций главным образом сложные предложения с одним придаточным.

⁷ См.: Г. А. Гайдаржи. Придаточные предложения с союзом *ки* со значением атрибута и главных членов предложения в гагаузском языке. — «Сборник аспирантских работ». Бельцы, 1969; Л. А. Покровская. Гагаузский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II (Тюркские языки). М., 1966; Д. Н. Танасоглу. Сложноподчиненное предложение в современном гагаузском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1965; Г. А. Гайдаржи. Способы подчинения и типы придаточных предложений...

нии для возникновения атрибутивных отношений необходимо было, чтобы определяемое слово в составе главного предложения находилось в основном падеже, то при относительном подчинении придаточное может быть аналитическим определением к любой форме имени существительного. Последнее объясняется способностью релятов (за некоторыми исключениями) к согласованию с определяемым словом.

4) Придаточные дополнительные предложения вводятся всеми релятами, кроме *онуштан* 'потому', 'поэтому': *Кимай вердин, ондан да гит истай* (из сказки) 'Кому отдал, у того и иди проси'; *Саймадым, кач кат о евдай, ама нек уусек бана горунду* (из разг. речи) 'Я не считал, сколько этажей [было] у того дома, но мне он показался очень высоким'; *Лазымды аннайасын, найанда аарамаа масалжыйкайы* (из разг. речи) 'Нужно было узнать тебе, где искать сказительницу'; *Билайдим, нерери уражам, корунажейдым* (Г. Гайдаржи) 'Знал бы я, где (букв.: 'какое место у меня') ударюсь, уберегся бы'; *Сайма, кач достунвар, ама сай, некадар иилик йаптылар сана* (посл.) 'Не считай, сколько у тебя друзей, а считай, сколько добра [они] тебе сделали'.

Дополнительным придаточным предложениям свойственны союзный и бессоюзный способы связи. Выражаемые ими объектные отношения реализуются в основном в косвенно-вопросительных сложных предложениях бескоррелятной структуры. Они вводятся глаголом-сказуемым главного предложения, однако при релятном подчинении круг вводящих глаголов уже, чем при союзном. В роли вводящих слов выступают лишь те глаголы, которые обозначают побуждение к ответу, как *сормаа* 'спрашивать', *дуйшунмай* 'думать', 'полагать', *аннамаа* 'понимать', *билмай* 'знать', *танымаа* 'узнавать', *акыл вермай* 'советовать', 'поучать', *гостермай* 'показывать' и некоторые другие. Перечисленные глаголы порождают придаточные дополнительные предложения со значением прямого или косвенного объекта с любым из союзных слов, кроме *онуштан* 'потому', 'поэтому', не являющегося по своей природе вопросительно-относительной лексемой.

5) Придаточные предложения образа действия вводятся синонимичными релятами *нижай*||*насыл* и *несой* в значении «как»: *Несой (нижай) дошейжан, олай да уйуйжан* (посл.) 'Как постелешь, так и поспишь'. Придаточные образа действия относительного подчинения всегда коррелятно-релятны. В системе союзного подчинения они могут быть и бескоррелятными; бессоюзному же подчинению выражение образа действия не свойственно вообще.

6) Придаточные предложения меры и степени в системе относительного подчинения являются в основном бескоррелятными и оформляются релятом *некадар* 'сколько': *Ичер Петика, некадар верерлар, ийер, некадар койэрлар...* (С. Куруоглу) 'Пьет Петика, сколько дают, ест, сколько насыпают...'.

Союзные придаточные предложения меры и степени функционируют только в союзно-коррелятных сложноподчиненных предложениях, в которых соотносительное слово (обстоятельство меры и степени главного предложения) выступает как структурно-обязательный элемент⁸. Бессоюзной связью данный тип придаточных не оформляется.

7) Придаточные сравнительные употребляются с союзными словами *кач* и *некадар* в значении «сколько»: [*Бобасы оолуна*]: — *Кач*

⁸ См.: Г. А. Гайдаржи. Способы подчинения и типы придаточных предложений...

пармаан вар бир елиндӑ, окадар йашындайсын (из разг. речи) '[Отец сыну]: — Сколько у тебя на одной руке пальцев, столько тебе [и] лет'; *Некадар ев, окадар адеет* (посл.) 'Сколько домов, столько и обычаев'. Здесь сравнительные придаточные выступают со значением количественного тождества. В системе союзного подчинения они имеют сравнительно-уподобительное или сравнительно-определяющее значение⁹. В отличие от придаточных союзного подчинения относительные придаточные со сравнительным значением функционируют в коррелятно-релятных конструкциях.

8) Придаточные предложения времени присоединяются к главному релятами *незаман*||*невакыт* 'когда', *несой* 'как', *некадар* 'сколько (времени)': *Незаман булунурса анахтарлар, озаман ачарыз капуйу* (Мошков¹⁰) 'Когда найдутся ключи, тогда и откроем двери'; *Браадым тутуну, несой гелдим кончедӑ* (из разг. речи) 'Я бросил курить, как [только] приехал в отпуск'; *Некадар йашыйорум дуннедӑ, йоктур каршыладыым онун гиби калипли инсан* (устный рассказ) 'Сколько [времени] живу на свете, я не встречал еще подобного ему душевного человека'.

Придаточные предложения времени богато представлены в гагаузском языке системами союзной¹¹ и бессоюзной связи; наиболее продуктивными являются временные придаточные союзного типа и бессоюзные с деепричастиями в роли сказуемого.

9) Придаточные предложения места вводятся обычно относительными словами с пространственной семантикой — *няаны*||*нерейи* 'куда', *няанда*||*нер(е)дӑ* 'где', *няандан*||*нер(е)дӑн* 'откуда' и *нере* (в формах принадлежности) и функционируют как в коррелятно-релятных, так и бескоррелятных конструкциях: *Бӑн гидерим, няны гӧзум гӧрусайды* (из сказки) 'Я иду, куда глаза мои глядят'; *Нердӑ о (Олег) йашаарды, орада йокту бӧлӑ гӧзӑл кушлар* (С. Куруоглу) 'Где он (Олег) жил, там не было таких красивых птиц'; *Нереси инжӑ, орадан копӑр* (посл.) 'Где тонко, там рвется'.

Придаточные предложения 10) причины, 11) цели и 12) условия относительными словами не вводятся. Условным и целевым придаточным свойственна как союзная, так и бессоюзная связь, а причинным — только союзная.

13) Придаточные предложения следствия оформляются союзным словом *онуштан* 'потому', 'поэтому' и лексикализированным сочетанием местоимения 3-го лица *о* 'он', 'тот' в форме притяжательного падежа (*онун*) с послелогом *ичин* (>*онун ичин*): *Куртарды руслар бизи басыжылардан, ий йашамак гетирдилӑр бизим тарафа, онуштан* (= *онун ичин*) *сӧрнешмеер чичек мезарларында* (С. Куруоглу) 'Нас русские освободили от угнетателей, хорошую жизнь принесли в наш край, потому (поэтому) не вянут цветы на могилах их [погибших]'. Придаточным следствия свойственна союзная связь и совершенно чужда бессоюзная.

⁹ См.: Д. Н. Танасоглу. Указ. раб.

¹⁰ В. А. Мошков. Наречия бессарабских гагаузов (тексты). — «Образцы народной литературы тюркских племен», т. X, изд. акад. В. В. Радловым. СПб., 1904, стр. 98.

¹¹ См.: Г. А. Гайдаржи. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в гагаузском языке. — «Ученые записки» [Бельцкого пед ин-та], вып. 7 (филолог.). Кишинев, 1965.

14) Уступительные придаточные предложения в системе релятного подчинения выражают обобщенно-уступительное значение. Они вводятся всеми союзными словами, кроме *онуштан*, осложненными энклитикой *да*: *Киминнен да кавадарлык етмейдсин, лйазым арка тутасын она* (из разг. речи) 'С кем бы ты ни дружил, ты должен поддерживать (защищать) его'; *Незаман да каршы гелсдм ону, таныйарым* (С. Куруоглу) 'Когда бы ни встретил его, узнаю'. Собственно-уступительное значение свойственно лишь придаточным союзного подчинения, обобщенно-уступительное же значение продуктивно выступает и в придаточных бессоюзного подчинения, сказуемое которых выражено формой условного наклонения или условной модальности в сочетании с энклитикой *да*.

15) Придаточные предложения присоединительные чаще употребляются с союзами; в системе же относительного подчинения присоединительное значение свойственно придаточным с релятами *не* (в форме *неддн*) и *нечин* — оба в значении «отчего»: *Докторлар каблеттилар оннары йалпак, неддн Шулайа гелдди йакышыксыз...* (Д. Карачобан) 'Врачи (=семья врачей) приняли их ласково, отчего Шулаю стало неловко...'; *Саньерым, ки Митинин кырылды бишейи тракту-
рунда, нечин озаман гележейди кузнейд уулен вакыды* (из разг. речи) 'Полагаю, что у Мити что-то сломалось в тракторе, [иначе] зачем бы он стал приходить в кузницу в рабочее время'.

Итак, система относительного подчинения придаточных в гагаузском языке не выражает всех синтаксических значений. Как было отмечено выше, отсутствуют обстоятельственные значения причины, цели и условия, все же остальные семантико-синтаксические типы придаточных в системе релятного подчинения возможны. Причем можно выделить определенные группы союзных слов, формирующих конструкции с тождественной семантикой. Так, предметные реляты *ким* 'кто', *не* 'что' выражают субъектно-предикативные отношения, реализующиеся в сложноподчиненных предложениях с подлежащими и сказуемыми придаточными. Кроме того, сказуемые придаточные предложения могут оформляться и признаковыми релятами *ниждн||насыл, несой* в значении «каков».

Атрибутивные отношения в узком смысле слова (функция придаточного определительного) выражаются признаковыми релятами *ангы* и *несой* 'какой', предметными — *не* и *нашей* 'что', а также релятами с обстоятельственным значением места — *нданы||нерейи* 'куда', *ндандан||нереддн* 'откуда', *нданда||нередд* 'где'. Атрибутивные отношения в широком смысле слова (функция придаточного образа действия как качественного определения и придаточного сравнительного) выражаются и за-
висимыми конструкциями с признаковыми релятами *ниждн||насыл* 'как', *несой* 'как'.

На обстоятельственные отношения места и времени указывают придаточные предложения с релятами наречного происхождения с пространственной и темпоральной семантикой (*нданы||нерейи* 'куда', *нданда||нередд* 'где', *ндандан||нереддн* 'откуда', *незаман||невакыт* 'когда', а также признаковые реляты *ниждн||насыл* 'как', *несой* 'как' во вторичных функциях).

Объектные отношения (функция придаточного дополнительного), основу которых составляют изъяснительные отношения, порождаются глаголом-сказуемым главной части. Причем наблюдается своего рода

специализация вводящих глаголов: в их роли могут выступать лишь те, которые обозначают побуждение к ответу. Этим, видимо, и можно объяснить тот факт, что дополнительные придаточные возможны со всеми без исключения вопросительно-относительными словами. Данное обстоятельство также можно квалифицировать как особенность (маргинальную) относительного подчинения.

З. Б. МУХАМЕДОВА

ОБ ОДНОМ ИЗ ТИПОВ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО БЕССОЮЗНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТУРКМЕНСКИХ ПОЭТОВ XVIII—XIX вв.

Стихи туркменских поэтов XVIII—XIX вв. отражают сравнительно поздние явления языка и не лишены определенного налета книжности и искусственности. Но несмотря на это, они позволяют все же уловить некоторые особенности формирования сложноподчиненных бессоюзных предложений.

Правомерно и оправдано замечание о том, что бессоюзное подчинение предшествовало союзному¹.

Н. А. Баскаков считает особенностью сложноподчиненного предложения сочетание двух или нескольких предложений, «формально не связанных между собой, но имеющих семантическое единство и связь»².

Наличие деепричастия на *-р*, *-ур(-ір)* Н. А. Баскаков также рассматривает как одну из особенностей сложноподчиненных бессоюзных предложений, что, на наш взгляд, характеризует уже довольно развитые их формы. Чаще встречаются примеры с глаголом в условном наклонении.

В основу нашего обзора положены примеры из произведений Махтумкули Гайыбы и Кемине.

Dijsem kazylar kärini
Ajdyp bolmaz-la jaryny.
(Кемине)³.

‘Если [стану] рассказывать [о] делах казиев, —
Невозможно описать и половины!’

При одном придаточном условном встречаются несколько главных предложений:

Gulluk jetirgin zanynđan,
Ajama parca nanyňdan.
Gaanly bolsa, gec gaanyňdan
Bir garyp myhman jigide.
(М-Кули, II—254).

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 514—515.

² Н. А. Баскаков. Сложное предложение в каракалпакском языке. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», III. Синтаксис. М., 1961, стр. 225.

³ Стихи Кемине приводим по критическому тексту, приложенному к книге А. Мередова «Сатирик шахыр Кемине». Ашгабат, 1958 (в дальнейшем Кемине). Стихи Махтумкули по двухтомнику «Сайланан эсерлер». Ашгабат, 1959 (в дальнейшем М-Кули).

‘Служи от всей души,
Не жалея куска хлеба своего,
Если он каллы⁴, — прости свою кровь
Бедному гостю-юноше’.

Глаголы *jetirgin*, *ajama*, *geş* управляют объектом *jigide*; в придаточном предложении сказуемое — глагол 3-го лица ед. числа, подлежащее подразумевается.

В том же произведении встречаем пример, когда главное предложение введено в середину придаточного условного.

Dövlet gelse öžün bilmez
Doğaly doğmaan jigide.

Согласно обычному порядку должно быть: *doğaly doğmaan jigide dövlet gelse — öžün bilmez* ‘если к удалцу, отроду не евшему досыта, придет счастье — он не [сможет] опомниться’.

Придаточное условное тесно связано с главным благодаря тому, что в главном предложении имеется слово, определяемое одним из членов придаточного.

Ejjama baksam, isinden
Su köñlüm gecen jaalydyr
(М-Кули).

‘Как погляжу на эпоху, — от ее дела
Мое сердце точно отреклось’.

Biribaar bos etse akyñ käsesin,
Ne pejda dasyndan bezemek bilen.
(М-Кули).

‘Если господь создаст пустую чашу разума, —
Какая польза от украшения ее снаружи?’

Но такая грамматическая согласованность (даже при инверсивном порядке слов и частей предложения) не является единственно типичной особенностью сложноподчиненных предложений для творчества Махтумкули и Кемине.

Весьма характерны для наших поэтов и предложения, которые М. З. Закиев называет «синтетическими придаточными, подчиненными главному при помощи аффиксов»⁵ — здесь сказуемое придаточного предложения выражено причастием.

Isiñ düşende bir merde,
Jaman günde galaa bolar.
(М-Кули).

‘Когда у тебя окажется дело до смельчака, —
Он в лихой день обернется крепостью (т. е. защитой)’.

Здесь в качестве подлежащего главного предложения подразумевается слово *merd*, которое в придаточном играет роль дополнения, стоящего в дательном-направительном падеже.

⁴ Термин, введенный М. Ю. Лермонтовым, соответствует выражению: «проливший кровь твоих родичей».

⁵ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 289.

Последнее предложение имеет довольно большое количество параллелей. По форме это сложносочиненные предложения, однако связь между их частями такая, что, как правило, ни разделить их союзом, ни употребить каждую самостоятельно без нанесения ущерба смыслу не представляется возможным.

Bahyl baajda berim bolmaz,
Merdiñ sözün bavar kylmaz.
(М-Кули, II—50).

‘У скупого бая не бывает благотворительности, —
Он не верит слову мужа’.

Во втором предложении нет подлежащего, в качестве последнего подразумевается слово *baaj*, которое в первом предложении стоит в местном падеже и является, таким образом, косвенным дополнением.

^v
Jaysylyuy piis bilmez,
Ar jaanynda bellidir.
(М-Кули, II—44).

‘Добра не знает скверный, —
[Это] известно мужу’.

Во втором предложении вновь подразумевается подлежащее *jayşy-luk* — прямое дополнение первого предложения.

Görün bu gahba pelegi,
^v
Duzak gurmus dasymyza.
(М-Кули).

‘Огляните этот коварный рок, —
[Он] расставил силки вокруг нас’.

В первом предложении *pelek’* в винительном падеже, во втором, неполном, *pelek’* подразумевается как подлежащее.

Дополнение первого предложения во втором и последующих предложениях подразумевается в качестве подлежащего в известном стихотворении Гайыбы, благодаря которому, согласно легенде, поэт спас в Бухаре музыку и поэзию⁶.

Saaz bilen söhbeti iaman dijmāñler, —
Adam, Nova dünjā iñnende bardyr.
‘Музыку и беседы не считайте дурными, —
[Они] были, когда в мир явились Адам и Ева’.

Последующие строфы оканчиваются подобным же образом:

^v
Soltan Söjün mürze, Myralysirim
Dünjāniñ tojuny tutanda baardyr.
‘Когда Султан-Хусейн мирза, мой Мир-Алишир
Устроили всемирный праздник, — [она] была’.

Иногда подлежащее первого предложения подразумевается в качестве дополнения второго, но тип связи сохраняется прежний:

⁶ А. Н. Самойлович. Как мулла Гайиб спас в Бухаре музыку и поэзию. Средняя Азия. Ташкент, 1910, кн. VII, стр. 82—84. Текст приводим по Гайыбы, «Сайланан эсерлер». Ашгабат, 1965, стр. 145—147.

Vah, daryya, ötdi ömrüm zaja. Berdim bada hej.
(М-Кули).

‘Увы, жаль, прошла моя жизнь понапрасну. Предал я [ее] ветру’.

Но чаще всего дополнение или иной второстепенный член первого предложения во втором, неполном, подразумевается в качестве подлежащего:

Any nisbet etmek' olmaz: gumry, bilbil, zaayy-dyr.
(М-Кули).

‘Ее нельзя сравнивать: горлинка, соловей, ворона [она]’.

Приведем пример с деепричастным оборотом во втором предложении:

Almaaveri jaman sözi jaadya,
Tik'ep bolup, dürtüp gecer doonundan.
(М-Кули).

‘Не приводи же дурного слова
себе на память:
[Оно], став шипом, пронизает
насквозь твою одежду’.

Ту же форму зависимости второго предложения от первого сохраняют предложения, каждое из которых является сложноподчиненным:

Bilgin, uzak gitmez aju dostluyy,
Gahry gelse, depñ üzre daas dök'er.
(М-Кули).

‘Знай: долго не продлится медвежья дружба:
Если нахлынет гнев, [она] на тебя свое обрушит камни’.

Здесь в первом предложении ажу — первая часть второго типа изафета, являющегося подлежащим, во втором же — ажу подразумевается как подлежащее.

Такой же зависимостью связаны следующие три предложения:

K'öñül berdim bir biveraa mahbuuba,
Cykdy elden, daayy zaana derd oldy.
(М-Кули).

‘Отдавал я сердце неверной возлюбленной,
Ушла [она] из рук, клеймо ее сделалось недугом души’.

Дополнение первого предложения mahbuuba — логическое подлежащее второго, вторая часть изафета daayy — подлежащее третьего предложения.

Her jaman söz zana jylaan disidir,
Soksa, zähri asan cykmaz iniñden.
(М-Кули).

‘Каждое недоброе слово душе — змеинный зуб,
Если ужалит, ее яд легко не выйдет из тела твоего’.

Для этого примера характерна инверсия частей: зависимая, как правило, вторая часть предшествует главной:

Jigide noysany deger, —

Naamaartlar joldas olmasyn.

(М-Кули, II—26).

‘Удальца коснется их вред, —

Пусть трусы не будут попутчиками’.

При внешней сочинительной связи предложения этого типа отличаются неразложимостью.

Большинство вышеприведенных примеров представляет собой сочетание предложений, лексико-синтаксическая зависимость которых друг от друга обусловлена тем, что второстепенный член одного предложения выступает главным членом другого (чаще всего дополнение подразумевается в качестве подлежащего). Эти типы предложений весьма распространены в произведениях поэтов XVIII—XIX вв. На наш взгляд, их можно рассматривать как один из довольно древних видов сложноподчиненных бессоюзных предложений, связь между компонентами которых трудно расторгнуть, а зависимость выявляется по смыслу.

П. И. КУЗНЕЦОВ

БЕССОЮЗНЫЕ ПРИДАТОЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ФОРМОЙ НА -DUK В ПАМЯТНИКАХ ОРХОНО- ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Многочисленность фактов, интерпретация которых на материале одних тюркских языков может быть поставлена под сомнение данными других языков или диалектов, ограниченные возможности проведения углубленных исследований в диахроническом аспекте, относительная неразработанность в тюркском языкознании сравнительно-исторического, а также новейших методов исследования — все это вместе взятое приводит к появлению многих теорий и гипотез, которые не просто опровергнуть, но и не менее сложно доказать. Думается, что к числу подобных гипотез должна быть отнесена трактовка формы на -duk (а также некоторых аналогичных) не в качестве исходного причастия или имени действия, а как формы сказуемого главного, а позднее — и придаточного предложения. (Разумеется, полемика по этому вопросу возможна лишь между теми исследователями, которые исходят из предположения, что ни одна морфема в период своего становления не является многозначной, любое новообразование однозначно и его морфологические и синтаксические функции строго ограничены).

Внимание, которое издавна привлекает к себе форма на -duk, легко объяснимо, поскольку это древнейшая и многозначная форма тюркского глагола. Отмечалось, что в первоначальном виде эта форма могла употребляться в синтаксической позиции: а) подлежащего или дополнения и б) определения; значения ее обычно иллюстрируют следующим примером: alduk а) 'взятие теперь||прежде', 'берущий||взявший', б) 'беромый || взятый'.

Однако в «Словаре тюркских наречий» Махмуда Кашгари уже более полувека тому назад было обнаружено несколько интересных примеров употребления формы на -duk еще в одном качестве — в позиции сказуемого главного предложения. Приведем только два из этих не раз цитировавшихся примеров, почерпнутых Махмудом Кашгари в языке огузов (и некоторых других диалектах): ol anu urduk 'он его ударил', mān jarmak tirdük 'я скопил деньги'¹.

Здесь форма на -duk равнозначна прошедшему категорическому времени других тюркских языков. Более того, если в одной группе родственных языков имеется временная форма на -du или -du (при отсутствии

¹ См. Divanü Lûgat-it-türk tercümesi. Çeviren Besim Atalay. Cilt II. Ankara, 1940, стр. 61, 62, где приводится около пятнадцати таких примеров.

формы на -duk), а в другой — употребительна равнозначная ей форма на -du (при отсутствии формы на -dy), то естественно предположить, что перед нами одна и та же форма, утратившая в некоторых диалектах и языках конечный согласный².

Одно обстоятельство побуждает, однако, исследователя к известной сдержанности: если в XI веке (когда был написан «Диван») форма на -duk широко использовалась в языке огузов в значении прошедшего категорического времени, то как могло получиться, что ни в одном из известных тюркологам — и достаточно многочисленных — памятников тюркской письменности не зафиксировано подобного употребления этой формы?

С другой стороны, материалы Словаря, как будто, не дают оснований к тому, чтобы заподозрить автора в стремлении мистифицировать читателей, приписав некоторым формам не свойственное им значение. Важно и другое: форма на -duk зарегистрирована в восьми случаях³ как форма *verbum finitum*, правда, лишь в отрицательном аспекте и в значении формы на -tuş а не -dy⁴. Но если какая-то форма употребляется в определенной синтаксической позиции в отрицательном аспекте, то трудно представить себе, что этому не предшествовало аналогичное употребление этой формы и при отсутствии отрицания. Так, многие тюркские языки дают примеры причастного употребления отрицательной формы -maduk или -madyk (типа тур. işidilmedik dava 'неслыханное дело'), однако в орхоно-енисейских памятниках это причастие употребляется как раз в утвердительной форме (ср.: кағанладук каған⁵ 'царствовавший каған'). В связи с этим можно было предположить априори, что утвердительная форма -duk в свое время выступала и в позиции сказуемого. Материалами «Дивана» Махмуда Кашгари это предположение, как будто, подтверждается. Можно, таким образом, представить себе следующую картину. Первоначально форма на -duk функционирует (как в утвердительном, так и в отрицательном аспекте) в значении прошедшего времени, без дифференциации по оттенкам. Затем появляется не имеющая отрицательного аспекта форма на -tuş, которая постепенно берет на себя функции прошедшего «заглазного», или «субъективного». Форма -maduk объединяет теперь в себе значения двух времен, находящихся во взаимной оппозиции, что создает определенные неудобства. Поэтому начавшийся, возможно, еще раньше процесс выпадения конечного согласного в прошедшем на -duk особенно интенсивно протекает в отрицательном аспекте, и в результате появляются две формы: исходная -maduk (прошедшее субъективное) и редуцированная -mady (прошедшее категорическое). В утвердительном аспекте процесс, будучи чисто фонетическим, идет медленнее, что особенно характерно для языка огузов. Так, вероятно, можно интерпретировать следующее высказывание Махмуда Кашгари: «Большинство огузов в первом лице ед. числа, где другие

² Вознаградительная долгота гласного звука аффикса -dy, обнаруженная в одном из памятников А. М. Щербаком (см. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 150), представляет собой след того самого фонетического стяжения, поиски которого были безрезультатны на протяжении шестидесяти лет XX в. (считая от «Араба-филолога...» П. М. Мелиоранского).

³ Они перечислены в нашей статье «Форма на -дук и придаточные предложения тюркского типа» (Сб. «Иностранные языки». М., Изд-во ВИИЯ, 1965, № 1, стр. 112).

⁴ Если такое употребление формы на -duk демонстрируют нам только рунические памятники (как, впрочем, и «Диван» Махмуда Кашгари), то это лишний раз говорит о том, что они являются древнейшими не только по «паспорту», но и во многих других отношениях.

⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951, стр. 29.

тюрки скажут *bardum*, говорят *barduk*⁶, [то есть] не различают единственного и множественного чисел; однако объединяются с другими тюрками в прошедшем заглазном (*gaip mâzi siygası*), сообщающем о ком-то, и в значении «он ушел», «он пришел»⁷ не говорят [ни] *barduk*, [ни] *kel'di*⁸.

Отрицательная форма⁹ во всех тюркских языках одна и та же. В отрицательной форме говорят *bagmadum*, *kel'medim*. В отношении личных аффиксов [в отрицательной форме прошедшего времени] во всех тюркских языках наблюдается единообразие.

В отрицательной форме прошедшего заглазного говорят *bagmaduk*, *kel'medük*, что означает «он не ушел, я слышал, что он не ушел», «он [при мне] не приходил, я после уж [его] увидел»¹⁰.

Эти детальные разъяснения дают нам право со значительной степенью уверенности предположить, что одним из древнейших значений формы на *-duk* является значение прошедшего категорического времени: *alduk* '(я, ты, он) взял || брал', а одной из позиций синтаксического употребления — позиция сказуемого.

Поскольку, однако, трактуемую форму называют обычно причастием, естественно предположить, что первичным значением для *alduk* является причастное значение («взявший» или «берущий») и, соответственно, исходной позицией — позиция определения (например, *alduk kişi* 'взявший человек'). Но при этом предположении трудно найти ответ на вопрос: какая же форма употреблялась в предикативной позиции (в значении прошедшего времени) в ту эпоху, когда причастие на *-duk* оставалось еще исключительно глагольным определением?

Действительно, никаких следов более древней, чем *-duk/-du* формы прошедшего времени в тюркских языках, кажется, обнаружить не удается, а это делает наше предположение чрезвычайно шатким, ибо если глагол используется в атрибутивной позиции (то есть как причастие), то, несомненно, уже должны существовать и какие-то формы глагола-сказуемого, в данном случае — форма прошедшего времени.

Поэтому более естественным выглядит предположение, что по своему первичному значению форма на *-duk* является основой прошедшего времени, а ее исходной синтаксической позицией была предикативная позиция, как мы это видим в предложениях типа *ol any urduk* или *män jarmak tirdük*.

Правда, и эта гипотеза не снимает ряда вопросов, на которые нелегко ответить. Не ясно, в частности: 1) можно ли объяснить причинами *фонетического* порядка тот факт, что отпадение конечного согласного распространилось главным образом на форму *-duk/-dük* в позиции сказуемого главного предложения, тогда как в других позициях она сохранила в ряде языков свой первоначальный облик; 2) имеет ли форма на *-duk* генетические связи с формами на *-juk*, *-çuk*, *-syuk* и другими, зафик-

⁶ Говоря о «большинстве огузов», Махмуд Кашгари, быть может, имел в виду скорее социальное, чем диалектное расслоение. Возможно, образованному меньшинству употребление формы *-duk* вместо *-du* казалось «архаичным» и «просторечным» (в связи с чем эта форма и не попадала в письменные документы), тогда как не связанное письменной традицией «большинство» долго еще говорило «по старинке».

⁷ У Бесима Аталая *gitti*, *geldi*, но по контексту здесь должна быть форма на *-miş*: *gitmiş*, *gelmiş*.

⁸ Бесим Аталай предполагает здесь опisku: *kel'di* вместо *kel'dük*; однако, возможно, что описка нет.

⁹ У Бесима Аталая: *Emir siygası* (повелительное наклонение), но это, по-видимому, описка.

¹⁰ *Divanü Lûgat-it-türk tercümesi*., с. II, стр. 62. (Слова в квадратных скобках добавлены нами. — П. К.).

сированными в ряде языков и древних памятников¹¹, и если такая связь устанавливается, то как можно представить себе картину последовательной морфологической и семантической модификации каждой из этих форм; 3) почему до сравнительно недавнего времени не употреблялась (а в некоторых языках и ныне не употребляется¹²) отрицательная форма причастия на -myš.

Есть и другие вопросы, остающиеся пока без ответа. Однако в данном случае для нас наиболее существенно то, что, по свидетельству автора «Словаря тюркских наречий», форма на -duk регулярно употреблялась в позиции сказуемого главного предложения в значении формы прошедшего времени и при этом не подвергалась никаким морфологическим изменениям (в связи с отсутствием согласования подлежащего со сказуемым). И если, в частности, в памятниках орхоно-енисейской письменности такое значение и употребление формы на -duk не зафиксировано, то, во всяком случае, можно ожидать, что анализ позволит выявить более или менее ясные рефлексy такого употребления и указанного значения.

Оставляя без рассмотрения значительную часть случаев употребления формы на -duk, которая, по нашим подсчетам, встречается в орхоно-енисейских памятниках 68 раз, коснемся подробнее конструкций -duk ičün и -dukun ičün.

Тексты рунического письма убеждают прежде всего в том, что формы без аффиксов принадлежности предшествуют во времени формам с этими аффиксами. В частности, в современных тюркских языках огузского типа возможна лишь форма -duу ičün, то есть форма с аффиксом принадлежности; между тем в анализируемых памятниках явно преобладают формы без притяжательного аффикса (-duk ičün), на долю которых приходится свыше 70% всех случаев употребления причинной конструкции, а именно 17 из общего числа 24¹³. (Соотношение форм -dukta и -dukunta — 15:5).

Конструкции с аффиксами и без аффиксов принадлежности синонимичны, что подчеркивается случаями параллельного использования той и другой формы. Например, употребительный оборот tärri jarlykaduk учун 'поскольку Небо приказало' встречается однажды в форме tärri jarlykadukun учун¹⁴.

Трактовка аффиксов принадлежности в глагольных формах как разновидности личных аффиксов, возможно, позволит правильно оценить, в частности, якутскую форму на -taу (<-duk), в сочетании с притяжательными аффиксами, которая, по свидетельству Е. И. Коркиной, нередко используется в заместительной функции вместо формы прошедшего времени на -da, то есть как чисто глагольная форма¹⁵.

В целом процесс постепенного замещения форм без аффиксов принадлежности (типа -duk ičün) синонимичными формами с аффиксами принадлежности (типа -dukun ičün) находит объяснение в гипотезе, согласно которой спрягаемые формы сказуемого заменили собой (сначала в главном, а затем, по аналогии, и в придаточном предложении) неспря-

¹¹ См.: Д. М. Насилов. Прошедшее время на -jük/-juq в древнеуйгурском языке и его рефлексy в современных языках. — «Тюркологический сборник к шестидесятилетию А. Н. Кононова». М., 1966.

¹² См.: Е. И. Коркина. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970, стр. 274, 275.

¹³ Перечисление дано в упомянутой статье автора «Форма на -дык и придаточные предложения тюркского типа», стр. 117.

¹⁴ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 28.

¹⁵ См.: Е. И. Коркина. Указ. раб., стр. 272, 273.

гаемые формы¹⁶. Другого объяснения этого процесса, насколько нам известно, пока не было предложено.

Проанализируем три предложения из памятника в честь Кюльтегина.

1) *Кутым бар үчүн үлүгим бар үчүн өлтәчи будуныг тиригрю игитим*¹⁷. 'Поскольку у меня [было] счастье, поскольку у меня [была] удача, то я поднял к жизни народ, обреченный на гибель'¹⁸. Извлечем из этого предложения такие синтагмы, как *кутым бар*, *үлүгим бар* и посмотрим, что они собою представляют. Очевидно, что *бар* является сказуемым, а первый элемент (*кутым*, *үлүгим*) — подлежащим; *кутым бар* в сочетании с *үчүн* дает придаточное предложение причины ('так как со мной [было] счастье'), причем отличие послелога *үчүн* от союза состоит здесь главным образом в том, что послелог не «открывает» придаточное предложение, а «закрывает» его.

2) *Тәнҗри јарлыкадуқын үчүн, өзим кутым бар үчүн қаған олуртым*¹⁹. 'Поскольку Небо приказало [и] поскольку у меня самого [было] счастье, я сел (стал) каганом'. Думается, что в синтагме *тәнҗри јарлыкадуқын үчүн* так же можно выделить подлежащее и сказуемое, как и в *өзим кутым бар үчүн*.

3) *Тәнҗри күч биртүк үчүн канҗым қаған сүси бөри таг әрмис...*²⁰ 'Так как Небо даровало [им] силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку...' Трудно не усмотреть в *тәнҗри* подлежащее, в *күч* — прямое дополнение, а в *биртүк* — сказуемое придаточного причинного предложения.

Что же касается послелога *үчүн*, то можно предположить следующую линию расширения его «валентности»: сначала он сочетается лишь с именами (в значении «для», «ради» и т. п.); затем начинает присоединяться к именам и в предикативной позиции (уже в причинном значении): *...бар үчүн* 'так как имеется...'; и, наконец, вступает в сочетание и с некоторыми глагольными формами в позиции сказуемого (типа *тәнҗри күч биртүк үчүн*). В двух последних случаях он берет на себя функцию связующего элемента, соединяющего придаточную часть предложения с главной.

Аналогичные предложения можно видеть и в современных языках, например в турецком: *tenği buyurdugu için...* 'так как Небо приказало...', *tenği güç verdiği için...* 'так как Небо даровало силу...' и т. п. Такие предложения можно было бы называть придаточными предложениями *тюркского* типа, поскольку они всегда являются *бессоюзными* (это их специфика), — связь между придаточным и главным предложениями выражается здесь особыми средствами (падежные аффиксы, послелоги), но приемлем и термин, предлагаемый С. А. Соколовым («придаточные квази-предложения») ²¹.

¹⁶ См.: П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на -ды и имен действия в тюркских языках. — Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960, стр. 62, 63.

¹⁷ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 31.

¹⁸ Ср. еще там же, стр. 29: *Bärläri buduны түзсиз үчүн...* 'Поскольку их беги [и] их народ [были] нечестны (неверны)...'

¹⁹ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 28.

²⁰ Там же, стр. 29.

²¹ См.: С. А. Соколов. Типология сложных синтаксических конструкций в турецком языке. — Вопросы тюркской филологии. М., 1966, стр. 155, 163 и сл.

Вообще тюркские языки с точки зрения типов придаточных предложений значительно богаче индоевропейских, поскольку в дополнение к своим собственным заимствовали и вполне освоили и «индоевропейский» тип придаточных предложений, вводимых различными союзами (ki, čipkü и т. д.). В настоящее время многие исследователи признают придаточными лишь предложения, вводимые такого рода союзами (да еще некоторые виды асиндетических предложений).

Ряд тюркологов придерживается, однако, иной точки зрения²², полагая, что форма соединения придаточной и главной частей предложения существенной роли играть не может, — придаточная конструкция должна быть признана предложением (а не оборотом простого предложения) во всех случаях, когда связь между ее главными элементами воспринимается как предикативная. Можно думать, что именно таковой (а не притяжательной или атрибутивной) является связь между главными элементами конструкций типа *tān₁ri kuc birtük uçun* или *tān₁ri jarlykađukyn uçun*. Но если допустить, что это действительно так, то первопричину следует, видимо, искать в самом характере древней формы на -duk, которая, как мы предположили, была первоначально формой *verbum finitum*.

²² Можно было бы назвать работы У. Б. Алиева, Н. З. Гаджиевой, В. М. Насилова, Г. И. Байтугаевой и др.

Г. Ф. БЛАГОВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ТЮРКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Важные вопросы, возникающие перед исследователями языка средневековых тюркских письменных памятников в связи с существующей путаницей в области тюркологической исторической этнолингвистической терминологии, подняты Э. Н. Наджибом в двух его статьях¹. Терминологическая путаница в этой области является фактически отражением состояния, характерного для современного этапа изучения средневековых литературных тюркских языков. Так, например П. М. Мелиоранский полагал, что надобность в нейтральном, как бы предварительном термине «чагатайский» (в его написании — «джагатайский») отпадет лишь со временем, «когда все „джагатайские“ рукописи будут изданы и обследованы, их удастся привести в более научную систему»².

В настоящее время еще очень мало сделано для введения в научный обиход значительного количества тюркоязычных рукописей, находящихся у частных лиц, а также хранящихся в библиотеках и архивах республик Советского Союза и зарубежных стран Ближнего Востока³. Между тем принцип, сформулированный П. М. Мелиоранским, предан забвению. «Категорические заявления о принадлежности того или иного памятника предкам того или иного из современных тюркоязычных народов» зачастую делаются «без учета многочисленных не только языковых, но и историко-географических факторов, без глубокого сопоставительного изучения языка этих памятников»⁴. При этом часто не принимается во внимание одно из важных положений советского языкознания о коренных различиях в степени «народности» средневекового и нового литературных языков: «Средневековый литературный язык и новый литературный язык, связанный с формированием нации, различны по своему отношению к народной речи, по диапазону своего действия и, следовательно, по степени своего общественного значения»⁵. В тюркологической литера-

¹ Э. Н. Наджип. О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 1; его же. О некоторых недостатках в изучении истории тюркских языков. — Там же, 1970, № 6. Схожий круг вопросов затрагивается в статье: Г. Ф. Благова. Тюркск. Чагатай- — русск. чагатай-джагатай. (Опыт сравнительного изучения старого заимствования). — «Тюркологический сборник, посвященный В. В. Радлову» (в печати).

² П. Мелиоранский. Турецкие наречия и литературы. — «Энциклопедический словарь», изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. XXXIV. СПб., 1902, стр. 161.

³ Э. Н. Наджип. О некоторых недостатках в изучении истории тюркских языков, стр. 48, 49.

⁴ Э. Н. Наджип. О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках, стр. 92.

⁵ В. В. Виноградов. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи. М., 1963, стр. 15. См. также: «Вопросы советской науки. Проблема образования и развития литературных языков». М., 1957, стр. 18.

туре лишь в отношении орхоно-енисейских и древнеуйгурских памятников иногда проскальзывает признание, что по языку «эти письменные памятники не тождественны ни одному из современных тюркских языков»⁶.

Равнодушие историков тюркских языков к «сложной проблематике специфических задач изучения литературных языков в разные периоды их истории»⁷ (разрядка наша. — Г. Б.) связано с тем, что соответствующая отрасль тюркологии пока еще находится в положении полной изоляции от интенсивно разрабатываемой в советском языкознании теории развития литературных языков, которая в настоящее время признается «одной из самых живых, богатых результатами и широкими обобщениями областей языкознания» в Советском Союзе⁸. Историки тюркских языков, как правило, стоят в стороне от обсуждения круга проблем, выдвигаемых теорией развития литературных языков, не пользуются хотя бы в методологическом отношении достижениями в этой области русистики и шире — славистики, несмотря на то, что, как это давно уже установлено, «в процессах развития русского литературного языка... много общего с историей других литературных языков и притом не только славянских...»⁹.

В тюркском языкознании изучение истории литературных языков в донациональную эпоху, собственно говоря, еще не отпочковалось от исторической грамматики. Развитие литературного языка чаще всего продолжает отождествляться с историческими закономерностями эволюции народного языка в целом. Лишь отдельные тюркологи пытались подойти к изучению средневекового литературного языка дифференцированно, с учетом его специфики и отличий от народно-разговорной речи¹⁰.

Между тем, скажем, в русистике, где теория развития литературного языка достигла наибольшего развития, давно уже ставится вопрос о нескольких аспектах исторического изучения языка¹¹. Установление того факта, что «литературный язык в разные периоды развития языка народа занимает в его системе разное место»¹², обуславливает необходимость изучать «специфику исторических законов развития литературных языков соотносительно и сравнительно с историческими закономерностями развития соответствующих народно-разговорных языков»¹³, принимая во внимание «исторически изменяющиеся взаимоотношения между литературным языком и языком общенародным и его диалектами»¹⁴.

Язык народа и его литературный язык, как правило, не различаются и при попытках создания периодизации истории развития тюркских языков. В основе таких попыток обычно лежит механическое перенесение схемы периодизации истории народа на историю его языка. Известны даже попытки построить «периодизацию истории письменных литератур-

⁶ Ф. К. Камол. Выступление. — «Труды Объединенной научной сессии АН СССР и академий наук Закавказских республик по общественным наукам». Баку, 1957, стр. 798.

⁷ «Проблема образования и развития литературных языков», стр. 14.

⁸ В. В. Виноградов. Различия между закономерностями развития..., стр. 3.

⁹ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. — В сб.: «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1961, стр. 113.

¹⁰ См., например: А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962; Н. Б. Бурганова. Диалекты татарского языка и памятники древней письменности. — «Вопросы татарского языка и литературы», кн. 4. Казань, 1969, стр. 39.

¹¹ См., например: Н. С. Поспелов. О трех аспектах исторического изучения языка. — «Otázky slovenské syntaxe. Sborník Brněnské syntaktické konference 17—21. IV. 1961». Praha, 1962.

¹² В. В. Виноградов. Различия между закономерностями развития..., стр. 15.

¹³ «Проблема образования и развития литературных языков», стр. 17.

¹⁴ Там же, стр. 11.

ных языков тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана», исходя из «условий экономической жизни общества»¹⁵, невзирая на то, что экономическое развитие этих народов исторически было совершенно различным и шло разными путями. При таком подходе к периодизации совершенно не учитывается то, что «выявление формы соотношенности всей системы языка к ее историческому развитию с историей общества» языковедами признается до сих пор труднейшим вопросом¹⁶.

Создавая столь мало аргументированную собственно языковыми фактами периодизацию истории тюркских языков, исследователи иногда даже сами особо подчеркивают, что при этом ими «не учтены языковые особенности письменных памятников»¹⁷. Обратной стороной такого рода периодизаций является, как правило, стремление непременно включить в историю того или иного тюркского языка все памятники древнетюркской письменности, начиная с орхон-енисейской руники.

Любопытен при этом для сравнения следующий факт. Средневековые культурные деятели из среды тюрков, несомненно, были проникнуты сознанием тюркской культурной общности определенных ареалов. Так, Махмуд Кашгарский в своей подвижнической деятельности по собиранию лексического богатства известных ему тюркских языков, помимо чисто научных интересов, несомненно, стремился еще облегчить культурно-языковое взаимопонимание и взаимосвязь народов — носителей этих языков.

Показательно, что эта культурная общность, которая в ряде случаев позволяет говорить об общем для тюрков того или иного ареала культурном наследии, совершенно не принимается в расчет многими современными историками тюркских языков. Нельзя пройти мимо недавнего высказывания казахского языковеда Г. Г. Мусабаева: «...было бы исторической несправедливостью отнести Махмуда Кашгари к уйгурскому, узбекскому, туркменскому или к какому-либо другому народу, кроме казахского»¹⁸. Г. Г. Мусабаев, таким образом, безмерно сужает и фактически сводит на нет просветительскую деятельность Махмуда Кашгарского.

В результате такого местнического отношения к средневековым тюркоязычным памятникам игнорируются важные проблемы исторического соотношения и взаимодействия тюркских литературных языков, решение которых позволило бы установить общие закономерности их развития¹⁹.

Таким образом, ознакомление историков тюркских языков с установленными в советском языкознании «характеристическими и типо-

¹⁵ Ф. К. Камол. Указ. раб., стр. 799.

¹⁶ В. Н. Ярцева. Проблема связи языка и общества в современном зарубежном языкознании. — В кн.: «Язык и общество. Тезисы докладов ОЛЯ АН СССР, Институт языкознания АН СССР». М., 1966, стр. 10.

¹⁷ Ф. К. Камол. Указ. раб., стр. 798. В славистике еще лет десять назад появились возражения «против механического перенесения ряда историко-экономических понятий, категорий и периодизации на историю литературного языка» и одновременно — требования «руководствоваться в первую очередь лингвистическими критериями» (Н. И. Толстой. Самуил Борисович Бернштейн. — «Филологические науки», 1971, № 2, стр. 125). См.: «Вопросы языкознания», 1961, № 2, стр. 159; «Славянская филология», т. I. София, 1963, стр. 46; С. Б. Бернштейн. К изучению истории болгарского литературного языка. — В сб.: «Вопросы теории и истории языка». [Л.], 1963.

¹⁸ Г. Г. Мусабаев. Некоторые сведения о жизни Махмуда Кашгари. — «Исследования по тюркологии». Алма-Ата, 1969, стр. 61.

¹⁹ Эти проблемы поставлены в славяноведении, см.: В. В. Виноградов. Состояние и перспективы развития советского славяноведения. — «Вопросы языкознания», 1959, № 6, стр. 13.

логическими свойствами разных периодов развития литературных языков Запада (в том числе и славянских) и Востока»²⁰, приобщение тюркологов к выдвинутой в русском и славянском языкознании проблематике и к важнейшим достижениям в этой области представляется актуальным для дальнейшего развития тюркского языкознания, которое всегда перенимало лучшие традиции отечественной русистики.

При изучении средневекового тюркь, являвшегося «общим письменным языком для многих тюркских народностей вплоть до второй половины XIX в.»²¹, употреблявшегося «в качестве литературного языка всех тюркоязычных народов Средней Азии»²², «сосуществовавшего у татар с татарским, у туркменов с туркменским языком»²³, пора уже совместными усилиями историков различных тюркских языков вопросы о характере языка тюркь в разные периоды его развития, о диапазоне и границах его территориальных вариантов ставить на реальную почву конкретных исследований. При этом желательно было бы попытаться выяснить типы языковых ситуаций в зависимости от разной степени языковой гомогенности изучаемой этнической общности²⁴ и используемого ею территориального варианта письменного тюркь, но не сводить такое сложное, полифункциональное явление, каким был средневековый тюркь (иначе: чагатайский), к одной лишь его функции в сфере моноязыкового обслуживания и тем более — не зачеркивать его вовсе²⁵.

Общепризнанным в теории развития литературного языка является положение о том, что диалект, закрепленный в качестве письменного языка, развивается иначе, чем диалект, не получивший закрепления в письменности. Не совпадают, как правило, также темпы развития письменного языка, в основе которого лежит данный диалект, и самого диалекта в целом²⁶. А. А. Шахматов, например, в «изменениях во внутреннем составе литературного языка» не видел «органической связи и преемственной последовательности»²⁷. Известная заторможенность движения письменного языка отнюдь не исключала того, что нормы его про-

²⁰ В. В. Виноградов. Различия между закономерностями развития..., стр. 13.

²¹ К. З. Ахмеров. К вопросу о характере и лексическом составе ранних письменных памятников Башкирии. — В сб.: «Башкирская лексика», Уфа, 1966, стр. 10.

²² Х. Хамидов. Язык юридических документов XVIII—XIX—XX вв. и его отношение к современному каракалпакскому литературному языку. Автореф. канд. дисс. Нукус, 1967, стр. 7.

²³ И. А. Батманов. Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе, 1947, стр. 100.

²⁴ См.: М. М. Гухман, Н. Н. Семенюк. О социологическом аспекте рассмотрения немецкого литературного языка. — В сб.: «Норма и социальная дифференциация языка». М., 1969, стр. 6.

²⁵ Ср.: «Как известно, „чагатайского языка“ как такового не существовало. Под термином „чагатайский язык“ имелись в виду литературные нормы древнеузбекского литературного языка» (Х. Негалиева. Имена действия в современном казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1963, стр. 19, примеч. 34; разрядка наша. — Г. Б.).

²⁶ См., например: «Проблема образования и развития литературных языков», стр. 12. И. А. Бодуэн де Куртенэ объяснял известную заторможенность движения письменного языка с точки зрения психолингвистической: «...стремление создать общий орган для литературы народа, орган, который вместе с тем соединял бы и в жизни всех современных членов народа, а в литературе каждое поколение с его предками и потомками, — все эти потребности и стремления вызвали появление в каждом литературно объединенном народе одного, в известном смысле условного и образованного языка, сущность и назначение такого языка имеют необходимым последствием стремление к застою, стремление к тому, чтобы задерживать язык в его естественном течении» (И. А. Бодуэн де Куртенэ. Некоторые общие замечания о языковедении и языке. — В его книге: «Избранные труды по общему языкознанию», I. М., 1963, стр. 50).

²⁷ А. А. Шахматов. Курс истории русского языка, ч. I. Литограф. изд. 2-е. СПб., 1910—1911, стр. 28.

должали оставаться еще очень зыбкими, допускавшими широту и свободу грамматических колебаний, и устойчивость этих норм различна на разных уровнях языка²⁸. Литературный письменный язык, особенно на первых этапах его формирования, «обнаруживает значительные колебания и может иметь на всех уровнях языковой структуры большое количество безразлично чередующихся вариантов. Происхождение этих вариантов может быть различным. Иногда это сведение в один функциональный ряд форм различной диалектной принадлежности, иногда это чередование форм исторических и аналогических, иногда это результат неполного охвата данной категории теми преобразованиями, которые происходят в языке в тот или иной момент его истории»²⁹.

С учетом известной заторможенности движения письменного языка можно высказать некоторые предположения относительно характера взаимоотношений диалектной основы среднеазиатского тюркского рубежа XV—XVI вв. с живыми тюркскими языками Средней Азии³⁰.

Можно по-иному рассматривать взаимоотношения средневекового андижанского тюркского, который, как известно, признавался Навои и Бабуром наиболее соответствующим их письменному языку, с говорами современных тюрков Узбекистана. Возможно, что один из предков этих говоров, закрепленный как основа чагатайского литературного языка, заметно затормозил свое движение. В то же время давший ему жизнь живой говор, как все остальные говоры тюрков Средней Азии, продолжал свое естественное развитие, испытывая на себе с самого начала XVI в. еще и сильнейшее воздействие собственно узбекской языковой стихии, которое на письменный язык распространялось в гораздо меньшей степени, значительно медленнее и неравномернее³¹.

В результате этого воздействия говоры тюрков постепенно утрачивали свои, как их называл В. М. Жирмунский, «первичные» признаки, то есть признаки, которые оказались несовместимыми³² с диалектами узбеков-завоевателей, находясь в резком противоречии с системой этих диалектов. Такие признаки четко выделялись среднеазиатскими тюрками как отличающие их язык от языка узбеков; именно эти признаки и подверглись подравнению. Оставались лишь признаки, которые В. М. Жирмунский называл «вторичными», то есть отклонения менее резко выраженные³³, не осознаваемые тюрками, — именно такие признаки и сохранились³⁴. По мнению В. М. Жирмунского, реконструкция ста-

²⁸ См. об этом: В. В. Виноградов. Различия между закономерностями развития..., стр. 5; *его же*. Изучение русского литературного языка за последнее десятилетие в СССР. М., 1955, стр. 57.

²⁹ В. Н. Ярцева. О территориальной основе социальных диалектов. — В сб.: «Норма и социальная дифференциация языка», стр. 27.

³⁰ Вопросы сложного взаимодействия древнеуйгурской литературной традиции с чагатайской языковой стихией освещались в статье: Г. Ф. Благова. «Кутадгу билиг», «Бабур-наме» и методика историко-лингвистического сопоставления. — «Советская тюркология», 1970, № 4.

³¹ Ср. хотя бы тот общеизвестный факт, что Мухаммед Салих, перешедший на службу ко двору узбекского хана Шейбани, написал свою панегирическую поэму «Шейбани-наме» тем же самым тюркским, без каких-либо особенных диалектных вкраплений, то есть без явных следов приспособления к иной диалектной среде.

³² В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология. М.—Л., 1956, стр. 27—28 и сл., 547 и сл.

³³ Там же, стр. 28 и сл., 549 и сл.; В. М. Жирмунский. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.—Л., 1964, стр. 292.

³⁴ Попытку свода таких «вторичных» признаков см.: Г. Ф. Благова, Х. Д. Данияров. Говоры «тюрков» Узбекистана в их отношениях к языку староузбекской литературы. — «Вопросы языкознания», 1966, № 6.

рых говоров, унифицированных в процессе смешения, может опираться как раз на такие вторичные признаки³⁵.

В проблеме соотношения литературного языка и диалектов (или литературного языка и его территориальных вариантов) речь должна идти, подчеркивает Э. А. Макаев, не только и не столько о различии самих строевых элементов различных уровней языка (хотя это может наблюдаться в ряде случаев), сколько о различии функционального назначения тождественных для литературного языка и для диалекта конститутивных единиц, об их ином месте в общей системе языка, об их иной валентности в литературном языке и в диалекте, об их различной дистрибуции³⁶.

Проведенное нами системное сопоставление имен действия в современных тюркских языках Средней Азии с соответствующими именами действия в чагатайском языке показало, что во всех названных современных языках обнаруживаются большие или меньшие отличия, хотя все же в них присутствуют (в различных пропорциях, соотношениях и степенях устарелости) почти все те имена действия, которые наблюдаются в чагатайском языке. Из современных языков наиболее близкий к чагатайскому набор имен действия имеет уйгурский язык, затем — узбекский и туркменский.

В самом деле, современный уйгурский язык в большей мере, чем узбекский, сохранил, например, группу соотносительных форм на -*yu*³⁷. Имя действия на -*yu* представлено здесь оборотами типа *İsküm keldi* 'мне (за)хотелось пить' (как и в узбекском), а также типа *jazum bar (jok)* 'я (не) думаю писать'³⁸. Будущего категорического времени типа чагатайского регулярно спрягаемого *kylymdur, alıyudur, jazıysıdur* это имя здесь не производит; форма на -*ıysu* закрепились как особая разновидность причастия будущего времени. Производные этого имени действия -*ıysuz, -ıyıs* представляют в современном уйгурском языке, как и в чагатайском, вполне регулярные формы; -*yuluk*, в отличие от чагатайского, употребляется редко и только как имя, предикативной функции со значением необходимости, обязательности уже не имеет. Другая производная форма — *-ıudek* — сохранила в современном уйгурском языке все свои функции: именного и глагольного определения, сказуемого; в этой последней функции у *-ıudek* развились регулярно спрягаемые по всем лицам и числам формы («настоящее-будущее время» с оттенками предположительности или вероятности совершения действия: *mān barıudekmān*); см. также вполне регулярные сочетания *-ıudek* со спрягаемыми модальными глаголами *edi* (образуется прошедшее время с указанными смысловыми оттенками) и *boldı/bolsa* (*barıudek bolsa/boldı* 'чуть было он не пошел'). Между тем в современном узбекском языке из всей этой группы форм изредка употребляются *-ıudek, -ıudaı* в функции глагольного определения и перифрастическая форма *-ıudek/-ıudaı bol-* (осколок будущего категорического на -*yu* — только форма 3-го л. — встречается исключительно в поэтическом языке), а также конструкция пожелания *İsküm keldi*.

³⁵ См.: В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология, стр. 574. См. также: «Академик В. М. Жирмунский как языковед». — «Вопросы языкознания», 1971, № 4, стр. 7.

³⁶ Э. А. Макаев. Принципы сопоставительного изучения современных германских литературных языков. — В сб.: «Норма и социальная дифференциация языка», стр. 78.

³⁷ См.: Г. Ф. Благова. Соотносительные глагольные формы и их развитие в узбекском литературном языке. — «Вопросы языкознания», 1958, № 4.

³⁸ Здесь и далее современный уйгурский материал приводится по работам: К. Мелиев. Имена действия в современном уйгурском языке. М., 1964; Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960.

Как и в современном узбекском, в современном уйгурском имя действия на -таq, которое еще обладает здесь способностью принимать аффиксы принадлежности и склоняться по падежам, постепенно уступает свои позиции имени действия на -(i)š. Тем не менее здесь, как в чагатайском, -таq еще продолжает использоваться в конструкциях с модальными словами *mütkin, lazım, kegak*, хотя чаще в этих конструкциях используется уже имя действия на -(i)š; в узбекском оно более решительно вытесняет форму на -таq в таких сочетаниях (иногда еще встречается -тоq *kegak*). Настоящее-длительное время типа -таq+аффикс местного падежа -ta+аффикс сказуемости присуще обоим языкам, а прошедшее данного момента -таq+ta+edi+краткий показатель лица, наблюдавшееся и в чагатайском, свойственно только современному уйгурскому. Как и в чагатайском, в современном уйгурском модальные формы со значением намерения, желания образуются путем сочетания с глаголом *bol-* не только употребительной во всех трех сопоставляемых языках формы -таq-су, но также формы на -таq «в чистом виде», не осложненной показателями (в узбекском языке такая перифрастическая форма используется редко). Число подобных примеров можно было бы умножить.

Здесь важно, однако, подчеркнуть, с одной стороны, некоторые общие тенденции в перераспределении функций и своего рода «центров тяжести» среди имен действия в современных узбекском и уйгурском языках: во-первых, активизацию как имени действия формы на -(i)š, у которой в чагатайском языке еще преобладали именные, неглагольные черты, и расширение сферы использования -(i)š за счет вторжения его в область имени действия на -таq и продолжающееся вытеснение (в неодинаковой степени для этих двух языков) им последнего; во-вторых, постепенное утрачивание (тоже неодинаковое в этих двух языках) разных звеньев из группы имени действия на -уи и производных от него форм. Таким «совместным новообразованием» в разных языках или диалектах В. М. Жирмунский придавал большое значение, считая их «наиболее убедительными признаками исторического единства диалектов, генетического или контактного»³⁹.

С другой стороны, полученный материал позволяет высказать предварительное предположение о том, что диалект средневековых тюрков, определявший облик чагатайского языка на рубеже XV—XVI вв., мог быть генетически близким к тому диалекту, который в последующем своем развитии сложился как современный уйгурский язык. (Здесь, естественно, необходимо иметь в виду также хорошо известный диалектологам факт «очень большой близости между современным уйгурским языком и ташкентско-ферганской группой говоров узбекского языка, а также с узбекскими говорами Казахстана»⁴⁰). Современный уйгурский язык смог сохранить целый ряд первичных признаков потому, что он был более удален от сферы многовекового воздействия собственно узбекской и кыпчакской языковой среды: он был, по терминологии В. М. Жирмунского, «островным диалектом» и не переживал вынужденного подравнивания под систему близкородственного, но все же иного диалекта, как это случилось с говорами среднеазиатских тюрков. Высказанная гипотеза не противоречит традиционному рассмотрению уйгурского литературного языка «лишь как части классического среднеазиатского письменного

³⁹ В. М. Жирмунский. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков, стр. 22.

⁴⁰ К. К. Юдахин. Уйгурско-узбекские языковые связи. — «Изв. АН КазССР», № 85. Серия уйгуро-дунганской культуры, вып. I, 1950, стр. 28.

тюркского языка»⁴¹ и идет в русле раскрытия и историко-языкового обоснования положения К. К. Юдахина о том, что «современные уйгуры и носители названных выше узбекских говоров... когда-то в языковом отношении являлись более близкими друг другу, чем это мы видим в их позднейшей истории. Это, по всей вероятности, была очень близкая друг к другу группа племен с очень схожими племенными диалектами»⁴².

⁴¹ В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 3.

⁴² К. К. Юдахин. Указ. раб., стр. 30.

А. М. ЩЕРБАК

О РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ*

Рунические или рунообразные надписи в юго-восточной Европе были обнаружены в нескольких местах: на камнях и стенах Маяцкого городища, недалеко от Воронежа (в начале нынешнего столетия)¹; на баклажках из Новочеркасского музея (время, место и обстоятельства находки новочеркасских баклажек неизвестны, установлено лишь, что одна из них поступила в музей в мае 1942 г.)²; на камнях Хумаринского городища, в 15 км к северу от г. Карачаевска на Северном Кавказе (о надписях из Хумары сообщил в начале 1960 г. Д. Х. Бесленев, учитель местной школы; в этом же году городище и камни с надписями обследовал археолог В. А. Кузнецов)³; на обломках стены Каракентского городища, расположенного в десяти километрах к югу-западу от Хумаринского городища (первые сведения о надписях из Кара-Кента были получены от ветеринарного врача М. Боташева в 1968 г.)⁴; на черепе коровы в кургане в 30 км от Элисты.

Несколько обособленную группу составляют рунообразные надписи на стенах церкви, обнаруженной в меловом карьере у Бассараби (Румыния) в 1957 году, на погребальной урне-горшке из Силистрии (Северо-

* Нам приходилось уже и устно и письменно высказываться по вопросу о распространении рунической письменности в юго-восточной Европе. Однако материалы, относящиеся к этому вопросу, непрерывно пополняются новыми находками, что вызывает необходимость периодического возвращения к данной теме.

¹ См.: Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909 гг. — «Известия Археологической Комиссии», 43. СПб., 1911, стр. 22—27.

² См.: М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. — «Известия Государственной академии истории материальной культуры», 131. Л., 1935; его же. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. — «Советская археология», XIX, 1954, стр. 263—268; А. М. Щербак. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. — Там же, стр. 269—282; его же. Знаки на керамике из Саркела. — «Эпиграфика Востока», XII, 1958, стр. 52—58; его же. Знаки на керамике и кирпичях из Саркела-Белой Вежи (К вопросу о языке и письменности печенегов). — В сб.: «Материалы и исследования по археологии СССР», № 75, 1959, стр. 386 и сл.

³ В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища. — «Советская археология», 1963,

№ 1, стр. 298—305; А. М. Щербак. Les inscriptions inconnues sur les pierres de Khoumara (au Caucase du Nord) et le problème de l'alphabet runique des Turcs occidentaux. — «Acta Orientalia», XV, 1—3, Budapest, 1962, стр. 283—290.

⁴ См.: М. А. Хабичев. О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 64—69.

восточная Болгария), на скале Шутград, надписи из Преславы (Болгария)⁵, а также другие⁶.

Если исключить из обзора последнюю группу, связь которой с первой не вполне ясна, границы распространения рунической письменности в юго-восточной Европе будут выглядеть приблизительно так: на севере — верховья Дона, на востоке — излучина Волги, на западе — Дон, на юге — Кавказские горы.

Открытие донских и кубанских рунических надписей привлекло внимание многих археологов, историков и лингвистов и сразу же были предприняты попытки их дешифровки. Приведем в качестве примера различные варианты чтения и перевода надписи на одной из баклажек Новочеркасского музея. Первый вариант был предложен А. Н. Бернштамом, считавшим надпись тюркской: (ä)lč(i) (a)γ(a) (a)ntu (u)tu (a)č(y)γ (a)ntu (i)k(i) s(y)č(y)š(a)γ 'важный посланник ант (по имени) Уму Ачыг Анту, проживающий у двустенного (второго) города (Саркела?)'⁷. Аналогичной точки зрения придерживались М. Ряснен и А. М. Щербак, предложившие, однако, свои варианты чтения и перевода: (a)lš(a)q ju-puš(a)q (a)ju k(ü)m(ü)š b(a)γ '(это) есть дешевое, мягкое, плохое серебро'⁸, (e)lč(i) j(e)mā ata(ä)č j(e)mā b(u)qa (ü)č(ä)v(i) 'Элчи и (также) Ата-ач и (также) Бука — трое (их)'⁹. И. А. Фигуровский отнес надпись к числу древнерусских глаголических текстов и дал следующее чтение ее: лмеси римеси олмюк 'глиняная удобная баклага'¹⁰. Считая эту попытку «образцом пренебрежения» закономерностями развития письма и особенностями славяно-русского языка, В. А. Истрин рассматривает донские надписи как памятники рунического письма тюрок, «вероятно, хазарского, но возможно, и протобулгарского»¹¹. Отрицательно отнесся к попытке И. А. Фигуровского и Э. Георгиев¹². Г. Ф. Турчанинов подверг резкой критике предположение о принадлежности рассматриваемой надписи тюнкам и прочитал ее как касожскую (древнечеркесскую): ллух'а К'айсих кан К'айсихи 'Мужественный был Кайсих кан (воспитанник) Кайсиха'¹³.

Вероятнее всего, ни один из приведенных вариантов чтения не является окончательным, и все они представляют собой лишь опыты дешиф-

⁵ Приношу глубокую благодарность проф. Д. П. Богдану, Ст. Станчеву и Ж. Н. Высаровой за подробную информацию и предоставление мне копий и фотографий надписей из Румынии и Болгарии.

⁶ В эту группу, очевидно, могут быть включены и некоторые надписи, найденные в Венгрии. — D. Csallány. Rovásírásos gyűrk Magyarországon. — «Archaeologiai Értesítő», 82, I, Budapest, 1955, стр. 85 (с резюме на русском языке); И. Эрдейи. Новая руническая надпись из Венгрии. — «Эпиграфика Востока», XII, 1958, стр. 59—61. См. также: Н. Вáry. Alttürkische Felszeichnungen in Nordost-Anatolien. — «Ural-Altaische Jahrbücher», XL, 1—2, 1968, стр. 50—77.

⁷ А. Н. Бернштам. Древнетюркское письмо на р. Лене. — «Эпиграфика Востока», IV, 1951, стр. 84.

⁸ M. Räsänen. Beiträge zu den türkischen Runeninschriften. — «Studia Orientalia», XVII, 1952, стр. 6.

⁹ А. М. Щербак. Надписи на баклажках., стр. 274.

¹⁰ И. А. Фигуровский. Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными» знаками. — «Ученые записки Елецкого гос. пед. ин-та», II. Липецк, 1957, стр. 169; его же. Выступление на IV съезде славистов. — «IV международный съезд славистов. Материалы дискуссии», I. М., 1962, стр. 116.

¹¹ В. А. Истрин. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963, стр. 117, 118.

¹² Э. Георгиев. Выступление на IV съезде славистов. — «IV международный съезд славистов. Материалы дискуссии», I, стр. 135.

¹³ Г. Ф. Турчанинов. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея. — «Советская археология», 1964, № 1, стр. 84.

ровки, проверка которых будет производиться по мере выявления новых материалов. Напомним в связи с этим, что именно так рассматривал свою попытку чтения надписей на баклажках Новочеркасского музея и камнях Маяцкого городища почти двадцать лет тому назад автор настоящей статьи: «Во всяком случае вопрос о языке, месте и времени составления надписей пока не ясен... Не исключена возможность, что со временем появится более совершенная попытка истолковать найденные руны»¹⁴.

Естественно, что для дальнейшей работы с надписями следует прежде всего определить их язык. Сделать это или, по крайней мере, подготовить почву для этого можно только путем решения вопросов, связанных с историей заселения указанной выше территории в период с VI по X вв. и с распространением рунической письменности.

Начнем с краткого обзора сообщений арабских, персидских и других авторов.

Наиболее ранними обитателями земель, примыкающих к верхнему течению Кубани, были кашаки¹⁵ (в древнерусских летописях: касоги) и аланы (в древнерусских летописях: ясы, в грузинских — осы). Согласно данным арабских источников IX—X вв., кашаки (~касоги) жили к западу от аланов и их земли простирались от Кабохских гор до Понтийского моря (то есть до Черного моря)¹⁶.

В VI—VII вв. и в более позднее время, по крайней мере до X в., Северный Кавказ, исключая касожские поселения, Кубанскую Булгарию и Аланию, был занят хазарами, пришельцами из Центральной Азии, возможно, входившими до этого в конфедерацию уйгурских племен¹⁷. Гардизи, писавший в XI в. и пользовавшийся сочинениями Джейхани, Убайдуллаха Хордадбеха (IX в.) и других авторов, указывает, что «владения хазар отличаются обширностью; с каждой стороны»¹⁸ к ним примыкают высокие горы; горы простираются до Тифлиса¹⁹.

По-видимому, в это же время (VI в.) или несколько раньше на Кубани и в Приазовье появляются бургары (булгары)²⁰. В связи с этим сошлемся на содержащееся в церковной хронике Иоанна Эфесского (VI в.) сообщение о заселении булгарами страны алан²¹. Рядом с аланами булгары упоминаются и в хронике Захария Ритора²². После ухода части булгар в середине VII в. на Дунай и Волгу на Кубани остались так называемые кубанские или внутренние булгары. Булгария на Кубани и являлась той страной, которую Константин Багрянородный называл

¹⁴ А. М. Щербак. Надписи на баклажках..., стр. 282.

¹⁵ См.: Maçoudi. Prairies d'or, II. Paris, 1863, стр. 45—47. Ср.: Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Ed. by Gy. Moravcsik, english translation by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, глава XLII.

¹⁶ C. D'Ohsson. Des peuples du Caucase. Paris, 1828, стр. 25.

¹⁷ Хазар нередко отождествляют с одним из девяти уйгурских племен (шестым), называвшимся в китайских источниках ко-са. О теории уйгурского происхождения хазар см. в кн.: D. M. Dunlop. The history of the Jewish Khazars. — «Princeton Oriental Studies», 16. Princeton, 1954, стр. 34—40.

¹⁸ У Ибн-Даста (resp. Ибн-Русте) — «с одной стороны». См.: Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 16.

¹⁹ В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894 гг. — «Записки Академии Наук», VIII серия, I, 1897, № 4, стр. 95 (120). Подробный список литературы о хазарах см. в кн.: A. Zajaczkowski. Ze studiów nad zagadnieniem chazarskim. Kraków, 1947, стр. 3—19.

²⁰ См.: I. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 29.

²¹ Там же, стр. 15, 16.

²² Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 82, 85, 165.

Черной Булгарией²³ (ср. у автора сочинения «Оборона летописи Нестора»: Черная Болгария — «Древняя Великая Болгария Кубано-Кавказская со времени ее покорения хазарами»)²⁴. По свидетельству одного из армянских географов на Кубани находились булгарские племена купибулгар, дучи-булгар, огхондор-блкар и чдар-болкар²⁵.

В первой половине IX в. на территории между Доном и Кубанью (ср. у Константина Багрянородного: Лебедиа)²⁶, на границе или вблизи границ Черной Булгарии, появляются мадьяры, бывшие до этого соседями волжско-камских булгар (в западных районах современной Башкирии)²⁷. К сожалению, Константин Багрянородный не уточняет географическое положение Лебедии, описания же арабских и персидских историков недостаточно ясны. Как указывает Гардизи, места расселения мадьяр (مغفريان) на Северном Кавказе примыкали к Черному морю²⁸. В сообщении же Джейхани отмечается, что мадьяры живут в соседстве с аланами (طولاس) и что они отделены от них только рекой²⁹.

Во второй половине IX в. южнорусские степи захватывают печенеги, под натиском которых мадьяры покидают сначала Донскую область, а затем территорию, лежащую между Днепром и Серетом (Ателькузу), и уходят в Паннонию. Основная часть печенегов осела между Волгой и Дунаем³⁰. Ближе к Дону находились печенежские роды чур, калпей, талмат и чопон (см. схематизированную карту, на которой для облегчения ориентации назван ряд современных городов). Южная граница расселения печенегов проходила по Дону. Вместе с тем не исключено, что часть их («хазарские печенеги») осела значительно южнее Дона. Автор персидского географического сочинения «Худуд ал-'алам» (X в.) описывает границы расселения «хазарских печенегов» так: восточнее их — Хазарские горы, южнее — аланы, на запад — Гурджийское море, на север — Мирват(?)³¹. В другом месте, при описании границ Алании, он указывает, что западнее аланов — Рум, севернее — «хазарские печенеги» и что эти области покрыты горами³².

Итак, в районах находки новых рунических надписей на протяжении четырех-пяти столетий (VI—X вв.) жили хазары, аланы, касоги, бургары

²³ В. В. Латышев, Н. В. Малицкий. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. — «Известия Государственной академии истории материальной культуры», 91. М.—Л., 1934, стр. 11. По вопросу о локализации Черной Булгарии в IX—X вв. существуют и другие точки зрения. См.: С. А. Macartney. On the Black Bulgars. — «Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher», VIII, Athen, 1931, стр. 150—158; Н. Я. Мерперт. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957, стр. 28.

²⁴ См.: Н. Ламбин. О Тмутараканской Руси. — «Журнал Министерства Народного Просвещения», CLXXI, 1874 (январь), стр. 62.

²⁵ К. Патканов. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. — «Журнал Министерства Народного Просвещения». ССХХVI, 1883 (март), стр. 29.

²⁶ См.: G. Moravcsik. Byzantinoturcica, II. Sprachreste der Türkvolker in den Byzantinischen Quellen. Berlin, 1958, стр. 177.

²⁷ Об исторических связях и контактах булгар и мадьяр, аланов и мадьяр, см.: G. Fehér. Bulgarisch-ungarische Beziehungen in den V—XI. Jahrhunderten. — «Keleti Szemle», XIX. Pécs, 1921; Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. — «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», XXX. Helsinki, 1912; B. Munkácsi. Alanische Sprachdenkmäler im ungarischen Wortschatze. — «Keleti Szemle», V. Budapest, 1904.

²⁸ В. Бартольд. Указ. раб., стр. 98(122).

²⁹ I. Marquart. Указ. раб., стр. 161—164. О طولاس см.: В. А. Кузнецов. Надписи Хумаринского городища, стр. 304.

³⁰ См.: Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio, глава XLII; В. В. Латышев, Н. В. Малицкий. Указ. раб., стр. 5 и сл.

³¹ Hudud al-'Alam. Trad. and expl. by V. Minorsky. London, 1937, стр. 160.

³² Там же, стр. 160, 443.

(~ булгары), мадьяры (?) и «хазарские печенеги». Часть из них пребывала на указанной территории в течение небольшого периода времени и затем покинула ее (мадьяры), часть находилась здесь продолжительное время (аланы, касоги). Что касается хазар, болгар и «хазарских печенегов»³³, то их дальнейшая судьба неизвестна, хотя есть все основания думать, что они участвовали в образовании этнического субстрата таких тюркских народностей Северного Кавказа, как карачаевцы и балкарцы.

Переходя непосредственно к вопросу о происхождении и языковой принадлежности донских и кубанских надписей, обратим внимание прежде всего на то, что распространение рунической письменности в Евразии хорошо увязывается с границами размещения определенных этнических и языковых групп. Существовали, например, германские руны (древнегерманские, англо-саксонские, шведские, датские, норвежские)³⁴, венгерские³⁵, тюркские (орхонские, енисейские, семиреченские)³⁶. Почти наверняка не имели рун и не пользовались руническим письмом славяне, иранцы, монголы, аборигены Кавказа. На территории Советского Союза, если не принимать во внимание единичные находки надписей скандинавского происхождения, до настоящего времени были обнаружены только тюркские руны.

Тюркские руны, так же как германские и венгерские, представляют собой фоносиллабическое письмо, что свидетельствует о наличии большой традиции такого письма у самих тюрок, германцев и венгров или у тех народов, у которых оно было заимствовано. Руны чрезвычайно консервативны, они не подвергались существенным преобразованиям и могли лишь заменяться другими видами письма. История, насколько нам известно, не знает ни одного случая развития из рун курсивного письма³⁷.

Как следует из всего сказанного выше, из народов, живших в Прикубанье, Приазовье и в районах, примыкающих к Дону, руны могли иметь булгары, печенеги, хазары, «хазарские печенеги» и мадьяры. Рунические тексты мадьяр были обнаружены лишь на территории самой Венгрии, причем большинство специалистов высказывается в пользу

³³ Четкого представления об особенностях языка хазар, кубанских булгар и «хазарских печенегов» мы пока не имеем. Вполне вероятно, что хазары и кубанские булгары в языковом отношении были близки друг к другу, тогда как «хазарские печенеги», значительно отличаясь от них, примыкали к донским печенегам. Ср. у Ибн Хаукаля: «Булгары говорят на том же языке, что и хазары», хотя в другом месте: «Язык хазар в целом отличается и от тюркского и от персидского; он не обнаруживает близости ни к какому другому языку». — С. D'Ohsson. Указ. раб., стр. 33, 79.

³⁴ См.: Helmut Arntz. Handbuch der Runenkunde. Halle, 1944.

³⁵ См.: J. Németh. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. — «Bibliotheca Orientalis Hungarica», II. Budapest — Leipzig, 1932.

³⁶ См.: С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.

³⁷ См.: W. V. Ralph, M. A. Elliot. Runes. Cambridge (Britain), 1959, стр. 62.

тюркского происхождения венгерских рун и относит их появление у венгров к довольно позднему времени³⁸. Таким образом, наиболее вероятна принадлежность донских и кубанских рунических надписей тюркам.

Как известно, использование письменности у тюрков имеет большую историю. Наиболее ранние и более или менее достоверные сведения о тюркском письме или точнее о письме гуннов, среди которых несомненно были тюрки, относятся к VI в. Их приводит в своем сочинении Захарий Ритор³⁹. В дальнейшем подробно о письме у тюрков вообще и главным образом у отдельных тюркских племен сообщает Фахр ад-дин Мубаракшах Марварруди (конец XII в.), пользующийся неизвестными нам источниками. У хазар, пишет он, письмо происходит от русского письма. «Хазары... пишут слева направо, и буквы не соединяются между собой. У них 21 буква... Та ветвь хазар, которая пользуется этим письмом, исповедует иудейство»⁴⁰. Возможно, что в данном случае речь идет о кириллице или глаголице. Далее Фахр ад-дин Мубаракшах отмечает наличие письменности у других тюрков, указывая при этом, что она двоякого рода: одна согдийская, другая — тогуз-огузская. Надобности в идентификации согдийской письменности нет, что же касается тогуз-огузской, то здесь Фахр ад-дин Мубаракшах, очевидно, имел в виду руническое письмо («двадцать восемь букв, пишут справа налево, буквы не связаны между собой»)⁴¹.

Где и когда у тюрков впервые появились руны, до сих пор не установлено. Тем не менее, известно, что в VIII—IX вв. руны получили широкое распространение в восточнотюркском каганате (на Орхоне) и у кыргызов (на Енисее), а также использовались, правда менее интенсивно, в Семиречье.

До недавнего времени почти все тюркологи, изучавшие тюркские руны, придерживались той точки зрения, что рунический алфавит у тюрков как на востоке, так и на западе был единым и общим и что имелись лишь частные расхождения либо в количестве рун, либо в начертании отдельных знаков. Впервые эта точка зрения была поставлена под сомнение попыткой Ю. Немета дешифровать рунические надписи на сосудах из Надь-Сен-Миклоша (Венгрия), с учетом их принадлежности тюркам⁴². Сомнения увеличились после находки в Таласе (Средняя Азия) палочки с рунической надписью, содержащей новые знаки. Несмотря на тщательность исполнения и хорошую сохранность большей части надписи, чтение ее при помощи орхоно-енисейского рунического алфавита по существу оказалось невозможным. И хотя С. Е. Малов все же пытался прочитать надпись таким способом, он тем не менее справедливо заметил, что «с внешней стороны буквы палочки весьма похожи на печенежское письмо и венгерские резы» и что «при первом же взгляде на буквы этой палочки видна их своеобразность в сравнении с буквами орхонской, енисейской и восточнотуркестанской рунической письменностей»⁴³.

³⁸ См.: F. Babinger. Ein schriftgeschichtliches Rätsel. — «Keleti Szemle», XIV, Budapest, 1913/14, стр. 19; B. Munkácsi. Zum Problem der Székler Runenschrift. — Там же, стр. 226.

³⁹ Н. Пигулевская. Указ. раб., стр. 84, 166.

⁴⁰ См.: Ta'rikh-i Fakhru'ddin Mubarakshah. Ed. by E. Denison Ross (James G. Forlong Fund). London, 1927, стр. 46.

⁴¹ Там же, стр. 44.

⁴² J. Németh. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós, стр. 17—44.

⁴³ С. Е. Малов. Таласские эпиграфические памятники. — «Материалы Узкомстарица», 6—7. М.—Л., 1936, стр. 37.

Идеи Ю. Немеца и С. Е. Малова послужили основой для возникновения гипотезы о существовании особой разновидности тюркского рунического алфавита, которую условно стали называть печенежской. Содержание этой гипотезы заключается в следующем. Руническое письмо у тюрков возникло в Средней Азии в результате преобразования какого-то другого алфавита и распространялось оттуда в двух противоположных направлениях: на восток и на запад, причем окончательное оформление происходило в условиях обособленного функционирования восточной и западной разновидностей и, естественно, сопровождалось образованием заметных различий.

Э. И. ФАЗЫЛОВ

ОГУЗСКИЕ ЯЗЫКИ В ТРУДАХ ВОСТОЧНЫХ ФИЛОЛОГОВ XI—XVIII вв.

К числу важных и нерешенных проблем тюркологии относится исследование языков, описанных в трудах восточных филологов XI—XVIII вв., сравнительный анализ которых дает возможность сделать некоторые общие выводы о взаимоотношениях целых языковых групп, в особенности кипчакских, огузских и карлуко-чигильских.

Сравнительно-лингвистический анализ памятников XI—XVIII вв. позволяет выявить отличительные черты отдельных тюркских языков данной эпохи. В связи с этим особо важное значение приобретают лексические и грамматические пометы восточных филологов, указывающие на распространение слов и грамматических явлений внутри тюркских языков. Благодаря им можно проследить взаимопроникновение слов и морфологических показателей огузского, чигильского, кипчакского и других диалектов.

Путем последовательного исключения общетюркских и межтюркских черт (то есть черт, свойственных огузской, кипчакской и другим группам) можно установить внутренние отношения между языками, засвидетельствованными в трудах восточных филологов, и воссоздать сравнительную картину строя тюркских языков XI—XVIII вв.

Почти всеми авторами упомянутых трудов даются фонетические, морфологические и лексические пометы, а также указываются источники заимствования и приводится анализ слов. Например, фонетические пометы قاف qāf, چ jīm, ش šin сделаны многими авторами, причем помета qāf (ал-муфаххам и фи-т-тафхим) используется для обозначения основы мягкого ряда, jīm (ал-мураққак фи-т-тарқик) — для твердого, а šin (ал-машуба) — для правильного чтения согласных b/p и j/č (то есть если при словах имеется помета šin, то следует ب читать как p, а چ — как č).

Имеются также пометы о соответствии (или переходе) согласных: ɣ/q, s/š, k/j, δ/j, δ/d и др. Причем пометы носят не случайный, а системный характер. Правда, тщательный их анализ обнаруживает отдельные неточности и неясности, которые можно объяснить диалектными особенностями исследуемых языков. Например, иč (отмечается мягк.) 1) 'кончик', 'край'; 2) 'бок', 'сторона' (ЭЗЛТ, 23а4), ип (мягк.) 'мука' (ЭЗЛТ, 14613), qolap (мягк.) 'пояс', 'кушак' (ЭЗЛТ, 1265), хотя следовало отметить твердость; или öc 'месть' (АХ, 9), öz 'сам' (АХ, 13), söz 'слово' (АХ, 13) — указана твердость, тогда как здесь должна быть отмечена мяг-

кость; неясно: *iç tap* (мягк.) 1) 'одежда', 'одеяние'; 2) 'штаны' (ЭЗЛТ, 13a13), *tartyq bärdi* (мягк.) 1) 'дарить'; 2) 'предлагать' (ЭЗЛТ, 2963). Эти неточности до сих пор не отмечались в тюркологической литературе¹.

Соотношение количества помет, сделанных в различных источниках, неодинаково.

В некоторых случаях отдельные грамматические явления и слова, рассматриваемые в филологических трактатах, относятся авторами к языкам и диалектам, не вошедшим непосредственно в объект исследования восточных филологов. Например, *kälävüz* 'придем' (ЭЗЛТ, 71a1), *käläbiz* 'мы придем' (ЭЗЛТ, 71a12), *kälärim* 'мы придем' (ЭЗЛТ, 71a10—11), *käläriz* 'мы придем' (ЭЗЛТ, 71a11), *qardaşuñ däjür* 'твой брат говорит' (ЭЗЛТ, 82a11), *dörtinçisi* 'четвертый' (ЭЗЛТ, 61a6—7), *külübän käl-di* 'пришел, смеясь' (ЭЗЛТ, 7566). Подобные материалы, хотя они и не отнесены к огузским или кипчацким языкам, нельзя не учитывать при анализе структуры этих языков.

В структуре близкородственных тюркских языков необходимо различать факты локальной общности, отразившие первоначальное диалектное членение языка, и факты временной общности, выявляющие историческое сходство языков в процессе последующего развития. Дифференцировать эти различия в системе фонетических, грамматических и лексических явлений не всегда возможно, так как сходные факты в родственных языках могут возникать параллельно как проявление одной и той же тенденции развития и в одних случаях свидетельствовать о диалектном единстве, а в других — о случайном совпадении.

При анализе материалов филологических трактатов мы не ставим целью выяснение истоков и традиций литературных языков, взаимоотношений их с местными диалектами, а также рассмотрение вопросов субстрата и влияния экстралингвистических факторов. Прежде всего необходимо выяснить общую структуру огузского, кипчацкого, карлуко-чигильского и других языков эпохи средневековья², и только после этого, как справедливо отмечал С. Е. Малов, вместо декларативных высказываний о древних языках следует с фактами в руках решать многие из вышеупомянутых вопросов³.

В настоящей статье анализируются на материале трактатов восточных филологов особенности только огузской группы языков и делается попытка установить их структуру.

В трудах восточных филологов засвидетельствованы следующие основные **фонетические особенности** огузских языков:

1) наличие долгих гласных (которые графически передаются двумя алифами с васдой или хамзой): *āv* 'дом' (ЭЗЛТ, 765), *ay* 'авры (денежная единица)' (ЭЗЛТ, 15a9), *ayı* 'яд' (ЭЗЛТ, 19a2), *ayug* 'тяжелый' (ЭЗЛТ, 1061), *az* 'мало' (ЭЗЛТ, 89a2), *al* 'хитрость' (АХ, 20);

¹ О. Pritsak. Das Kiptchakische, PhTF, I, Wiesbaden, 1959, стр. 77—78.

² Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960; А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из восточного Туркестана. М.—Л., 1961; З. Б. Мухамедова. Исследования по истории туркменского языка XI—XIV вв. По данным арабоязычных филологических сочинений. Автореф. докт. дисс. М., 1969; Т. Halasi-Kun. Philologica, I—II, «Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Cografya Fakültesi Dergisi», V, 1947, № 1, ss. 1—37; VI, 1948, № 1—2, ss. 87—121; VII, 1949, № 1, ss. 415—465; L. Bouvat. Une Grammaire turque du huitième siècle de l'Hégire, Actes du XIV congrès international des orientalistes, etc. pt. 3, Paris, 1907, pp. 44—78; A. Jnan. XIII—XIV Yüzyıllarda Mısırdaki Oguz-Türkman ve kıpçak lehçeleri ve «Halis Türkçe», TDAY, Ankara, 1956, стр. 53—72.

³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 6.

2) наличие звонкого согласного *g* вместо глухого *k* в начале слова: *görmäk* 'видеть' (МС, 2—3), *getmāk* 'уходить' (МС, 2—3), *gelmāk* 'приходить' (МС, 2—3);

3) наличие начального *b* вместо сонорного *m*: *bāp* 'я' (МК, 1—284; АХ, 36), *bājni* 'мозг' (АХ, 89), *bāñiz/bojnuz* 'por' (АХ, 89);

4) наличие звонкого *d* вместо *t* в начале/конце слова и в интервокальной позиции: *daquq* 'курица' (КС, 10—13), *daqu* 'еще' (МК, 154—17), *dāgmā* 'каждый' (АХ, 147), *dāgūl* 'не' (ЭЗЛТ, 46610), *dāvā* 'верблюд' (МК, II—195), *dāmīr/dāmūr* 'железо' (АХ, 40), *dilkū* 'лиса' (АХ, 117), *dīš* 'зуб' (ЭЗЛТ, 18a11), *dūgmā* 'пуговица' (ЭЗЛТ, 1765), *dürlük* 'разный' (МС, 121), *dynlap-* 'успокаиваться' (АХ, 111), *ad* 'имя' (МС, 121), *ädük* 'вид женской обуви' (АХ, 8);

5) наличие начального *h* вместо *q*: *haju* 'где' (МК, III—218), *handa* 'где' (МК, III—218), *hyz* 'дочь' (МК, III—218);

6) наличие параллельных вариантов с *j* и без него: *jarmaqan* 'дар, подарок' (МК, I—140) ~ *armaqan*; *aḡla-* 'плакать', 'рыдать' (АХ, 111) ~ *jyḡla-* (ЭЗЛТ, 8a1, 37a4); *jignā* 'игла' (КС, 23—12) ~ *ignā*; *jikindū* 'время после полудня' (КС, 28—6) ~ *ikindū*;

7) наличие *v* (و) вместо *w* (ڤ) в словах типа: *äv* 'дом' (МК, I—293), *ävāt* 'утвердительная частица' (МК, I—51), *javlaq* 'плохой', 'скверный' (МК, III—44);

8) наличие параллельных вариантов *g* и *j* в словах типа: *bāg* 'правитель', 'бек', 'эмир' (АХ, 35) ~ *bij* (ЭЗЛТ, 66a13, 70613);

9) утрата губного сингармонизма в отношении широких гласных: *utan-* 'стыдиться' (МК, I—199), ср. *utunč* 'постыдный';

10) сохранение веларного *ŋ* в словах и аффиксах⁴: *aŋ* 'нет' (МК, I—40), *aŋla-* 'понимать' (МК, I—290), *čylajun* 'подобный', 'такой как'; 'подобие' (ЭЗЛТ, 34611), *oŋ* 'правый' (МК, I—138), *qajun* 'береза' (МК, I—

32), *uḡlaŋ* 'хамелеон' (МК, I—116);

11) выпадение *q*, *g*, *k* в словах и некоторых аффиксах: *āmāk* 'труд', 'усталость', 'напряжение' (АХ, 23), *syčap* (КС, 11—13) ~ *syčap* 'мышь' (АХ, 56), *qutlu* 'счастливый' (МС, 121), *usu* 'теплый' (МС, 121), *rumlu* 'византиец' (АХ, 106), *šamlu* 'сириец' (АХ, 106), *šaṣy* 'вонь' (МС, 121), *davlatlu* 'богатый' (МС, 151);

12) наличие узких губных гласных в аффиксах: *aḡquq* 'другой', 'иной'; 'особо' (МК, 69—13), *aḡuq* 'худой', 'исхудалый' (МК, I—66), *čākūk* 'молот(ок)' (МК, 409—12), *kāčūt* 'брод', 'переправа' (КС, 6—20);

13) наличие параллельных вариантов *ū* и *ā* в глагольной форме *kālūrūm/kālūrām* 'я приду' (АХ, 130);

14) наличие *t* (ط) вместо *t* (ت), *s* (ص) вместо *s* (س) в словах типа: *qutlu* 'счастливый' (МС, 121), *taḡ* 'гора' (МС, 121), *su* 'вода' (МС, 121), *usu* 'теплый' (МС, 121), *šaṣy* 'вонь' (МС, 121)⁵.

К морфологическим особенностям огузских языков следует отнести:

1) наличие аффиксов принадлежности на *-uz/-ujuz*: *očaḡuz* 'мой очаг' (МС, 94), *quluḡuz* 'мы его рабы' (МС, 94);

⁴ T. Banguoğlu. *Altosmanische Sprachstudien zu Süheyl-ü Nevbahar*. Breslau, 1938. §§ 42, 56, 57; M. Mansuroğlu. *Das Altosmanische*, PhTF, I, Wiesbaden, 1959, стр. 166.

⁵ M. Mansuroğlu. Указ. раб., стр. 166; S. Kakuk. *Les mots d'emprunt turcs-osmanlis dans le hongrois et les recherches d'histoire phonétique de la langue turque-osmanlie*. — «Acta Orientalia Hung.», V. 3. Budapest, 1955, стр. 187.

2) образование падежей аффиксами: а) родительного падежа: -уң/-иң/-ң — Sapçaуың 'Санчара' (АХ, 145), sāniң barasyң 'твой уход, отъезд' (МК, II—72); б) дательно-направительного падежа: -а/-ја/-га/-ä/-jä/-gä — ävgä 'домой' (МК, III—327), ärgä 'мужчине' (АХ, 147), baša 'голове' (МС, 140), ajaуа 'ноге' (МС, 140), suja 'воде' (МС, 140), elčijä 'послу' (МС, 140); в) исходного падежа: -дан/-дән — andan 'от него' (МК, I—133);

3) образование разделительных числительных при помощи аффикса -ар/-är: tākär tākär 'по-одному' (ЭЗЛТ, 6169), üčär üčär 'по-три' (ЭЗЛТ, 6169);

4) наличие собирательных числительных на -ау/-ägü, -älä, -av-la/-ävlä: dördägü 'вчетвером' (АХ, 115), bišägü 'впятером' (АХ, 115), altaу 'вшестером' (АХ, 115), toqsау 'вдевятиером' (АХ, 115), ikävlä 'вдвоем' (АХ, 116), üčälä 'втроем' (АХ, 116);

5) наличие личного местоимения bän 'я' (МК, I—67, 325; АХ, 36; МС, 93);

6) образование уменьшительной формы при помощи аффиксов: а) -čiq/-čük: čуаңčiq 'бедняжка' (АХ, 104—5), küčüčük 'маленький' (АХ, 104—5), но azačiq 'немножко' (АХ, 105); б) -čiqas/-čiqas/-čükäs: atčiqas 'конок' (АХ, 105), itčükäs 'щенок' (АХ, 112—3); в) -čay/-čäg/-čaq/-čäk: sarajčay 'домик' (АТФ, 013), jalynčaq 'голый', 'обнаженный' (ЭЗЛТ, 24a13), irinčäk 'ленивый', 'нерадивый' (ЭЗЛТ, 30a6);

7) наличие словообразовательного аффикса -lu/-lū: gumlu 'византиец' (АХ, 106), šamlu 'сириец' (АХ, 106; МС, 151), davlatlu 'богатый' (МС, 151);

8) образование отглагольных имен и причастных форм аффиксами: а) -dačy/-däči/-tačy/-täči: bardačy 'идущий' (МК, II—41), täbrättäči 'приводящий в движение' (МК, II—416), bititdäči 'писарь' (МК, II—369); б) -asy/-äsi/-jasy/-jäsi: barasy jär 'место, куда должны будут идти' (МК, I—69), aylajasy 'тот, кто должен плакать' (МС, 75); в) -an/-än/-jan/-jän: bāran ol 'он пошел' (МК, I—33), japaп 'горевший' (МС, 44), ölän 'умерший' (МС, 44), oqujaп 'читавший' (МС, 14); г) -уčy/-iči: alyčy 'берущий' (МС, 25), geliči 'тот, кто придет' (МС, 25); д) -duy/-tuу/-dük/-tük: kördüküң köñlüt 'сердце, которое ты увидела' (МС, 30), kälädüküm 'когда я пришел' (ЭЗЛТ, 75a8); е) -masy/-mäsi: jilvägär olmasy 'становиться переливчатым' (МС, 57); ж) -saq/-säk/-syq/-sik: ol any tutuysaq ärdi 'он должен держать его' (МК, II—343), ol ät toуraqsyq ärdi 'крошение мяса было его правом' (МК, III—329), ol täbratkäsäk ärdi 'в его задачу входило приведение в движение' (МК, II—417); з) -yučy/-güči: at sürgüči 'погоняющий коня' (МК, II—56), jarmaq tärgüči 'собирающий монеты' (МК, II—56);

9) наличие аффиксов деепричастия: а) -aly/-äli: olaly 'пока будет, станет'; 'до тех пор, пока станет' (МС, 78); б) -madyn/-mädin: qylmadyn 'не совершив' (МС, 62), ičmädin 'не выпив' (МС, 62); в) -ja/-jä: aylaja 'рыдая' (МС, 68), dejä dejä 'говоря' (МС, 68); г) -araq/-äräk: qačaraq 'убегая' (МС, 146), gedäräk 'уходя' (МС, 146); д) -ub/-üb: alub 'взяв' (МС, 80), bilüb 'узнав' (МС, 80); е) -masdyn/-mäsdin: äjlämäsdin 'не совершив' (МС, 58), etmäsdin 'не совершив' (МС, 59);

10) наличие глагольных форм долженствования на: а) -asaг/-äsär: käläsägmän 'я должен прийти' (ЭЗЛТ, 54a5), käläsärbiz 'мы должны прийти' (ЭЗЛТ, 54a5); б) -mały/-mäli: almalydur 'он должен взять' (МС, 26), gelinäli 'должен прийти' (МС, 26);

11) наличие настоящего и будущего времени на: а) -ajak/-^vajäk: kâ-^vlâjâkmân 'я приду' (ЭЗЛТ, 54a2), kâlâjâkbiz 'мы придем' (ЭЗЛТ, 54a2), bi tanda tura^vjaq 'бек встанет утром' (ЭЗЛТ, 66a13), kâlâjâkdur 'он придет' (МС, 110), çuqajaqdur 'он выйдет' (МС, 110); б) -ürür/-^vüräm/-^värüz/-^vuguz/-^vjyr: kâlürüm/kâlüräm 'я приду' (АХ, 130), edärüz 'мы сделаем' (МС, 94, 121), qyluguz 'мы сделаем' (МС, 94), başlajyr 'начнет' (МС, 14), oqujyr 'будет читать' (МС, 14); в) -mujasan/-mijäsän: kâlmijäsän/kâlmijäsän 'не придешь' (АХ, 130); г) -a/-^vä: kâlām 'я приду' (АХ, 130), kâlāsın 'ты придешь' (АХ, 130), kâlā 'он придет' (ЭЗЛТ, 70613), kâlāvüz 'мы придем' (АХ, 130), kâlālār 'они придут' (ЭЗЛТ, 70613); д) -ran/-^vrän/-^van/-^vän: mân bar^vgan 'я пойду' (МК, II—68), mân kâlirän 'я приду' (МК, II—68), mân ja qur^vgan 'я буду натягивать лук' (МК, II—68), mân baran 'я пойду' (МК, II—68), mân turan 'я встану' (МК, II—68); е) -maz/-^vmâz: jâzmaz 'не напишет' (МС, 53), tutmaz 'не держит' (МС, 121); ж) -ämân (аффикс настояще-будущего времени 1 л. ед. ч. в значении отрицания): edämân 'не сделаю' (МС, 54). Мехдихан отмечает всего несколько случаев (Санглах, стр. 54);

12) наличие форм прошедшего времени на -dām⁶/-dum/-dim/-tym/-duñ/-dy/-ty/-di/-ti/-dyñyz/-diñiz: bardam 'я ходил' (МК, III—153), bartadym 'я не пошел' (МК, II—62), ajyttym 'я сказал' (МК, I—222), bindi 'сел на коня' (АХ, 36), jundum 'я искупался' (МК, II—368), tanyşty 'он познакомился' (АХ, 67);

13) наличие неспрягаемой формы прошедшего категорического времени на -duq/-dük/-dyq/-dik: mân aṇar tavar bārdük 'я дал ему имущество' (МК, II—61), mân munda turduq 'я здесь стоял' (МК, II—61);

14) наличие при личном местоимении biz аффикса сказуемости на -üg: bizüg 'мы есть' (МС, 93);

15) образование наречий аффиксом -lajyn/-lâjin: kündüzlâjin 'днем' (ЭЗЛТ, 75a6), kâšälâjin 'вечером' (ЭЗЛТ, 75a7), kâldükümlâjin 'как только я пришел' (ЭЗЛТ, 75a8).

Кроме перечисленных особенностей, в исследуемых трудах восточных филологов отмечены следующие фонетические и морфологические явления, которые не следует упускать из виду при общем анализе структуры языков огузской группы, хотя они и относятся к числу факультативных.

Фонетические явления:

1) наличие t в словах: tamaq 'горло' (МК, I—33), taşuq- 'выйти наружу' (МК, II—330), tälü 'слабоумный', 'безумный' (МК, III—232), tämür-kāp 'железный наконечник стрелы' (МК, I—522), tärin 'глубокий' (МК, III—370), tävā 'верблюд' (МК, III—153), taqu 'тоже', 'также' (МК, III—246), toqup- 'столкнуться', 'удариться' (МК, II—147), toqu- 'быть ударенным' (МК, II—137), töp- 'возвращаться' (МК, III—184), törüt- 'создавать' (МК, II—303), tam 'крыша', 'поверхность' (АХ, 66);

2) наличие s в конце слова us 'искусный', 'сообразительный' (МК, I—36);

3) наличие j вместо j у определенного типа слов: jät- 'достигать', 'настигать' (МК, II—364, ср. jät-), jun- 'мыться' (МК, II—314, ср. jun-),

⁶ Эту огузскую форму впервые отметил J. Deny. Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli), Paris, 1921, § 73.

jānjü 'жемчуг' (МК, I—417, ср. jānjü), joŋdu 'длинная шерсть на шее верблюда' (МК, I—32, ср. joŋdu тюрк.);

4) наличие параллельных вариантов аффикса уменьшительности с q и ɣ: atɕiqas 'конек' (АХ, 105), jaɕiqas 'лук' (АХ, 105);

5) наличие велярного ɣ в слове jaŋa 'берег' (МК, III—369);

6) наличие p вместо t в слове ärmäk 'хлеб' (МК, I—10) ср. ätmäk 'хлеб';

7) наличие ċ вместо š в слове ċākār 'сахар' (АХ, 45);

8) наличие параллельных вариантов с г и без него в слове qoŋup 'свинец' (МК, I—513) ~ qorŋup (АХ, 70; КС, 31—14);

9) наличие метатезы ɣ ~ m в слове jaŋtur 'дождь' (АХ, 95) ~ jamtur (КС, 57); sa ~ as — в слове saqsayan ~ saqasayan 'сорока' (АХ, 53);

10) наличие в конце слова параллельного варианта с q и без него: qarunɕaq 'муравей' (МК, I—501) ~ qarunča (МК, III—375);

11) наличие интервокальной позиции q и ɣ в словах типа: baɣur- 'реветь' (МК, 526—15), qurur- 'кричать', 'звать' (АХ, 73), ċaɣurq 'прялка' (КС, 17—6), ċaɣurš- 'созывать друг друга' (МК, 165—5);

12) наличие параллельных вариантов j и δ в словах типа: ajuɣ 'иной', 'другой'; 'особо' (МК, 69—13) ~ aδuɣ 'другой', 'иной' (МК, 62—3), ajuɣ 'медведь' (МК, 54—13) ~ aδuɣ (МК, 54—14);

13) выпадение u в слове oɣl 'сын' (ЭЗЛТ, 3769);

14) наличие соответствия s ~ š в конце слова bākmās 'патока', 'виноградный сироп' (МК, 221—12) ~ bākmāš (КС, 16—2);

15) наличие соответствия y ~ u в конце слова uɣu ~ uɣu 'вор', 'разбойник' (ЭЗЛТ, 12a9);

16) наличие соответствия ā ~ u в начале слова āsla ~ ysla- 'смочить'; 'вымачивать' (ЭЗЛТ, 769);

17) наличие š вместо ċ в начале слова и в интервокальной позиции: iṣāri 'внутри' (ЭЗЛТ, 10611, 82610), kāšā 'вечером' (ЭЗЛТ, 75a7), šay 'время', 'пора', 'эпоха' (ЭЗЛТ, 176M);

18) наличие a вместо u в слове jaft 'пара'; 'супруг', 'супруга' (ЭЗЛТ, 1767);

19) сохранение конечных ɣ, g в словах типа: jaɣ 'жир' (МК, I—54), say 'здоровый', 'благополучный' (МК, III—154), bāg 'правитель', 'бек', 'эмир' (АХ, 35);

20) наличие z вместо s в отрицательной форме глагола: almaz 'не возьмет' (МС, 121), tutmaz 'не держит' (МС, 121);

21) выпадение n в аффиксе родительного падежа: Sančaryŋdur 'принадлежит Санчару' (АХ, 145);

22) наличие i вместо ā во временной форме глагола: kalmijāsān 'ты не придешь' (АХ, 130), kālāsīn 'ты придешь' (АХ, 130);

23) выпадение g и ɣ в аффиксе gān и ɣan и появление j в словах с гласной основой и аффиксом an и -ur/-ir: alap 'взявший' (МС, 14), gelān 'пришедший' (МС, 14), bašlajanda 'когда начали' (МС, 14), oqujanda 'когда читали' (МС, 14), dejāndā 'когда сказали' (МС, 14), bašlajur 'начинает' (МС, 14), oqujur 'прочитает' (МС, 14), dejir 'скажет' (МС, 14);

24) наличие параллельных вариантов с z и g в аффиксе понудительного залога: alduz- 'допустить ограбить себя', 'быть ограбленным' (МК, 312—13), bildüz- 'научить', 'обучить' (МК, 368—5);

25) «В языке дал (аффикс III лица прошедшего времени) постоянно огласуется кясрой (то есть turdu, а не turdu), иногда дал может быть заменена ta или ta из-за близости этих двух (фонем) по месту артикуляции (ал-махраж) к букве (то есть фонеме) дал» (Абу-Хаййан, стр. 111);

26) наличие v вместо b в глагольной форме kālāvüz 'мы придем' (АХ, 130).

Морфологические особенности:

1) выражение множественности при помощи аффикса -lar/-lär: bun-lar 'они', 'эти' (АХ, 105), bilär 'беки' (ЭЗЛТ, 70613);

2) выражение принадлежности при помощи аффиксов: а) -m: hyzvm 'моя дочь' (МК, III—238); б) -η: sāniη 'твой' (МК, III—233); в) -y/-i: küjägü otu 'тимьян' (КС, 12—1), ary jaуу 'мед' (МК, III—171), jaу ögüri 'конопля' (МК, I—88);

3) наличие словообразовательного аффикса -jyl: tavšanjyl 'орел (степной)' (КС, 10—1);

4) образование повелительно-желательного наклонения основной глагола [bar 'иди' (МК, II—50)] и аффиксами: а) -yul/-qyl/-gil/-kil: jazууl 'напиши' (КС, 33—12), azbar tutqyl 'помни наизусть', учи наизусть' (КС, 35—1), äksürgil 'чихни' (КС, 36—9); б) -η/-yη: barуη 'идите' (МК, II—51), ävgä oуgaη 'отправляйтесь домой' (МК, III—327); в) -maуыз/-māniz: barmaуыз 'не следуйте', 'не идите' (МК, II—45), kāl-māniz 'не приходите' (МК, II—45); г) -alym/-älim: jatalym 'ляжем-ка спать' (К, 8), ičälim 'выпьем-ка' (К, 8); д) -sun/-sün: jol jarasun 'счастливого пути' (МК, III—96);

5) наличие глагольной усилительной частицы на la/lä: ol bardyla 'он пошел' (МК, III—231), ol kældilä 'он пришел' (МК, III—231);

6) наличие siηär, čyлаjуп для выражения сравнения (ЭЗЛТ, 88610);

7) наличие bolуaj для выражения понятий возможности, вероятности: bi kaldi bolуaj 'вероятно, эмир пришел' (ЭЗЛТ, 69a9), bi bolуaj 'будто сам эмир' (ЭЗЛТ, 69a10).

Лексику огузских языков характеризуют те слова, которые встречаются во всех этих памятниках с одинаковыми пометами «огуз» и «туркмен».

Приведем некоторые общие слова из рассмотренных памятников: ävä 'да (утвердительная частица)', aјva 'айва', äг 'мужчина', агmт 'груша', ädük 'вид обуви', 'сапоги', äv 'дом', bäg 'правитель', 'бек', 'эмир', bāk 'закрытый', big 'один', čäkürkä 'саранча', jaу 'жир', 'сало', ignä 'игла', jaуmг 'дождь', jar- 'делать', 'совершать', juldugum 'молния', jогуап 'одеяло', kăčä 'войлок', 'кошма', kăšür 'морковь', kös- 'сердиться', 'отворачиваться', 'обижаться', nātä 'как', oуг 'время', öг- 'плести косы', рa-тиq/рапpиq 'хлопок', 'вата', рājnir 'сыр', qaqy- 'сердиться', 'гневаться', qagупсаq/qagупса 'муравей', qoč 'баран-производитель', qoғsun 'свинец', qurt 'волк', sāгčä 'воробей', süг- 'погонять', суčап/суčаp 'мышь', syнду 'ножницы', тиг- 'вставать', dägül 'не (отрицательная частица)', utan- 'стесняться', 'стыдиться' и др. Полный перечень этих слов дается в приложении.

В заключение заметим, что не все приведенные фонетические, морфологические и лексические особенности могут быть отнесены к общеогузским. Некоторые из них можно рассматривать как характерные для огузских языков или их диалектов, другие — объяснить окружением и местом создания источника. Однако большинство из отмеченных особенностей является специфическим⁷.

Исследования по другим языкам, аналогичные нашему, также показывают неоднородность диалектного состава и сложную «диалектную пестроту» языка тюркских памятников XI—XVIII вв.⁸ В связи с этим

⁷ Янош Экман отмечает в памятниках мамлюкского Египта ряд огузских черт, совпадающих с перечисленными особенностями. J. Eckmann. The Mamluk-Kipchak Literature.— «Central Asiatic Journal», VIII, 1963, стр. 304—319; его же. Memlûk kıpçakcasının oğuzçalaşmasına dair, TDAY, 1964, стр. 35—41.

⁸ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.

утверждение о существовании «единого литературного среднеазиатского тюркского языка исламской эпохи» (К. Брокельман) и отнесение памятников XI—XVIII вв. «к определенному хронологическому периоду в развитии единого тюркского литературного языка» (А. Самойлович, Я. Экман, Ф. Кёпрюлю)⁹ не могут считаться обоснованными.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Слова с пометой «огуз» в «ДИВАНУ ЛУГАТ-ИТ-ТУРК» Махмуда Кашгари: aba 'мать' (I—86), aṭabū 'кувшин' (217—10), aṭūl 'овечий помет' (49—12), aṭaq 'чаша', 'чашка' (249—3, 451—3), aṭluq aṭluq 'так, так' (69—15), aṭluq 'иной', 'другой'; 'особо' (69—13), aṭruq 'пырей' (69—14), aṭt- / aṭut- 'говорить' (115—15), aṭū 'медведь' (54—13), aldūz- 'допустить ограбить себя', 'быть ограбленным' (312—13), alma 'яблоко' (77—14), aluq ār 'невежественный (или плешивый, лысый мужчина)' (I—67), aluq 'плохой', 'дурной' (44—8), aluq 'клюв (у птицы)' (46—10), andan 'после', 'затем', 'потом' (I—109), aṭ 'нет (отрицательная частица)' (I—40), aṭla- 'понимать' (I—290), ar 'усилительная частица' (I—76), aq 'белый' (I—81), aq saqal 'старец' (I—81), arṭaṭan 'подарок' (I—140), arqa- 'обыскивать', 'искать' (I—283), arsaluq 'гермафродитизм (у животных)' (I—159), arsu 'неполноценный', 'негодный' (I—127), aṭuq 'худой', 'исхудалый' (I—66), aṭu jāu 'мед' (I—87), aṭuq 'худой', 'тощий' (I—97), aṭut- 'очищать' (II—374), arṣaq 'подножие горы' (I—66), aṣat- 'кормить' (I—210), aṣluq 'зерно', 'злаки'; 'пшеница' (I—136), atlan- 'садиться верхом на коня'; 'взбираться' (I—255), at 'лошадь' (II—56), av 'охота' (I—68), adruq 'другой', 'иной' (62—3), adū 'медведь' (54—14), ājlā 'так', 'таким образом' (I—166), ākin 'посев', 'пашня' (I—78), ālkin 'путник', 'странник' (I—102), ām 'женский половой орган' (I—38), āmāt 'да (утвердительная частица)' (III—8), āmir 'иней', 'изморозь' (I—54), āndāk 'поверхность, верхняя сторона' (I—105), ārtāk 'хлеб' (I—101), ār 'муж', 'мужчина' (II—56), ār- 'быть' (III—329), āt 'мясо' (III—329), ātrāk 'рыжий' (I—101), āt- 'делать', 'совершать' (I—171, II—22), āv 'дом' (I—293), āvāt 'утвердительная частица' (I—51), āzā 'старшая сестра' (I—90), bajnaq 'помет', 'навоз', 'содержимое кишок' (522—5), bajraṭ 'праздник' (522—9), bajuq söz 'верное, правдивое слово' (517—17), bal 'мед' (440—6), baiṣuq 'ил', 'грязь' (129—17, 235—6), baldu 'топор' (I—53), balyuq 'грязь' (129—17), baṭuq- 'реветь (о верблюде)' (526—15), baṭ- 'идти' (543—141), bart 'сосуд', 'кувшин' (172—2), baṣmaq 'башмак' (190—11), baṣmaklan- 'обувать башмаки' (403—11), bāklān- 'закрывать', 'запереться' (385—16), bāklaṣ- 'помогать закрывать'; 'помогать сохранить, стеречь' (368—14), bāklāt- 'заключить', 'запереть'; 'велеть хранить' (434—10), bāktās 'бекмес', 'виноградный сок' (221—12), bān 'я' (I—284), bi 'тарантул' (535—11), bitdüz- 'научить', 'обучить' (368—5), bitig 'амулет', 'талисман' (516—17), bitit- 'писать' (II—369), biz 'мы' (II—72), boj 1. 'пажитник' (III—141); boj 2. 'племя', 'род' (III—141), boṭun 'народ' (III—169), bol- 'совершаться' (II—72), boq 'навоз' (III—129), boqla- 'испражняться' (III—292), borsuq 'барсуk' (III—417), böj 'паук' (III—141), bu 'это' (II—71), buṭur- 'приказать' (III—186), buṣaq 'вспыльчивый', 'раздражительный' (I—378), buṭ 'плесень' (III—143), bükta/bök-

⁹ А.-Н. Самойлович. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка. — В сб.: «Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 7—15; *его же*. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе, IV.—ЗКВ, т. II, вып. 2. Л., 1926, стр. 262; J. Eckmann. Das Chwaresmtürkische, PhTF, I. Wiesbaden, 1959, стр. 116; Fuad Köprülü. Türk dili ve edebiyatı hakkında araştırmalar. İstanbul, 1934, стр. 155—161.

tã 'кинжал' (I—31), büküm 'вид женской обуви' (I—395), bün 'суп' (I—31), буc- 'резать' (II—73), çaltur- 1. 'заставлять опрокинуть, свалить': 2. 'заставлять узнавать', 'заставлять доводить до слуха'; 3. 'заставлять наводить справки (о потерях)' (357—17), çalup- 1. 'бросаться', 'падать на землю'; 2. 'достигать (слуха, ушей)', 'становиться известным'; 3. 'ху- деть', 'спадать с тела' (342—3—5), çanaq 'чашка' (192—1), çaq- 'подстре- кать', 'сеять вражду' (276—5), çaqryş- 'созывать друг друга' (165—5), çaşug 'шатер', 'палатка' (204—17), çat 'колодец' (508—5), çat- 'сгонять, прогонять (скот)'; 'подпускать к матке (молодняк домашних животных)' (413—8—9), çäkük 'молот(ок)' (409—12), çäkürkä 'саранча' (245—15): çäg 'время', 'пора' (162—9—10), çärik 'время', 'пора', 'подходящий момент для чего-либо' (195—4), çärlük 'время', 'пора' (162—10), çät- 'доходить', 'достигать', 'настигать' (II—314), çätük 'кошка', 'кот' (195—11), çil 'вес- нушки', 'рябинки' (или 'следы побоев', 'ссадины', 'рубцы')¹⁰ (169—13, 502—2), çotmuq, çotmuç 'чомга (птица)' (236—14—5), çor: çor ot- 'спу- танная трава' (495—14—5), çotmçä 'половник', 'черпак', 'ковш' (210—9), çuřa 1. 'вожак (стада)'; 'проводник'; 2. 'перекладная лошадь' (214—5—3), çuq/çoq äg 'низкий человек' (500—2), daqu 'еще' (154—17), dādā 'отец' (III—220), dāvā 'верблюд' (II—195), dāvāj 'верблюд' (32—14), gāgāj 'бритва' (III—174), haju 'какой' (III—218), handa 'где' (III—218), hamur 'эмир' (I—112), hyz 'дочь' (III—218), idış 'кубок', 'бокал' (59—11), ikit 'ложь', 'обман' (52—10), ilik 'костный мозг' (I—72), imdi/emdi 'теперь', 'сейчас' (I—37), imir 'предзасветные сумерки' (86—17), ināk 'черепаха (самка)' (I—111), ja 'лук' (II—68), jaba 'мокрый', 'влажный' (III—24), jaу 'жир' (I—54), jaу ögüri 'кунжут' (I—54), jalıu 'глухон' (III—33), jalıuq 'служанка', 'невольница' (молодая) (III—385), jaңa 'берег' (III—369), jarat- 'соразмерять', 'делать по размеру' (II—315), jarmaq 'монета' (II—56), jarmaqan 'дар', 'подарок' (I—140), jaruу- çu/joruу- çu 'связной между сватами'; 'сват', 'сваха' (III—55, 56), jas 'смерть', 'гибель' (III—159), jatuq 1. 'брошенный', 'забытый'; 2. 'ленивый' (III—14), java/jafa jār 'теплое, укромное место' (III—27), javlaq 'пло- хой', 'скверный' (III—44), jaz- 'развязывать' (III—59), jāñāç 'рак' (III—384), jaң- 'побеждать' (III—391), jār 'место' (II—71), jār- 'поричать', 'хулить' (III—185), jārdaş 'земляк' (III—40), jikdā 'джида', 'лох' (I—31), jol jarasun 'счастливого пути' (III—78), jorunça 'клевер' (III—375), jubyla- 'обманывать' (II—315), jut- 'проглатывать' (253—6), жүgrük bilgā 'сообразительный' (III—45), жүkündāci 'молящийся' (II—194), жүrārlik 'рута' (III—12), жуаç 'дерево' (II—73), жүş/juş 'скопление' (III—4), jāñju 'жемчуг' (I—417), jāt- 'достигать', 'настигать' (II—364), jaydu 'длинная шерсть на шее верблюда' (I—32), jun- 'мыться' (II—314), kāçā 'войлок' (III—219), kāci 'коза' (III—219), kāl- 'приходить' (II—68), kā- lāci 'слово', 'речь' (I—445), kältür- 'приводить' (19—3), kāmī 'лодка', 'судно' (156—13), känd 'село', 'деревня' (I—22), kār 'форма', 'шаблон' (III—119), kāriş 'вершина перевала' (I—370), kās- 'резать', 'рубить' (I—53), kāşür 'морковь (редис)' (I—431), kibā 'мир', 'короткий промежу- ток времени' (III—217), kibi/kib 'подобно', 'похожий' (III—16), kim 'кто' (III—41), kir- 'входить' (II—56), köbān 'потник', 'рогожа, подкладывае- мая под хомут верблюда' (I—404), kök 'род', 'племя' (II—284), kök çätük 'серый кот' (I—388), köm-kök 'совершенно синий' (I—328), kömür- gān 'дикий лук' (I—522), körcük 'передняя и задняя подушки седла' (I—

¹⁰ По Брокельману: 'стыд'. С. Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz. Mahmūd al-
 Kasgaris Divān Lugat it-Türk, Budapest—Leipzig, 1928.

478), *kös-/küs-* 'обижаться' (II—12), *kül-* 'смеяться' (II—68), *künčäk* 'ворот, воротник (карман?)' (I—480), *küvür* 'кошма' (III—178), *küzät-* 'сторожить', 'охранять' (II—234, II—369), *la* 'постпозитивная усилительная частица' (538—10), *mandar* 'вьюнок' (I—457), *män 'я'* (I—222), *munda* 'здесь' (II—61), *mü* 'вопросительная частица' (III—233), *туһаг* 'источник', 'ключ', 'родник' (III—375), *päñ* 'вещь' (II—73), *oba* 'род', 'племя' (I—86), *оуға-* 1. 'встречаться'; 2. 'идти' (III—329, 327), *оуул* 'сын' (III—233), *оуиг* 'время' (II—71), *оуиг* 'благоприятный', 'удачный' (I—53), *оуиг* 'замена' (I—53), *оуиглап-* 'быть данным взамен' (I—292), *ојуғ* 'огородное пугало' (I—81), *ol* 1. 'он'; 2. 'аффикс сказуемости III лица' (II—72), *ота-* 'лечить' (III—252), *отуғ* 'дрова' (I—53), *öd* 'отверстие', 'дыра' (I—44), *ögürmäk* 'паланкин' (I—464), *öjäs* 'разновидность комара' (I—84), *öjlä* 'полдень' (I—113), *өң* 'правый' (I—138), *ögrän* 'разрушенный'; 'что-либо скверное' (I—76), *ögrän* 'толстая веревка' (I—138), *ötrük* 'обманщик, хитрец' (I—102), *ötünč* 'долг, заем' (I—131, III—448), *раһуғ* 'хлопок' (I—380), *pärčäm* 'бунчук' (I—483), *қаһап* 'когда' (II—72), *qajtar-* 'поворачивать' (III—193), *qajut* 'тесть' (I—32), *qajun* 'берега' (I—32), *qajug* 'песок' (III—165), *qajut-* 'возвращаться' (II—348), *qalyda* 'ожерелье' (217—11), *qag-* 'смешивать' (I—432), *qaga quš* 'края мостов' (ступней) верблюда' (I—331), *qagya-* 'проклинать', 'ругать' (III—290), *qagtur-* 'заставлять смешать' (II—190), *qagyl-* 'смешаться' (II—134), *qagunča* 'муравей' (III—375), *qagunčaq* 'муравей' (I—501), *qat* 'около', 'при' (I—320), *qoç* 'баран-производитель' (I—321), *qoşuñar* 'баран' (I—311), *qonşu* 'сосед' (I—435), *qonuçla-* 1. 'принимать гостей', 'угощать'; 2. 'оставаться ночевать помимо воли хозяина' (III—339), *qoşun* 'свинец' (I—513), *qova* 'ведро' (I—147), *qovuz* 'заклинание для изгнания злого духа' (III—163), *qur* 'сухой' (III—122), *qur-* 'стрелять (из лука)' (II—68), *qurtañ* 'налучье' (I—444), *qurtañ* 'невольница' (I—473), *qurt* 'волк' (I—328), *qusyaç* 'название птицы' (I—455), *quşluq* 'время после восхода солнца до полудня' (I—474), *qyl-* 'иметь связь с женщиной' (II—25), *qusgaq* 'кобыла' (I—474), *sañ* 'ум', 'сообразительность' (III—154), *sañ* 'здоровый', 'благополучный' (III—154), *sañ älik* 'правая рука' (III—154), *sañ suv* 'питьевая вода' (III—154), *saht* 'украшение на поясе и других частях одежды' (I—131), *saltur-* 'натравливать' (II—187), *sat-* 'продавать' (II—343), *sañya-* 'производить расчет платежом' (III—288), *sañyaç-* 'производить взаимный расчет платежом' (II—214), *savaç-* 'ссориться', 'биться' (II—102); *savçu* 'пророк', 'посланник' (III—441), *savçu* 'сват', 'сваха' (II—441), *säçä* 'воробей' (III—219), *sän* 'ты' (I—326), *sänäk* 'кувшин', 'сосуд для воды' (III—367), *siz* 'вы' (I—326), *soq-* 'жалить', 'кусать' (II—18), *sor-* 'расспрашивать', 'спрашивать' (III—181), *sögüs* 'отборное мясо ягненка или козленка для жарения' (I—369), *sökäl* 'больной' (II—10), *söz* 'слово' (I—222), *suñar* 'башня', 'что-либо высокое' (I—436), *sudaq* 'название персов и огузов' (II—287), *suvyardaçu* 'поливальщик' (II—288), *süm:süm süčük* 'очень сладкий' (I—338), *sür-* 'погонять' (II—56), *sürčäk* 'вечеринка' (I—478), *sydym* 'кожаный ремень' (I—485), *суға* 'широкое ущелье (долина) между двумя горами' (I—422), *syndu* 'ножницы' (I—418), *synuq* 'разбитый', 'сломанный' (III—365), *syq* 'малый', 'незначительный' (III—130), *syrt* 'возвышенность', 'сырт' (I—342), *syrtla-* 'подниматься на возвышенность, сырт' (III—444), *taluy-* 1. 'говорить'; 2. 'распространить (дурной слух)' (II—121), *tamaq* 'горло' (I—33), *tamaq* 'кровеносный сосуд', 'жила' (I—362), *tarun-* 'молиться' (II—194), *taq-* 'прицепить', 'привязать' (II—16), *taquqluñ* 'аг' 'мужчина, имеющий курицу' (I—497), *taqu* 'тоже', 'также' (III—246), *taqu-* 'бить', 'ударить' (III—284), *taquñ* 'просо' (I—354), *taquñçu* 'земледелец' (II—56), *tas* 'плохой', 'низкий' (I—329), *tavaq* 'добро', 'неживой и

живой товар' (I—343), täbrät-/tävrät- 'приводить в движение' (II—419), ¹ägül 'не' (отрицание) (I—329, III—68), tāk 'просто', 'так просто' (I—334), tälü 'слабоумный', 'безумный' (III—232), tāmürkän 'железный наконец-ник стрелы' (I—522), tñälgüc 'птица из семейства ястребиных' (III—388), tär- 'собирать' (II—56), tärinçäk 'вуаль', 'покрывало' (I—510), tärin 'глубокий' (III—370), tās: tās tägirmä 'совершенно круглый' (I—328), tävā 'верблюд' (III—153), toyra- 'резать, крошить мясо' (III—329), toj 'дрофа' (III—142), toj toldra- 'собирать со всех сторон' (III—447), torul- 'снимать (одежду)', 'раздеться' (II—119), toqul- 'быть ударенным' (II—137), toqun- 'столкнуться', 'удариться' (II—147), todyug- 'насыщать' (II—176), tögi 'очищенное зерно проса', 'пшено' (III—229), töl 'время окота' (III—133), tölä- 'окотиться (об овцах)' (III—286), töläk 'бездеятельный', 'спокойный' (I—387), tölä- 'принять скот' (II—310), tömrük 'бубен' (I—478), tön- 'возвращаться' (III—184), tögüt- 'создавать' (II—303), tuḡay 'ханская печать' (I—462), tuḡaylan- 'ставить печать' (II—272), tuldra- 'рассеиваться' (III—447), tulun 'висок', 'височная кость (у животных)' (I—401), tun- 1. 'занести (снегом)'; 2. 'покрываться' (II—27), tur- 'вставать' (II—68), tümgük 'бубен' (I—478), uç 'конец', 'вершина' (I—44), uylan 'хамелеон' (I—116), uḡa 'большое, высокое дерево' (I—128), uḡuq 'веревка' (II—205), uḡga 'грыжа' (I—39), us 'искусный', 'сообразительный' (I—36), us- 'думать' (I—166), usla- 'понимать', 'разуметь' (I—286), utan- 'стыдиться' (I—199), ügürtäk 'род корзины, укрепляемой на спине верблюда' (I—507), üjük 'бугорок', 'холм', 'вершина' (I—85), uyuḡ 'теплый' (I—64), uyuḡ suv 'теплая вода' (I—64).

Слова с пометой «туркмен» в «ДИВАНУ, ЛУГАТ-ИТ-ТУРК» Махмуда Кашгари: ара 'мать' (I—86), jigdä 'лох' (I—31), kārägü 'шатер', 'юрта' (I—404), qarut 'ругательство', 'оскорбление' (I—356), taḡuq 'курица' (II—330), taḡuq- 'выйти наружу' (II—330).

Слова с пометой «туркмен» в «КИТАБ АЛ-ИДРАК ЛИ-ЛИСАН АЛ-АТРАК» Абу-Хайяна: ayla- 'плакать', 'рыдать' (16), ajva 'айва' (81), aqça 'дирхем (монета)' (147), armut 'груша' (81), atçuqas 'конек' (105), azaḡuq 'немножко' (105), ädük 'вид обуви', 'сапоги' (8), äḡ 'мужчина' (147), ärsük 'прелюбодеяние' (11), ätmäk 'напряжение' (23), äsri 1. 'репард'; 2. 'пантера' (13), bāḡ 'правитель', 'бек', 'эмир' (35), bājni 'мозг' (89), bān 'я' (36), biläḡü 'точило', 'точильный камень' (35), bin- 'садиться верхом' (36), biḡ 'один', 'некто' (147), biḡ- 'давать' (147), bojnuz 'рог' (89), bu kās 'этот раз' (34), bul- 'находить', 'отыскивать' (36), bunçuqas/bunlarçuq/bunlarçuqas 'уменьшительная форма от «это»' (105), byl- 'дугчун' 'перепел' (36), çäkäḡ 'сахар' (45), çuḡançuq 'бедняжка' (104), dāḡmā 'каждый' (147), dāz- 'отходить от стада (о животных)' (48), di-/de- 'сказать', 'говорить' (48), duvar 'стена' (51), dynlan- 'успокаиваться' (66), itçükās 'собачонка' (105, 112), jaḡuqas 'уменьшительная форма от «лук»' (105), jaḡuḡ 'дождь' (95), javuz 'злой' (107), juldura- 'сверкать', 'сиять' (о молнии) (97), juldurum 'молния' (97), jumḡuq 'кулак' (93), kāça 'войлок' (79), kāl- 'приходить' (129), kiçičük 'маленький' (79), közsüz 'слепой (букв. безглазый)' (81), küçüçük 'маленький' (104), mägär 'только' (126), nā 'что' (154), nātā 'как' (132), niḡā 'почему' (90), öjlā 'в полдень' (135), rapruq 'хлопок' (88), räjnir 'сыр' (36), qajyug- 'печалиться', 'скорбеть' (24), qaqy- 'сердиться', 'гневаться' (73), qorḡun 'свинец', 'олово' (70), qulçuqas 'уменьшительная форма от «раб»' (105, 112), qurt/ ~ qurd 1. 'волк'; 2. 'червь' (70), quḡu 'рвота' (72), quḡuḡ- 'кричать', 'звать' (73), quḡa 'короткий', 'краткий' (72), gumlu 'византиец'

(106), *şa-* 'считать' (60), *şaууг* 'глухой' (60), *şaп-* 'думать', 'полагать', 'предполагать' (60), *şaп-* 1. 'считать', 'исчислять'; 2. 'расчитывать', 'думать', 'полагать' (58), *saqsayan* 'сорока' (53), *sämüz* 'тучный', 'полный', 'жирный' (53), *şol* 'левый'; 'левая сторона' (59), *sy-* 'разбиваться' (51), *şuçan*, *şuçan* 'мышь' (56), *şuçan aj* 'название одного из месяцев' (56), *şundur-* 'разбивать', 'сломать' (60), *şamlu* 'сириец' (105), *tal-* 'погружаться', 'окупаться', 'нырять' (65), *там* 'крыша', 'кровля' (66), *tanuş-* 'советоваться', 'совещаться между собой' (67), *tağazy* 'весы' (63), *tuñpaq* 'копыто' (67), *tuğ-* 'вставать' (133), *ut* 'стыд' (27), *uñan-* 'стыдиться' (27), *üzgä* 'на', 'над' (13), *usug-* 'кусать', 'хватать зубами'; 'хвататься', 'цепляться (за что-либо)' (15).

Слова с пометой «туркмен» в «ЭТТУХФАТ-УЗ-ЗАКИИА ФИ-ЛУГАТ-ИТ-ТУРКИИА»: *ауғу/авғу* 'денежная единица' (15a9), *ауи* яд (19a2), *ауғ* 'тяжелый', 'увесистый' (1061), *ауғ-* 'быть тяжелым', 'быть стеснительным, тягостным (для кого-либо)' (1067), *al-* 'взять' (46610), *aşla-/yşla-* 'смочить', 'вымачивать' (769), *aşga-* 1. 'кусать', 'хватать зубами'; 2. 'хвататься', 'цепляться' (25a10), *agil-* 'сгибаться', 'наклоняться' (35a12), *agājnā* 'частица с утвердительным значением' (8963), *av* 'дом', 'жилище' (764—5), *avāt* 'да' (частица) (8963), *avlāp-* 'жениться', 'выходить замуж' (9a8, 17612), *avlāndir-* 'женить', 'выдавать замуж' (17613), *baýla-* 'связывать', 'привязывать', 'перевязывать' (17a2), *baууг* 1. 'печень'; 2. 'сердце'; 3. 'середина' (30a9), *baýlavuç* 1. 'сковородка'; 2. 'глиняный горшок' (23a9), *baһana ajlä-* 'оправдываться (в чем-либо)', 'приводить доводы' (9a3), *bābāk* 'зрачок', 'хранитель глаз' (3569), *bākāp-* 'удивляться', 'поражаться' (6a6), *bāki* 'бритва' (33612), *bākli* 'закрытый', 'запертый' (3462), *bi* 'бек', 'правитель' (70613), *bilāvūv* 'точило', 'точильный камень' (4867), *bir oуurda* 'сразу', 'за один раз' (15a12), *biraz* 'часть', 'немного' (89a2), *boу-* 'душить', 'давить' (1463), *boуaz* 'горло' (12aM), *boуay* 'вероятно', 'возможно', 'может быть' (88610), *boуuzla-* 1. 'закалывать', 'резать'; 2. 'приносить в жертву (животное)' (16a2, 50aM), *buуayy* 1. 'узы', 'путы', 'оковы'; 2. 'узел' (29a1), *buylat-* 'испарять' (7610), *buуzaj* 'пшеница' (2863), *buјurçuq* 'перепел', 'перепелка' (18613), *bulуan-* 'быть мутным, загрязненным, темным' (2563), *buqayy* 1. 'узы', 'путы', 'оковы'; 2. 'узел' (29aM), *burtar-* 'хмуриться', 'смотреть сердито' (2561), *şaq* 'в момент (союз)' (65a12), *şatal* 1. 'отрасль'; 2. 'ветвь', 'ответвление' (20a3), *şäkүgkä* 'саранча' (11aM), *şolpaп* 'светило', 'звезда (Венера)' (30a3), *şozuғ* 'синеголовник', 'чертополох (вид колоски)' (11a12), *şulhaçu* 'ткач' (1267), *şyblaq* 'голый', 'обнаженный' (24a13), *şylajuy* 1. 'подобный', 'такой как'; 2. 'подобие' (34611), *dāgirmān* 'мельница' (23a12), *dāgiş-* 'меняться', 'произвести обмен' (30a1), *dāgöl* 'не' (46610, 67a7, 7164), *dirsäk* 'локоть' (32a6), *diş* 'зуб' (18a11), *dūdük* 'домбра' (15a8), *dügтä* 'пуговица' (1765), *hamaşa* 'обычный', 'закон' (2461), *hār* 1. 'целое'; 2. 'каждый' (30610), *horla-* 'храпеть' (21aM), *ignā* 'иголка', 'игла' (4aM), *igrāp-* 'вызвать отвращение, тошноту' (2964), *irincāk* 'ленивый', 'нерадивый' (30a6), *işäri* 'внутри' (10611), *jaу* 'жир', 'сало' (20a7, 15a1), *jaу-* 'идти (о дожде)', 'быстро бежать', 'убегать' (35a13), *jaуla-* 'смазывать', 'натереть (масло)' (1561), *jaуluq* 'полотенце' (206M), *jaута* 'грабеж', 'добыча', 'краденая вещь' (36a10), *jaута-* 'грабить' (37a5), *jaуtala-* 1. 'схватить'; 2. 'уносить', 'похищать' (1465), *jaугт* 'кислое моло-

ко' (31aM), *jalaṣanš bol-* 'обнажаться' (9a7), *jalaṣiṣu* 'лжец', 'обманщик' (30a8), *jalyuz* 'единица', 'один', 'одинокий' (62a1), *jalyuṣaq* 'голый', 'обнаженный' (24a13), *jaṣlyš-* 'ошибаться' (266M), *jaṣu* 'новый' (11a10), *jasmaq* 'покрывало', 'вуаль' (20a13), *jijiči* 'прожорливый', 'жадный'.

'обжора' (36M), *jilim* 'узел (на веревке)', 'завязка' (2463), *joṣun* 'толстый', 'большой', 'грубый', 'жесткий' (26a12), *jovaš bol-* 1. 'быть легким, нетрудным'; 2. 'быть смиренным, кротким' (3765), *jovašjulquvuš* 'щипцы', 'клещи' (33613), *juzylmyš* 'снятый', 'содранный' (33aM), *jügür-* 'бежать' (1167), *jügüt-* 'молоть', 'размалывать' (2368), *jyṣla-* 1. 'плакать', 'оплаки-

вать'; 2. 'рыдать' (37a4), *jyla-* 'рыдать', 'плакать' (8aM), *jaft* 1. 'пара'; 2. 'муж', 'супруг'; 3. 'жена', 'супруга' (1767), *kāškün* 'женская верхняя одежда, одеваемая в праздники' (11a4), *kāl-* 'приходить' (54a3, 75a8), *kāliči* 'часто приходящий' (47a4), *kāšā* 'вечер', 'вечером' (75a7), *kišān* 'пути' (20a12), *köbürcük* 'сундук' (22a2), *köpān-* 'украшаться' (966), *köndār-* 'прощаться', 'проводить' (38a8), *kös-* 'сердиться' (13a5), *köstāk* 'пути' (20aM), *küjägü* 'зять' (2165), *kül-* 'смеяться' (77a5), *külšā* 'чурек' (3069), *kündüz* 'дневное время' (75a6—7), *läbläbū* 'горох' (126M), *lajin* 'временная частица' (75a6, 75a8, 75a6—7), *mädäd äjlä-* 'помогать', 'содействовать', 'способствовать', 'поддерживать' (1961), *märdimān* 'лестница' (19aM), *muštla-* 'обрадовать приятной новостью' (8a4), *nāčāk* 'также', 'подобно тому' (306M), *närgdūvān* 'деревянная лестница' (19a11), *nātā* 'как' (57a4), *oṣl* 'сын, мальчик' (3769), *oṣul-* 'падать в обморок' (26611), *oqšar* 'подобно (последлог)' (88612), *oṣṣuṣa* 'позвоночник', 'позвоночный столб' (18a12), *ögrān-* 'учиться', 'обучаться' (8613), *ögüt* 'мысль', 'разум' (1665), *ökšük* 'наперсток' (3064), *öšändir-* 'причинять боль, страдание' (10a9), *ötmākči* 'пекарь' (47a5), *päjniṣ* 'сыр' (11a11), *qaq-/~ qaqu-* 'сердиться', 'гневаться' (5a7), *qaqmaq/qaqumaq* 'гнев', 'раздражение', 'ярость' (26a8), *qaṣunṣaq* 'муравей' (36a2), *qašu* 'ведро', 'бадя' (15a7), *qatla* 'один раз' (35a1), *qoṣuz* 'синеголовник', 'чертополох (вид колючки)' (11aM), *qoqsu-* 'идти, распространяться (о запахе)' (27610), *qurunṣuqa* 'ремень', 'подхвостник' (28613), *quṣqaš* 'рак', 'краб' (18610), *saṣaq* 'печь', 'очаг' (306M), *šaṣug-* 'подавиться' (21aM), *ṣaṣluq* 'здоровье', 'сила' (24a4), *ṣajla-* 1. 'очищать', 'шелушить', 'отделять кожуру'; 2. 'отбирать'; 3. 'подбирать', 'собирать' (солому); 4. 'мести', 'подметать' (3666), *salban* 'чалма' (2464), *saqsu* 'черепок', 'осколок глиняного изделия' (2066), *sarapṣuqa* 'саранча' (11a6), *siṣār* 'подобно (последлог)' (88613), *ṣovuṣla-* 'шептать' (38a11), *ṣuva-* 'заделывать (отверстие)' (31611), *sümüldä-* 'откашливаться', 'прочищать горло' (8611), *ṣuṣala-* 'щупать', 'пробовать', 'стараться' (12a1), *syh-* 'хмуриться', 'смотреть сердито' (2561), *syṣša* 'ма-

ленькая птичка' (246M), *syrytlyn* 'ловушка', 'силки' (13610), *ṣaṣ* 'время', 'пора' (176M), *ṣaga* 'оправдание', 'предлог', 'причина' (896M), *ṣār-ṣā/~ ṣīrṣā* 'воробей'; 'маленькая птичка' (24610), *ṣāṣān* 'сообразительный', 'понятливый', 'догадливый' (27a5), *šölmāk* 'кувшин' (11aM), *ṣubun* *süṣāčāk* 'сетка', 'полог (от насекомых)', 'болотистое место, изобилующее комарами' (336M), *taṣ* 'гора' (1069), *taṣaṣ* 'горло', 'глотка', 'пищевод' (17a12), *taṣ* 'утро', 'рассвет' (66a13), *tāk* 'один', 'одинокий' (61610), *tāk* *tāk* 'идти по-одному' (61611), *tākār* 'по-одному', 'по-одиночке' (6169), *tākār tākār* 'идти по-одному' (6169), *tākṣā-* 1. 'раскалывать', 'рассекать'; 2. 'резать', 'разрезать', 'отрезать (полоску)' (21a2), *tānli* 'определение размера', 'оценка', 'предположение', 'догадка' (90a10), *toṣuṣu* 'гнедой (о коне)' (30a10), *toṣuṣu* 'прямой', 'прямо' (29a8, 73a13), *toṣṣan* 'быть мутным, загрязненным, темным' (2564), *toṣan-* 'украшаться' (966), *tur*

‘вставать’ (66a13), *tükü* 1. ‘пара’; 2. ‘муж’, ‘супруг’; 3. ‘жена’, ‘супруга’ (1767), *уҗуқ* ‘ребаб (смычковый музыкальный инструмент)’ (16aM), *уҗуғ/уҗуғи* ‘вор’, ‘разбойник’ (12a9), *üſgä-* ‘соединять, запрягать’ (5aM), *ушұқ* ‘луч’, ‘полоса света’ (20aM), *уқлуқ* ‘ребаб (смычковый музыкальный инструмент)’ (16aM).

Слова с пометой «туркмен» в «Тюркско-арабском словаре»: *abgı* ‘глупый’, ‘наивный’, ‘глупец’ (26—11), *ahur* ‘конюшня’ (6—7), *aj* ‘серб’ (23—16), *ajuk* ‘газель’, ‘антилопа’, ‘козуля’, ‘косуля’, ‘серна’ (11—7), *ajva* ‘айва’ (7—19), *alu* ‘слива’, ‘чернослив’ (7—16), *armut* ‘груша’ (7—15), *avgat* ‘женщина’ (25—3), *avgiz* ‘умывальная’ (6—10), *azbar tut-* ‘помнить наизусть’, ‘учить наизусть’ (35—1), *ägin* ‘плечо’ (20—9), *äjlik* ‘вешалка’ (19—2), *äksürgil-* ‘чихать’ (36—9), *äksi* ‘терпкий’ (27—12), *ävir-* ‘выбирать’, ‘избирать’ (36—1), *bädäm* ‘миндаль’ (8—3), *banbuq* ‘хлопок’ (19—9), *bäktäs* ‘патока’ (16—2), *bäniz* ‘цвет лица’ (31—9), *bäşik biti* ‘клоп’ (12—1), *bäzärgän* ‘торговец’ (24—1), *bijiz* ‘грубая ткань’ (19—11), *biz* ‘бязь (тонкая и прозрачная, просвечивающаяся ткань)’ (19—11), *buḡar* ‘источник (воды)’ (6—20), *bol* или *tälim* ‘много’, ‘множество’, ‘многочисленный’, ‘значительный’ (25—13), *bügä* ‘блоха’ (12—2), *čaban* ‘угри’ (35—5), *čaraḡ* ‘фурункул’, ‘прыщ’, ‘прыщик’, ‘нарыв’, ‘рана’, ‘порез’ (35—5), *čaraḡ* ‘чубарый (масть лошади)’ (13—9), *čarḡuq* ‘прялка’ (17—6), *čarčā* ‘саранча’ (10—14), *danišmand* ‘мудрец’ (23—6), *daquq* ‘курица’ (10—13), *dastarja* ‘носовой платок’ (18—75), *dost* ‘друг’, ‘приятель’ (32—10), *dost-laš-* ‘дружить’ (41—15), *dudaq* ‘губа’ (20—5), *gulab* ‘розовая вода’ (8—17), *hamgi* ‘белый’, ‘совершенно белый’ (31—2), *horos* ‘петух’ (10—13), *hyrman* ‘гумно’, ‘ток’ (9—11), *ignä* ‘игла’, ‘иголка’ (23—12), *ikindü* ‘послеполуденное время’, ‘вечером’, ‘под вечер’ (28—16), *itük* ‘щенок’ (11—10), *jaṭuḡ* ‘дождь’ (5—7), *jarḡaq* ‘лист’ (7—12), *jarasa* ‘летучая мышь’ (10—11), *jalan sölä-* ‘лгать’, ‘говорить неправду’ (36—5), *jaṭuḡ* ‘дождь’ (5—7), *jaṭurda* ‘яйцо’ (10—16), *java et-* ‘потерять’ (41—18), *jaz-* ‘писать’ (33—12), *jävri* ‘цыпленок’ (10—16), *jignä* ‘игла’ (23—12), *jikin-dü* ‘время после полудня’ (28—16), *jol* ‘много’, ‘обильный’ (25—13), *joldy-ḡum/juldyḡum* ‘молния’ (5—11), *jorḡan* ‘одеяло’, ‘покрывало’ (17—1), *juṭ-ṭaq* ‘река’ (6—18), *javlah* ‘ткач’ (24—3), *jomard/juvamard* ‘щедрый’, ‘великодушный’ (26—2), *kap* ‘рудник’ (31—12), *käčä* ‘войлок’, ‘кошма’ (17—4), *käčüt* ‘брод’, ‘переправа’ (6—20), *kähäl* ‘ленивый’ (26—10), *känä* ‘клещ’ (12—3), *käräb* ‘судно’, ‘корабль’ (7—6), *käḡvān saraj* ‘постоялый двор’ (6—2), *käšür* ‘морковь’ (8—15), *kilim* ‘чекмень (одежда верхняя)’ (17—3), *kišäk söjlä-* ‘говорить правду’ (36—6), *köbäk* ‘пупок’ (21—3), *köj* ‘деревня’, ‘село’ (6—14), *kölgä* ‘тень’, ‘сень’ (7—14), *küb* ‘чан’, ‘большой кувшин’ (17—5), *küjägü* от 1. ‘тимьян’; 2. ‘страстное чувство жениха’ (9—5), *külük* ‘табун ослов’ (12—16), *künäs* ‘солнце’ (5—4), *Mahaltı* ‘Махалты (имя собств.)’ (30—15), *Maḡahan* ‘Мажахан (имя собств.)’ (30—14), *mäḡväri* ‘жемчуг’ (30—20), *mätük* ‘проницательный, способный’ (26—11), *mäḡimäk* ‘чечевица’ (9—17), *namaz qu-* ‘молиться’ (41—11), *nar* ‘гранат’ (7—19), *nävähär* ‘весна’ (30—19), *pišan* ‘мишень’ (42—8), *öḡrät-* ‘учить’, ‘обучать’ (42—7), *öḡsür-* ‘кашлять’ (36—9), *öḡsürmäk* ‘кашель’ (33—2), *öjkän* ‘легкое’ (21—14), *ökä* ‘овца четырехлетняя’ (15—4), *öḡgil-* ‘плести (косы)’; ‘отбирать’, ‘выбирать’ (36—1), *öḡdäk* ‘утка’ (10—6), *rajnaq* ‘свояк’, ‘свояченица’ (32—8), *rajniḡ* ‘сыр’ (16—13), *qavaq* ‘тополь’ (8—6), *qavup* ‘дыня (в рукописи арбуз)’ (8—11), *qaly* ‘ковёр’ (16—21), *qartal* ‘орел’ (9—20), *qarupča* ‘муравей’ (11—20), *qoç*

‘баран-производитель’ (15—1), qorşun ‘свинец’ (31—14), qo^vja ‘старый’, ‘старик’ (32—15), qujumč^vu ‘ювелир’, ‘золотых дел мастер’ (24—6), qurt ‘волк’ (11—3), quju^v ‘сухой навоз’, ‘овечий помет’ (15—5), sallar ‘предводитель’ (30—9), samap ‘солома’ (9—14), sarban ‘чалма’ (18—11), sagu ark ‘абрикос’ (7—17), savuq ‘мягкий’, ‘нежный’ (28—2), sārçā ‘воробей’ (10—7), söjlā- ‘говорить’ (36—5), sukt ‘ива’ (8—7), şu^vçan ‘мышь’ (11—13), sy^vak ‘муха’ (10—12), syndu ‘ножницы’ (23—12), syq ‘низкий’ (7—2), syqqu^vg^vul- ‘выжимать (нарыв)’ (42—21), sy^vçā ‘стекло’ (5—11), şägürd ‘ученик’ (32—16), tam^vu ‘ад’ (8—20), tana 1. ‘жемчуг’; 2. ‘семена’ (31—15), tavşan ‘заяц’ (11—5), tavşan^vjyl ‘орел (степной)’ (10—1), tālin ‘частый’ (25—13), tikān ‘шип’, ‘колючка’ (9—1), tirsāk ‘локоть’ (20—11), tolu ‘град’ (5—8), turaq ‘название блюда’ (16—18), u^vmaq ‘рай’ (8—20), ujuq ‘киик’, ‘газель’ (11—7), üj^vük ‘возвышение (небольшое)’ (6—16), ükā ‘четырёхлетний (о возрасте животных)’ (15—4), zardalu ‘абрикос’ (7—18), zijān ‘убыток’, ‘ущерб’ (28—3).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АХ — *Ahmet Caferoglu*. Kitab al-Idrāk li-lisān al-Atrāk. Endülüstü Esiriddin Abu-Hayyan eseri. İstanbul, 1931.

К — *Kilisli Rifat*. Elkavanin-ul-Kulliyya li zabt al-luġat-it-türkiyya. İstanbul, 1928; *S. Telegdi*. Ein türkische Grammatik in arabischer Sprache aus dem 15 Ihd., Körösi Csoma—Archivum, 1, Ergänzungsband, 3, Heft. Budapest—Leipzig, 1919.

КС — *M. Th. Houtsma*. Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894; *А. К. Курьинж-нов*. Исследование по лексике «Тюрко-арабского словаря». Алма-Ата, 1970.

МК — *Divanü Lüyat-it-Türk*. Tıpkıbasımı. «Faksimile». Ankara, 1941; *Divanü lûgat-it-türk tercümesi*. Çeviren: Besim Atalay, I—III. Ankara, 1939—1941; Махмуд Кошгарий. Девану лугатит турк. I—IV. Тошкент, 1960—1964.

МС — *Atalay Besim*. Mirza Mehdi Mehmet Han. Senglâh. Luġat-i Nevai. İstanbul, 1950; *Sanglah*. A Persian Guide to the Turkish language by Muhammad Mahdi Xan. Facsimile Text with an Introduction and Indices by Sir Gerard Clauson. London, 1960.

ЭЗЛТ — *Ettuhfet-üz-Zekiyye fil-Lûgat-it-Türkiyye*. Çeviren: Besim Atalay. İstanbul, 1945; *T. Halasi-Kun*. La langue des Kiptchaks. D'après un manuscrit arabe d'Istanbul, pt. II. Reproduction phototypique. Budapest, 1942. (Bibliotheca Orientalis Hungarica, IV).

АТФ — *П. М. Мелиоранский*. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900.

Э. А. ГРУНИНА

К ВОПРОСУ О ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ В АНАТОЛИЙСКИХ ПАМЯТНИКАХ XIII—XIV вв.

Зарубежная и отечественная тюркология с давних пор уделяет большое внимание изучению анатолийских памятников XIII—XIV вв. Эта тема многоаспектна, и одним из малоизученных ее аспектов является сопоставление литературного языка анатолийских памятников с общенародным языком того времени, а также установление исторической взаимосвязи в развитии письменного языка и языка в целом. Вопрос этот связан с теоретической разработкой общих проблем развития литературного языка в донациональную эпоху. В этом плане многое в истории тюркских письменных языков пока еще остается невыясненным.

До сих пор не выяснено, например, существовала ли какая-либо письменная традиция (то есть письменный язык с теми или иными общественными функциями), предшествовавшая языку, зафиксированному анатолийскими памятниками XIII—XIV вв., отличавшаяся от известной восточнотюркской — «караханидской» письменной традиции. Неясен вопрос и о том, как следует рассматривать черты сходства в письменном языке указанных памятников и памятников золотоордынско-хорезмского ареала XIII—XIV вв. Закономерен также вопрос о правомерности использования при сопоставлении памятников различных ареалов и разных эпох одних и тех же критериев для установления сходства или расхождений в орфоэпических, грамматических и лексических нормах их языка.

Сопоставление письменных тюркских языков донациональной эпохи (X—XIV вв.) позволяет предположить, что на территории Средней Азии имели место значительные этнические контакты и смешения, приводившие в рамках племенных союзов и государств раннефеодального типа к возникновению своего рода интердиалектов, которые при определенных условиях оформлялись как письменный язык¹.

Один из таких письменных языков — язык караханидской эпохи, — несомненно, оказал влияние на возникновение в XII—XIV вв. письменных языков в ареалах Хорезма, северо-западного Ирана, Малой Азии, Сирии, Египта, Поволжья. Концепция единого письменного языка Средней Азии с определенными этапами развития², отвергнутая советской тюркологией послевоенных лет³, содержала в себе и верную, на наш

¹ См. принципиальную постановку этой проблемы в работах: В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, стр. 62; А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970, стр. 9.

² А. Н. Самойлович. К истории среднеазиатско-турецкого языка. — Сб.: «Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 21; J. Eckmann. Das Schwarezmtürkische. — Philologiae Turcicae Fundamenta. I. Wiesbaden, 1959, стр. 133.

³ А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тевфиса XII—XIII вв. М., 1963, стр. 8, 24.

взгляд, мысль о влиянии письменной традиции и специфике письменного койнэ, то есть культурного интердиалекта, которым по существу являлись письменные языки указанных выше регионов.

Средневековые тюркские письменные койнэ имели следующие особенности: 1) известная свобода произносительных норм (то есть в письменном языке определенных регионов допускалось отражение локальных произносительных черт), за счет чего и возникла в основном так называемая «смешанность» письменных языков XIII—XIV вв., хотя и здесь должны быть выяснены допустимые границы такого свободного обращения с нормами⁴; 2) меньшая подвижность в области грамматических норм, хотя допускалась вариантность «южных» (огузских) и «восточных» (кыпчакских) черт в функционально тождественных формах (ср. гуттуральное||негуттуральное начало ряда аффиксов, вариантность в употреблении которых прослеживается на ряде памятников: -a||-ya — дат. п., -a||-yaǵ — аорист-оптатив, -aly||-yaly — деепричастие и так далее, но редко -ap и -yaп, так как функционального тождества здесь не было). Состав грамматических подсистем также обнаруживает большое сходство, хотя памятники XIII—XIV вв. уже несут в себе отражение локальных черт и в области грамматики; 3) наличие общих норм и в области лексики (хотя без специального исследования делать какие-либо заключения по этому поводу трудно). В целом все же можно подвергнуть сомнению мысль А. Зайончковского о том, что все средневековые тюркские письменные языки отличались лишь диалектной лексикой⁵. Представляется, что соотношение различий в разных аспектах нормы было несколько иным.

Особенности письменного интердиалекта, которым по сути дела являлись письменные языки XIII—XIV вв., отражали аналогичные процессы, происходившие ранее, в период сложения устного койнэ, что объясняется особыми историческими условиями, в которых оказались кочевые тюркские племена средневековья на территории Средней Азии.

Конфедерация тюркских племен — огузский племенной союз или государство сырдарьинских ябгу — являлась этнически неоднородной⁶. Относительной была и степень консолидации языковых группировок в этом союзе, если учесть постоянные контакты с другими племенными союзами и даже включение их в свой состав. Так, северные группировки огузов были в тесном союзе с кимаками и другими племенами кыпчакского типа. Среди огузов имелись и потомки тюркизированного ираноязычного населения. Однако более важным для уяснения того, как складывались языковые признаки в этом объединении, представляются контакты огузов с печенего-кангарскими племенами⁷. Можно предположить, что в период VIII—X вв. в формировавшемся в этом ареале раннефеодальном полукочевом государстве складывались элементы раннеогузской

⁴ Так, например, в зависимости от преобладания в том или ином регионе определенной этнической и языковой группировки в различных памятниках или в одном и том же памятнике варьировался начальный смычный $d \sim t$, $g \sim k$, $b \sim p$ как вариант нормы, но не системное противопоставление (типа соотношения $g \sim \gamma$ в нормах современного русского произношения). Вместе с тем, например, переход $k > h$, отразившийся в огузском как рефлекс общности с раннекыпчакским (? печенежским), в местоименном корне *кап* воспринимался как нарушение нормы и в письменном языке никогда не отражался (та же традиция продолжалась и в собственно османском, хотя нормой речи уже давно было *h*).

⁵ А. Зайончковский. К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI—XVI вв.). — «Вопросы языкознания», 1967, № 6, стр. 83.

⁶ С. П. Толстов. Города огузов. — «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 101; С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 147—148.

⁷ С. П. Толстов. Указ. раб., стр. 93; С. Г. Агаджанов. Указ. раб., стр. 131.

языковой общности (с включением раннекыпчакских черт), которая выработывала черты устного койнэ, соответствовавшего экономическим и культурным потребностям эпохи. Исторические источники не дают материала для предположения существования письменной формы такого койнэ в огузском союзе. Нам представляется, что элементы этой языковой общности следует отличать от результатов последующих больших этнических смешений, начавшихся в середине XI в. мощным движением племен кыпчакского объединения с востока и вызвавших миграцию массы огузских племен на северо- и юго-запад от Приаралья и низовьев Сыр-Дарьи. В конце XI—XII вв. районы низовьев Сыр-Дарьи, северного Хорезма и Прикаспия характеризовались значительным распространением кыпчакских элементов. На раннеогузскую основу языка оставшихся здесь племен огузского союза постепенно накладывался собственно кыпчакский пласт, особенно в районах прежних контактов огузов с кыпчаками — северном Приаралье, а также в Поволжье и отдельных районах Хорезма. Меньше контактов такого рода имели племена огузского союза, продвинувшиеся на юго-запад, в районы Хорасана, Азербайджана и Анатолии.

Эпоха XI—XIII вв. характеризуется не только значительным смешением тюркских кочевых племен, но и приобщением кочевой массы к оседлой жизни и мусульманской культуре⁸.

Сложение в различных регионах письменного языка, отличного от караханидского тюркí, происходит, очевидно, не позднее XII в. В числе этих регионов были, несомненно, и Хорезм и низовья Сыр-Дарьи, хотя основой складывавшегося письменного языка, судя по поздним памятникам, был кыпчакский язык и прежде всего — в части произносительных норм. Та вариантность, «смешанность»⁹, о которой говорилось выше как о специфической черте письменных тюркских средневековых койнэ, здесь носила уже иной характер, нежели в более ранних памятниках, например, в «Кысса-и Юсуф» Али (начало XIII в.) независимо от района его локализации.

В ряде работ по истории турецкого языка ставился вопрос о месте и времени формирования анатолийского письменного языка, впервые зарегистрированного в памятниках XIII в. Определенная зрелость языка этих памятников, а также известное единство норм их письменности дают основание предполагать существование более ранней письменной традиции вне Анатолии¹⁰. По всей вероятности, письменность на огузской основе возникла в районах значительной концентрации огузских племен в пределах обширных владений сельджукидов, и прежде всего в районах Хорасана, северо-западного Ирана, Азербайджана. Известно, что еще при дворе Газневидов придворные поэты слагали стихи и на огузском языке¹¹. Эта традиция продолжала существовать и в последующие века, хотя сфера распространения этого письменного языка была весьма узкой в силу того, что в государстве сельджукидов, как известно, господствующее положение занимал персидский язык. Существование огузской поэтической традиции подтверждается и творчеством анатолийского поэта XIII в. Деххани, родом из Хорасана¹².

⁸ С. Г. Агаджанов. Указ. раб., стр. 231.

⁹ Э. Н. Наджип. О средневековых литературных традициях и смешанных письменных тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 87.

¹⁰ М. Mansuroglu. The rise and development of written Turkish in Anatolia. Oriens, t. 7, № 2, 1954.

¹¹ F. Köprülü. Yeni farside türk unsurları. Türkiyat Mecmuası, VII, 1946, стр. 3.

¹² И. В. Боролина. Турецкая литература. — «Литература Востока в средние века», ч. II. М., 1970, стр. 343.

Язык анатолийских памятников XIII—XIV вв. отличается известным единством грамматических норм. Для него характерны, например, единый тип склонения для основ без аффиксов принадлежности и с ними, кроме аффикса винительного падежа -уп после основ с аффиксом принадлежности 3 л.; почти полная утрата направительного (-га) и инструментального (-уп) падежей; аффикс сказуемости 1 л. ед. ч. и частично 2 л. с широким гласным -vāp (-vām); -ām, -sāp; аффикс сказуемости 2 л. мн. ч. -syz; полная и краткая формы аффикса сказуемости 3 л. -duḡur||-duḡ; в глагольном словоизменении — отсутствие специальной формы настоящего времени, наличие аориста-оптатива на -а; форма будущего времени на -ysaḡ; две формы перфекта: на -tuṣ и на -up duḡur; отсутствие глагольного имени на -(j)azak; функционирование -duk лишь как аффикса неличной формы глагола; глагольное имя на -та (при отсутствии -та), способное принимать аффикс родительного падежа и аффиксы принадлежности; аффикс сравнительной степени -га; аффикс повелительного наклонения 2 л. ед. ч. -yul; повсеместное употребление формы личного местоимения 1 л. bāp; четырехэлементный ряд указательных местоимений bu, ol, oṣbu, šol; система производных вопросительных наречий в основном от местоименного корня kap-, и др. В языке памятников указанного периода уже отразилась некоторая стилистическая дифференциация грамматических элементов. Так, например, язык поэмы Шейяда Хамзы «Юсуф и Зулейха», произведения, связанного с народной устнопоэтической традицией, приближается к разговорному языку, в нем ни разу не встречается, например, «восточногузская» форма аффикса сказуемости -vāp, широко распространенная в памятниках этого периода (см. Диван Султана Веледа).

Памятники XV—XVI вв. (переходного периода) характеризует отчетливый сдвиг в грамматических нормах. Об этом свидетельствует появление новых норм и стилистическое расслоение существующих: некоторые старые формы становятся стилистическим элементом определенных жанров письменной литературы. Отражение указанного сдвига в грамматических нормах наиболее отчетливо проявляется в официальных документах и историографических памятниках этой эпохи, язык которых был ближе к нормам разговорного языка. Назовем некоторые особенности такого сдвига, характеризующие становление грамматических норм: аффикс сказуемости 1 л. с узким гласным -уп>-уп; образование формы настоящего времени на -уоḡur>-уег; постепенная утрата аффиксами значения аориста-оптатива и приобретение модального значения, появле-

ние глагольного имени на -(j)azak (сначала в функции определения и в перифрастических формах, с последующим становлением формы будущего времени); утрата формы на -ysaḡ; утрата перфекта на -up duḡur и становление формы на -tuṣ duḡur; перестройка системы указательных местоимений из четырехэлементной в трехэлементную; утрата местоименных образований от основы kap и становление аналитических форм производных вопросительных наречий, появление глагольного имени на -та и др.

Говоря о сдвигах нормы в письменном языке донациональной эпохи, следует учитывать два момента: во-первых, изменения в норме могут обуславливаться естественной эволюцией грамматической системы; в целом в XIII—XIV вв. такие сдвиги происходили больше в системе глагольного, нежели именного словоизменения, ибо эволюция последней, в основном определившая современное состояние этой подсистемы языка, наблюдалась в более ранние эпохи; и, во-вторых, изменения грамматических норм письменного языка могли происходить в процессе преодоления

сложившегося разрыва между письменным и разговорным языком. Нормы письменного языка в какой-то мере уже не соответствовали состоянию общенародного языка, сложившегося в результате взаимодействия языковых элементов, характерных для первой (XI в.) и второй (XIII в.) миграционных волн кочевников на территории Анатолии. В этом случае старые нормы могли сохраняться в письменном языке, выполняя лишь определенные стилистические функции или как диалектные особенности отдельных регионов. Такого рода изменения больше захватывают лексико-грамматическую сферу (например, неличные местоимения, послелог и др.).

Как указывалось выше, характер письменного языка анатолийских памятников XIII—XIV вв. дает основание предположить (пока в основном на грамматическом материале), что этот язык был некоторой модификацией (прежде всего в части произносительных норм) восточногузского койнэ, сложившегося в XII—XIII вв. в районах концентрации огузо-туркменских племен (Хорасан, северо-западный Иран, Азербайджан) и в центрах мусульманской культуры. «Смешанность» этого раннего койнэ (в указанном выше смысле) в силу исторических причин еще долго поддерживалась одновременными контактами и смешениями с племенами канглы-кыпчакского объединения¹³. Рефлексы этого койнэ проявляются в таком относительно позднем среднеазиатском памятнике, как «Равнак-ул Ислам»¹⁴, язык которого уже для времени создания этого произведения (XV в.) был архаичным в силу специфики самого жанра (то же самое можно сказать и о «Тефсире», составленном в Анатолии в XIV—XV вв.)¹⁵. Своего рода «сколком» такого письменного языка можно считать язык «Дивана» аль-Малик аль-Кямиля, созданного на периферии тюркского мира в XV в.¹⁶

Восточногузское койнэ, очевидно, лишь постепенно приобретало значение самостоятельного письменного языка и утвердилось в этом качестве уже в эпоху, когда анатолийский письменный язык и литература прошли период своего формирования (XIV в.). Если, согласившись с точкой зрения П. М. Мелиоранского, считать, что Ибн-Муханна создал свой труд в северо-западном Иране в XIV в., а возможно, и в конце XIII в., то станет понятным, почему родиной «настоящего» тюркского языка для автора сочинения был Туркестан¹⁷, а не «наши страны», язык которых по особенностям произношения имел достаточно выраженный огузский характер. Автор сочинения не признавал «язык турок наших стран» образцом «правильного языка» (как это делал и Махмуд Кашгарфи в отношении огузского). Вот что он, например, пишет: «Часто также встретишь в языке туркестанцев слово, которое жители наших стран заменяют другим; мы следовали в этом кратком руководстве наиболее употребительному (из двух), а если оба оказывались равно употребительными, то наиболее правильному»¹⁸. Можно не сомневаться, что было

¹³ С. Г. Агаджанов. Указ. раб., стр. 252—253.

¹⁴ А. Н. Самойлович. По поводу издания Н. П. Остроумова «Светоч Ислама». — ЗВОРАО, т. XVIII, вып. 4, стр. 0164.

¹⁵ G. M. Meredith-Owens. Notes on an old Ottoman translation of the Kur'an. Oriens, 1957, v. 10, № 2.

¹⁶ C. Brockelmann. Ein neues südtürkisches Sprachdenkmal. Islamica. IV, 1—3, 1929.

¹⁷ Как отмечает В. В. Бартольд, в средние века это название для не-тюрок включало в себя значение непосредственного соседства с тюрками и географически было различным в разные периоды (В. В. Бартольд. Сочинения, т. III. М., 1965, стр. 518).

¹⁸ П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. 04.

для автора «наиболее правильным»¹⁹. Очевидно, роль эталона по-прежнему играл караханидский тюрк²⁰, однако можно предположить и то, что в этот период большое значение приобретает тот письменный язык, который складывается на кыпчакской основе в районе Хорезма. Историческая роль кыпчаков в хорезмском государстве и при дворе хорезмшахов известна²¹. Здесь Ибн Кайсом была создана не дошедшая до нас грамматика языка канглы, фонетический облик которого, судя по скудным примерам из Ибн-Муханны, был не огузского типа²². Письменная литература и язык хорезмско-золотоордынского ареала XIII—XIV вв., несомненно, оказали влияние на анатолийскую литературу, хотя все же следует считать, что они в целом развивались параллельно²³. Анатолийские поэты умели писать и на языке восточнотюркского типа (ср. «смешанный» язык поэмы Шейяда Хамзы²⁴, туюгов Кады Бурханеддина²⁵).

Языки памятников XIII—XIV вв. анатолийского и хорезмско-золотоордынского ареалов, представляя собой самостоятельные ветви в развитии письменного койнэ, могут дать материал для реконструкции некоторых особенностей того раннего восточноогузского письменного койнэ, которое и легло в основу языка анатолийских памятников XIII—XIV вв. Наиболее характерны следующие грамматические (более узко — морфологические) особенности: нормативность варьирования гуттурального||негуттурального начала некоторых аффиксов, например, дательного падежа, аориста-опатива и др. (см. выше); в падежной системе — наличие «усеченного» винительного падежа, сохранение инструментального падежа; аффикс сравнительной степени -*gak*; аффикс сказуемости 1 л. *mān||bān||vān, myz||vyz* при нормативности варьирования форм с начальным *m ~ b ~ v*; повел. накл. 2 л. ед. ч. на -*yū*; отсутствие формы настоящего времени данного момента; наличие опатива-аориста на -*a*; одна форма перфекта на -*myš* с более поздним кыпчакским наложением -*ur durur*; время на -*ysar* и -*asy*; глагольные имена на -*duk*, -*tak*, -*asy*; -*myš* с широкой сферой употребления в качестве глагольного имени (а не только причастия); причастие на -*ap*; глагольные имена на -*dašu* и -*yūlu* в качестве архаизмов; глагольные имена типа на -*yu*, -*yaп*, используемые лишь в зоне словообразования; группа производных от корня *kan||kaј*, а также па на основе продуктивных, а частично уже архаичных аффиксов падежной системы (типа *kanda, kanča, kanzaгу, pačā* и др.); четырехэлементная система указательных местоимений; возвратные местоимения *öz* и *kendü* при нормативности варьирования начального *k ~ g*, как и *t ~ d* в определительных местоимениях *tegme||degme* и отрицания *degül*: положение варианта *ol-* и *bol-* 'быть'; глагол *är-*, сохранивший функции вспомогательного глагола и употребляемый не только как элемент аналитической формы глагола; центральное место глагола *kyl-* в аналитическом словообразовании глагола; «приглушенность» функционирования так называемых «видовых» глаголов и др.

¹⁹ Вообще данные средневековых филологических сочинений для характеристики письменного языка в целом следует использовать весьма осторожно, ибо они большей частью содержат различные возможные употребительные варианты, не всегда входящие в систему средств письменного языка.

²⁰ *Alessio Bombacci*. The Turkic Literatures. Introductory Notes on the History and Style. PhTF, II, стр. XIX.

²¹ С. Г. Агаджанов. Указ. раб., стр. 252.

²² П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке, стр. 021.

²³ *Alessio Bombacci*. Указ. раб., стр. XX.

²⁴ М. Mansuroğlu. Seyyad Hamza'nin Dogu türkçesi ile karışık bir manzumesi. Türk Dili Belleten, serie III, 1946.

²⁵ П. М. Мелиоранский. О диване Бурхан-ад-дина Сивасского. — «Восточные заметки». СПб., 1895.

В целом эти особенности нашли отражение и в языке анатолийских памятников XIII—XIV вв., который, однако, в области произносительных норм уже приобрел черты, свойственные языкам современного огузского типа.

Как указывалось выше, в письменном языке турецких памятников XV—XVI вв. периода формирования или кристаллизации языка национальной эпохи произошло сближение грамматических норм разговорного и письменного языков. Однако и в последующие века между письменным и общенародным языками разрыв сохраняется, хотя характер этого разрыва иной, нежели в донациональную эпоху.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

А. С. ТВЕРИТИНОВА

В. Д. СМЕРНОВ — ИСТОРИК ТУРЦИИ

(К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Для определения значения научного творчества В. Д. Смирнова как историка Турции в развитии тюркологических исследований необходимо хотя бы бегло остановиться на состоянии исторических знаний о Турции в Западной Европе и России в период, предшествовавший его научной деятельности в Петербургском университете.

В связи с накоплением к XIX в. в Западной Европе практических знаний в области турецкой истории и возникновением к тому времени востоковедных школ, созданием академий, научных центров и обществ со своими органами печати, произведения описательного характера постепенно начали уступать место трудам, в которых все в большей мере стал проявляться элемент исследования. Сочинения Марсильи¹, М. д'Оссона², Х. Дица³, И. Гаммера⁴ оказали огромное влияние на характер и направление работ, посвященных османской истории, раскрыв важное значение не только личных наблюдений, но и турецких исторических источников. Следом за названными авторами на поприще тюркологии выступили М. Белен⁵, П. Тишендорф⁶, В. Бернауэр⁷, для которых перевод и соответствующая интерпретация турецких источников представлялись важнейшим средством познания внутренней истории империи османов. Именно благодаря их переводам европейские читатели впервые познакомились с сочинениями турецких историков-публицистов XVII в. Айни Али, Хезарфена, Кятиба Челеби, Кочибея.

История изучения Турции в России XIX в. характеризуется, во-первых, значительным общественным интересом ко всему, что имело отношение к Османской империи, и появлением большого количества описательных, компилятивных и переводных работ о Турции и турках⁸, во-вторых, созданием учебных и научных востоковедных центров, в которых с первых же дней было положено начало и тюркологическим исследованиям⁹. Одним из таких центров стал факультет восточных языков Петербургского университета¹⁰. Его воспитанником, а затем в течение 49 лет (с 1873 по 1922 гг.) профессором и был В. Д. Смирнов.

Ученик И. Н. Березина и В. В. Григорьева, В. Д. Смирнов получил блестящее филологическое образование. Впоследствии он удостоился ученого звания магистра и доктора тюркской словесности. И хотя история турецкой литературы официально считалась основным направлением преподавательской и научной деятельности В. Д. Смирнова, приз-

ванием его все-таки была история, в связи с чем он часто очень сожалел, что не получил исторического образования¹¹.

Со студенческой скамьи В. Д. Смирнов неуклонно руководствовался принципом петербургской востоковедной школы — изучать народы Востока «по их собственным писаниям»¹². Этот принцип в полной мере отвечал требованиям европейской туркологической науки того времени, вплотную подошедшей к исследованию турецких исторических памятников средневековья. Самим выбором темы магистерской диссертации «Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции», защищенной им в 1873 г., В. Д. Смирнов заявил о своей способности к работе над сложными текстами турецких средневековых литературных и исторических сочинений. Это требовало не только знания турецкого языка, но и умения разбираться в чрезвычайно специфичной арабо-персидской и турецкой исторической терминологии и конкретных исторических реалиях. В качестве историка В. Д. Смирнов поставил перед собой задачу проанализировать политико-философские воззрения турецких историков-публицистов XVII в., чтобы на материале трактата Кочибей и аналогичных работ его современников выявить основы государственного строя¹³ и «общественного быта»¹⁴ турок, дабы таким путем найти объяснение причинам, приведшим Османскую империю к упадку¹⁵.

Подобное определение задачи само по себе являлось большим новаторством в историографии Турции того времени. Еще живым и актуальным оставалось утверждение О. И. Сенковского, ближайшего предшественника В. Д. Смирнова в изучении истории турок, что «в Турции нет сословий, нет ни дворянства, ни духовенства, ни мещан, ни поселян, нет разрядов, нет родословных, ни частных исторических преданий»¹⁶. Многими умами еще владела высказанная тем же О. И. Сенковским мысль, что «Турция для европейца есть политическое изъятие из правила, сборник фактов, совершенно отличных от фактов Европы»¹⁷ и что «восточные учреждения и происшествия основаны на другой логике, на фактах и идеях, совсем чуждых Европе»¹⁸.

Несомненно, В. Д. Смирнов и сам находился под определенным воздействием подобной концепции, весьма распространенной в то время, и не только в России. Тем не менее посредством тщательного изучения турецких исторических источников он сумел раскрыть такие черты общественной и государственной жизни турок, которые, как он установил, несмотря на большое своеобразие пройденного ими исторического пути и принципов социальной организации, не представляли исключения из общих правил. Возражая тем, кто придавал влиянию ислама на историю турок решающее значение, В. Д. Смирнов писал: «Нет никакого сомнения в том, что ислам в значительной дозе проник во все отрасли государственно-общественного устройства Турции; что начала его видны во всех учреждениях, определяющих быт членов османского государства; что на основах учения Мухаммеда покоится много законоположений касательно частной и общественной жизни их. Но с другой стороны, ошибочно считать Турцию и представителем чистого, правоверного мусульманства, в смысле живого воплощения того учения, которое возникло совсем на иной почве, аравийской, проповедано устами Мухаммеда и ближайших его друзей-последователей. Не было еще на свете ни одного религиозного учения, которое бы не подвергалось более или менее значительным изменениям, под влиянием индивидуальных особенностей, присущих разным народам, исповедующим это учение, общее мирозерцание которых, в свою очередь, находится в силь-

ной зависимости от окружающих их физических и общественных условий. В этом отношении нет оснований делать исключение для религии Мухаммеда»¹⁹.

В отечественной историографии В. Д. Смирнов был первым, кто вскрыл необоснованность представления о турецком государстве, как государстве теократического характера, а о его султанах как халифах всех мусульман-суннитов. Основываясь на употреблении и толковании турецкими средневековыми авторами титула «халиф» применительно к османским султанам, В. Д. Смирнов показал «парадоксальность и предвещательность» этого, распространенного в литературе о Турции представления, так как никакого иного смысла, кроме громкого титула, средневековые турецкие писатели в слово «халиф» не включали. «Если у европейцев, — отмечал В. Д. Смирнов, — есть немало титулов, которые далеко не соответствуют действительным качествам носящих их, то нет ничего удивительного, что турецкому султану присвоен титул калифа вселенной, в смысле только самого мусульманейшего государя, без всякого притязания на духовное главенство, какое несправедливо приписывается ему. Что турки смотрят на султана только как на представителя светской власти в своем государстве, только как на блюстителя правосудия, в обширном смысле этого слова... — это я заключаю на основании следующих данных, представляемых сочинениями рассматриваемых здесь мною писателей»²⁰. Далее, подвергнув анализу различные аспекты употребления в турецких текстах титула «халиф», В. Д. Смирнов приходит к выводу, что «под знаменем веры всюду виднеется самая обыкновенная материальная подкладка»²¹. Что касается якобы традиционной преемственности этого титула для турецких султанов, овладевших землями и всем наследием мусульманских халифов, то В. Д. Смирнов решительно напоминает: «Но и в самом калифате в непродолжительном времени выдохлось так или иначе сложившееся предание о мнимой святости особы калифа, благодаря зазорному поведению многих из них. Тем более это предание не имело важного значения в глазах мухаммеданских неофитов, вышедших из степей Средней Азии...»²²

Анализируя социальную структуру турецкого общества, В. Д. Смирнов, опираясь на представления турецких средневековых авторов, показал наличие в нем и классов, и сословий, и родовой знати, и родовой наследственности в самом реальном значении этих понятий. Вывод о делении османского общества на две основные социальные группировки — высшую («два класса, ученый и военно-чиновный», каждый из которых в той или иной мере был причастен к управлению государством) и низшую (горожане и поселяне, которые «должны были подчиняться законоположениям и распоряжениям, постановлявшимся верховною властью с участием первых») ²³ — объективно выдвигал В. Д. Смирнов на самые передовые позиции исторической науки того времени. Более того, следуя данным турецких источников, он установил, что экономической основой такого социального деления османского общества было отношение названных группировок к земле, составлявшей главный источник государственных доходов. По этому поводу В. Д. Смирнов писал: «А так как земля, для извлечения из нее продуктов, требует труда человеческого, то в общем ходячем представлении турецких писателей эти два фактора богатства страны сливаются в понятие одного из них, обрабатывающего землю — класса поселян»²⁴. И хотя земля и все доходы с нее юридически принадлежали всем верующим, свидетельства современников неопровержимо подтверждали, что земля, первоначально представлявшая собой государственную собственность, с те-

чением времени стала обращаться приближенными султана и прочей сановной знатью в их личную собственность. Одним из путей образования частной собственности на землю явилось развитие вакуфного землевладения²⁵.

В соответствии с представлениями своего времени, В. Д. Смирнов считал феодалами только владельцев служебных земельных пожалований²⁶. И хотя суть феодальных отношений, основанных на праве собственности господствующего класса на землю и прикреплении к земле райятов-крестьян, была практически раскрыта всем изложенным им материалом, отчетливого определения этого понятия у В. Д. Смирнова еще не находим. И тем не менее все, что было разработано им в его магистерской диссертации по этому вопросу, делало исследование В. Д. Смирнова выдающимся достижением в развитии мировой историографии Турции, а его книга стала важнейшим пособием для многих историков-туркологов, и не только в России.

После вопроса о социальных и экономических основах Османского государства В. Д. Смирнов перешел к главной теме своего исследования — причинам, приведшим Османскую империю к ее упадку в XVII в. Однако В. Д. Смирнову, подвергнувшему анализу данные турецких средневековых авторов, раскрывающие обстоятельства разрушения «первоначальных основ» турецкого государства, не удалось постичь подлинную, объективную сущность происходивших в нем социально-экономических процессов. Между тем использованные им источники, и в том числе трактат Кочибея, достаточно убедительно раскрывали социальные причины процесса концентрации богатства и власти на одном социальном полюсе, то есть в руках господствующей феодально-бюрократической верхушки, и превращения султанских прерогатив лишь в орудие борьбы за господство той или иной их группировки. С другой стороны, этот процесс сопровождался дальнейшим закабалением и ограблением крестьянства и городского ремесленного населения. Сопротивление крестьян находило свое выражение в бегстве с земель, на которых они сидели и к которым были прикреплены законом, а также в многочисленных восстаниях, нередко сливавшихся с бунтами мелких феодалов-сипахиев, вытесняемых из их владений более сильным служилым сословием. Материалов, характеризующих все эти явления в жизни Османского государства, в руках В. Д. Смирнова было более чем достаточно, и к его трудам, содержащим эти сведения, до сих пор обращаются историки Турции. Однако В. Д. Смирнов не довел до логического конца, казалось бы, во всех отношениях ясную для него концепцию, не раскрыл сущности происходивших социальных явлений, ограничившись изложением суждений и определений турецких авторов XVII в.

«Итак, — резюмирует он, — коренное зло, погубившее Турцию, по мнению османских писателей, — это наводнение государства их разными чужестранцами, которые проникли во все сферы жизни его. *эджеби* — *اجنبی* — вот настоящие черви, подточившие здание его»²⁷. Присоединяясь к этому заключению Кочибея, В. Д. Смирнов далее приходит к выводу, что неофиты не были хорошими мусульманами и, ничем не связанные с основной национальностью османской державы, при всякой возможности грабили чистокровных османов — займов, тимариотов и поселян²⁸. Таким образом, противоречия между группировкой феодалов и чуждыми ей элементами, проникающими в сферу землевладения и к кормилу государственного управления, В. Д. Смирнов сводит только к национальному и религиозному антагонизму между ними.

Нетрудно заметить противоречие между этим выводом и фактическими данными как самих турецких авторов, так и материалами, собранными В. Д. Смирновым в его работе. Нам и ранее приходилось искать объяснение этому обстоятельству²⁹. Причина этого противоречия, на наш взгляд, заключается в неправильном, ограниченном толковании термина *эджебеи*, который В. Д. Смирнов переводит только словом *чужестранец*, в то время как у Кочибея и других авторов термин *эджебеи* не всегда означал одних лишь инородцев, но и людей *посторонних*, в частности торгашей, и вообще тех, кто, по их мнению, был недостоин грамот и наград ни по рождению, ни по происхождению³⁰, а чаще — выходцев из гаремных слуг, из придворных очагов, слуг вельмож и т. п. Таким образом, независимо от своей этнической принадлежности, различные группировки внутри феодального класса и вне его (если речь идет о торгашах), по свойственной им социальной природе, вели ожесточенную борьбу за власть и более выгодные экономические позиции³¹.

Несмотря на эту, так сказать, методологическую незрелость, которая естественна для теоретического уровня исторической науки того времени, В. Д. Смирнов в раскрытии фактического материала проявил себя в своей магистерской диссертации тонким и глубоким исследователем, от которого не ускользнуло все то, что способствовало раскрытию избранной им темы. Благодаря этому даже современный историк Турции, обращаясь к этой работе В. Д. Смирнова, всегда находит в ней новый, удивительно свежо звучащий аспект подачи конкретных данных, приобщаясь к ювелирной работе историка над источниками.

В центре монографии В. Д. Смирнова — известный в то время по работам западных туркологов, в частности по переводу Бернауэра, трактат Кочибея. Перевод этого сочинения В. Д. Смирнов сопровождает тщательными комментариями, в которых им отмечаются неточности, допущенные Бернауэром, разъясняются исторические термины и реалии, дается много пояснений филологического и текстологического характера. И хотя к этому времени русский читатель уже был знаком с переводом сходного по типу с трактатом Кочибея сочинения Ресми Ахмеда-эфенди, выполненного О. И. Сенковским³², все-таки не будет несправедливым считать исследование В. Д. Смирнова первым в отечественной историографии Турции подлинно научным опытом текстологической, филологической и лингвистической работы над такого рода источником.

Здесь же им впервые было раскрыто подлинное историческое место и значение творчества Вейси и Неф'и, в отношении которых В. Д. Смирнов сказал, что считает себя вправе отвергнуть воззрение на них «как на пустых крикунов, и рассматривать сатиры их как истинное изображение современных им уродливых явлений в государственно-общественной жизни Турции, и как выражение справедливого негодования на это лучших людей»³³.

В сочинении же Вейси «Хаб-наме» он увидел не просто «сонник», как считали до этого³⁴, а острый политический памфлет. Именно В. Д. Смирнов определил точное соотношение творчества Кятиба Челеби и Наимы, показав, что «История» последнего в большей ее части является обычным для того времени плагиатом сочинения Кятиба Челеби «Фезлеке». Этого автора он, пожалуй, также впервые в историографии Турции охарактеризовал как просвещенного человека, стоящего несравненно выше Наимы и обладающего более независимым мышлением³⁵.

Отмечая различие в оценке сатир Неф'и в сочинениях Кятиба Челеби и Наимы, В. Д. Смирнов пришел к заключению, что «эти два противоположные взгляда на свободу слова и литературную деятельность лю-

дей, посвятивших себя перу, могут служить наглядным доказательством того, что рабство мысли не есть неотъемлемая принадлежность всякого мусульманина вообще и турка в частности: если с точки зрения Наимы (официального летописца. — А. Т.) порицание, хотя бы и справедливое, действий государственных людей есть чуть ли не величайшее прегрешение, то, напротив, Хаджи Кальфа (Кятиб Челеби. — А. Т.) не видит в этом ровно ничего предосудительного»³⁶.

В. Д. Смирновым впервые в нашей, да, пожалуй, и в европейской туркологической литературе вообще столь полно охарактеризован и использован труд Селяники, — один из лучших нарративных источников по истории Османской империи XVI в.³⁷

Следует отметить и то важное обстоятельство, что большая часть использованных В. Д. Смирновым источников была доступна ему в рукописях, которые он сам усердно собирал, описывал и обрабатывал, пользуясь каждой поездкой в Турцию или в Западную Европу.

В. Д. Смирнов буквально во всех своих работах выступает как тонкий знаток турецкого средневекового языка, турецких рукописей и документов и одновременно как замечательный текстолог.

Так, излагая историю рукописных списков «Рисале» Кочибея, В. Д. Смирнов обращает внимание на необходимость крайне бережного обращения с текстами сочинений, решительно предостерегая от какого бы то ни было вмешательства издателя в текст оригинала путем произвольного исправления «ошибок». Думается, здесь уместно вспомнить его изящный лингвистический этюд, в котором он показал, как надо дорожить разночтениями в рукописях, которые часто отражают бесценные материалы для изучения изменений языка в его развитии, отмечая прямую связь языка с исторической жизнью говорящего на нем народа³⁸.

Резюмируя эту мысль, В. Д. Смирнов в заключение писал: «Из приведенных примеров, надеюсь, достаточно очевидно, с какою осмотрительностью нужно относиться к так называемым ошибкам в рукописных сочинениях при издании их: сколько важного и интересного может тут быть потеряно, благодаря субъективному взгляду издателя в каждом подобном случае. Я того мнения, что османские рукописи следует издавать в том виде, как они есть, т. е. с сохранением орфографических аномалий, как в чисто турецких, так и в заимствованных из других языков словах, указывая правильный вид их, сообразно теперешним требованиям грамматики, в примечаниях, за исключением, повторяю опять, тех ошибок, которые лишают слова всякого смысла и значения, и могут быть следствием простого недосмотра, а уже никоим образом не зависеть от намерения писавшего»³⁹.

Этот принцип он решительно отстаивал и в других своих публикациях, снова и снова подчеркивая, что при изданиях текста необходимо «держаться по возможности рукописной редакции: домыслы, конечно, хороши и даже необходимы бывают для первого чтения текста, но положительно также необходимо давать читателю полное представление и о подлинном виде рукописи, каков бы он ни был, оставляя таким образом полный простор его собственным соображениям»⁴⁰.

Говоря о В. Д. Смирнове, как о знатке турецких исторических текстов, следует особо выделить его работу по изданию документов. Теперь, когда сложилась специальная дисциплина, — османская палеография и дипломатика, — обеспеченная рядом специальных пособий, в известной мере облегчающих подготовку к работе над документами⁴¹, мы можем оценить по достоинству то, что было сделано В. Д. Смирновым, едва ли не впервые в европейской историографии Турции. Мы имеем в

виду опубликование им нескольких султанских грамот с соблюдением научных принципов, близко стоящих к современным требованиям. Это прежде всего «Грамота султана Османа II семейству иудейки Киры»⁴² с наборным ее текстом, переводом, обширным комментированием терминов, специальных выражений и юридических казусов, с привлечением материалов из толкований османских законов в собрании фетв Абулсууда, Кемаль-паша-заде и Хезарфена. Значение этой работы не только в том, что в ней В. Д. Смирнов, по словам В. А. Гордлевского, «рисует правовое положение евреев в Турции»⁴³, что он произвел тщательные изыскания, чтобы установить личность самой Киры, раскрыть судьбу ее и заслуги, благодаря которым потомки ее освобождались от всяких налогов и повинностей в пользу государства. Нам представляется заслуживающим значительно более высокой оценки самый факт издания и раскрытия такого рода султанской жалованной грамоты и факсимиле еще двух других сходных по типу жалованных грамот⁴⁴. Это был результат его самостоятельного и беспрецедентного для того времени овладения таким материалом для изучения турецкой истории, пользоваться которым тогда практически еще не умели, да и подлинно научных изданий еще не существовало⁴⁵.

Судя по материалам архива В. Д. Смирнова, он много работал над освоением техники раскрытия турецких документов. Об этом свидетельствуют записи, содержащие упражнения по турецкой каллиграфии, образцы монограмм турецких султанов (*тугра*), которыми удостоверялся подлинник всякого исходящего от имени султана документа, различного рода выписки из документов и копии султанских грамот⁴⁶. Приходится сожалеть, что эта сторона деятельности В. Д. Смирнова не получила своего полного выражения и что она не была продолжена его учениками.

Турецкие рукописи были предметом постоянного внимания В. Д. Смирнова. Работая одно время в Петербургской публичной библиотеке, он занимался описанием не только турецких, но также арабских и персидских рукописей. Кроме того, им был составлен каталог турецких рукописей в коллекции Института восточных языков МИД в Петербурге⁴⁷. Позже эта коллекция вошла в фонд Азиатского музея (ныне Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР).

Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV века, обнаруженная В. Д. Смирновым в Британском музее, послужила темой интересного, опубликованного им в 1914 г., этюда о языковых особенностях содержащегося в ней текста, весьма важного для изучения истории турецкого языка⁴⁸.

Как историк В. Д. Смирнов сделал немало, чтобы своим знанием турецкого языка и турецких источников быть полезным для изучения истории России. Этой цели служили его фундаментальные работы по истории Крымского ханства⁴⁹, публикации татарско-ханских ярлыков⁵⁰ и других материалов, в которых содержались сведения о России и Крыме⁵¹.

В работе по истории Крымского ханства В. Д. Смирнов не ставил перед собой задачу «представить полную историческую картину его развития, но лишь дать свод тех известий, которые содержатся в турецких письменных литературных и документальных источниках»⁵². И хотя этот труд получил строгую критическую оценку Н. И. Веселовского за некоторую бессистемность в отборе материала⁵³, — вряд ли найдется другой исследователь, который согласился бы проделать такую сложную и трудоемкую работу, которую проделал В. Д. Смирнов. Поэтому двух-

томное сочинение В. Д. Смирнова о Крымском ханстве превратилось в своего рода уникальное собрание турецкого материала по истории Крыма, научная ценность которого не утрачена и по сей день.

Настоящий обзор творчества В. Д. Смирнова как историка Турции, разумеется, не является исчерпывающим, ибо каждая его монография, публикация и статья отличается большим многообразием затронутых вопросов⁵⁴. Можно, например, сказать еще и о том, что В. Д. Смирнов не только сам выступал в качестве историка-турколога, но и заботился о создании основ для подготовки молодого поколения историков Турции. Именно этой цели служила дважды изданная его хрестоматия великолепно подобранных с учебной точки зрения исторических и литературных текстов⁵⁵. Известно, что эта хрестоматия служит учебным пособием для студентов и в наши дни. К сожалению, случилось так, что у В. Д. Смирнова не осталось учеников, которые смогли бы непосредственно следом за ним продолжить его работу в области изучения истории средневековой Турции и публикации турецких исторических текстов. Но его труды и по сей день представляют непреходящую научную ценность.

В заключение настоящего обзора нельзя не отметить и того обстоятельства, что В. Д. Смирнову были свойственны некоторые откровенно шовинистические и националистические суждения и высказывания о Турции и турках. Эти суждения и высказывания отличались противоречивостью и часто даже не соответствовали характеру основного направления его творчества как историка Турции и турецкой литературы⁵⁶. Несмотря на то, что В. Д. Смирнов в ряде своих туркологических исследований шел впереди своего времени, ему не удалось полностью преодолеть влияния умонастроений той общественной и официальной среды, в которой протекала его деятельность.

Оценивая творчество В. Д. Смирнова исторически, мы берем из его наследия то, что является для него определяющим и занимает значительное место в развитии отечественной и мировой туркологии и по сей день продолжает служить науке.

1. *Mr. Marsigli. L'état militaire de l'Empire Ottoman, ses progrès et sa decadence*, Paris, 1732. *Граф де Марсильи*. Военное состояние Оттоманския империя с ея приращением и упадком. СПб., 1737.

2. *M. d'Ohsson. Tableau général de l'Empire Ottoman*, т. 1—3. Paris, 1787; *M. d'Osson*. Полная картина Оттоманской империи в двух частях., ч. I. СПб., 1795.

3. *H. Fr. Diez. Denkwürdigkeiten von Asien*, т. I—II. Berlin und Halle, 1811—1815.

4. *J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd. 1—10. Pest, 1827—1833; *J. Hammer. Des Osmanischen Reiches Staatsverfassung und Staatsverwaltung*, Bd. 1—2. Wienne, 1815—1816.

5. *M. Belin. Étude sur la propriété foncière en pays musulmans et spécialement en Turquie*. — JA, т. XVIII—XIX, 1861—1862; *Essais sur l'histoire économique de la Turquies*, — JA, т. III—V, 1864; *Du régime des fiefs militaire dans l'islamisme, et principalement en Turquie*. — JA, т. XV, 1871.

6. *P. A. Tischendorf. Das Lehenswesen in den moslemischen Staaten insbesondere im Osmanische Reiche mit dem Gesetzbuche der Lehen unter Sultan Ahmed I.* Leipzig, 1872.

7. *W. F. A. Behrner. Kogabeg's Abhandlung über den Verfall des osmanischen Staatsgebäudes seit Sultan Suleiman dem Grossen*, ZDMG, Bd. 15, Heft II, 1861, стр. 272—332.

8. *С. Глинка*. Картина историческая и политическая Порты Оттоманской, от начала существования поколения турецкого до взятия Константинополя и падения греческой державы, с присовокуплением о войнах турков со времени вторжения их в Европу до 1830 года, кн. 1—5. М., 1830; *Н. С. Овсяный*. Современная Турция. Историко-этнографические очерки. СПб., 1877; *А. Чемерзин*. Турция. Ее могущество и распадение. Исторические и военные очерки, т. I. СПб., 1878 и др.

9. Об этом см.: *В. Бартольд*. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 287—288; *А. Н. Кононов*. Из истории русской тюркологии (до XIX в.). —

«Исследования по истории культуры народов Востока». — В сб.: «В честь акад. И. А. Орбели». М.—Л., 1960, стр. 202—214; Б. М. Данциг. Изучение Ближнего Востока в России. М., 1968, стр. 24 и сл.

10. Н. Веселовский. Сведения об официальном изучении восточных языков в России. СПб., 1879, стр. 99 и сл.; «Материалы для истории факультета восточных языков», т. I—II. СПб., 1905—1906; В. В. Бартольд. Обзор деятельности факультета 1855—1905.— «Материалы для истории факультета восточных языков», т. IV, 1909; А. Н. Кононов. Восточный факультет Ленинградского университета. — «Востоковедение в Ленинградском университете». Л., 1960, № 296, серия востоковедческих наук, вып. 13, стр. 3—31.

11. А. Н. Самойлович. Памяти В. Д. Смирнова. — «Восток», кн. 3. Л., 1925, стр. 208.

12. В. Д. Смирнов. Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873, стр. III.

13. Там же, стр. 186.

14. Там же, стр. 190.

15. Там же, стр. VII.

16. О. И. Сенковский. Собрание сочинений, т. VI. СПб., 1858, стр. 102.

17. Там же, стр. 75.

18. Там же, стр. 41.

19. В. Д. Смирнов. Кучибей Гёмюрджинский., стр. 192.

20. Там же, стр. 201.

21. Там же, стр. 203.

22. Там же, стр. 198—199.

23. Там же, стр. 214.

24. Там же, стр. 235.

25. Там же, стр. 236.

26. Там же, стр. 188.

27. Там же, стр. 261.

28. Там же, стр. 265—266.

29. А. С. Тверитинова. Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции. Л., 1946, стр. 41—42.

30. В. Д. Смирнов. Кучибей Гёмюрджинский., стр. 123.

31. А. С. Тверитинова. Восстание Кара Языджи., стр. 42.

32. О. И. Сенковский. Рассказ Ресми-эфенди, оттоманского министра иностранных дел, о семилетней борьбе Турции с Россией (1769—1776). — «Библиотека для чтения», т. 124, ч. I. Невысокий уровень перевода О. И. Сенковского В. Д. Смирнов неоднократно отмечал в своих работах. См.: В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887, стр. 553, прим.; В. Д. Смирнов. Сборник некоторых важнейших известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881, стр. XLIII.

33. В. Д. Смирнов. Кучибей Гёмюрджинский., стр. 14.

34. D. Cantemir. Histoire de l'Empire Ottomane, t. II. Paris, 1743, стр. 168. См.: В. Д. Смирнов. Кучибей Гёмюрджинский., стр. 18.

35. В. Д. Смирнов. Кучибей Гёмюрджинский., стр. 13.

36. Там же.

37. Там же, стр. 28.

38. Там же, стр. 56.

39. Там же, стр. 69.

40. В. Д. Смирнов. Сборник некоторых важных известий и документов., стр. XIII.

41. См.: L. Fekete. Einführung in die osmanisch-türkische Diplomatie der türkischen Botmässigkeit in Ungarn. Budapest, 1926; A. Zajaczkowski, J. Reichman. Zarys dyplomatyki osmansko-tureckiej. Warszawa, 1955; M. Guboglu. Paleografia și diplomatica turko-osmana. București, 1958; Б. Недков. Османотурска дипломатика и палеография, I. София, 1966.

42. В. Д. Смирнов. Грамота султана Османа II семейству иудейки Кыры. — «Восточные заметки». СПб., 1895.

43. В. А. Гордлевский. Памяти В. Д. Смирнова. — «Избранные соч.», т. IV. М., 1968, стр. 408.

44. В. Д. Смирнов. Образцовые произведения османской литературы. СПб., 1891, стр. 500—504.

45. Издание провинциальных канун-наме Й. Гаммером в его Des Osmanischen Reiches Staatsverfassung und Staatsverwaltung Bd. I—II. Wiene, 1815—1816, ни с точки зрения качества перевода, ни с точки зрения техники издания не может быть сопоставимо с изданием и переводом документов В. Д. Смирнова. Что касается документов в знаменитом собрании султанских грамот (Feridun Ahmed. Münşe'at-i selâtin, cild 1—2. İstanbul, 1274), то оно не преследовало целей научного издания и является

простым воспроизведением текста, правильность передачи которого установить не представляется возможным.

46. Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, фонд 50, оп. 1, №№ 2, 13, 98, 100, 101.

47. *Manuscripts turcs de l'Institut des langues orientales décrits par W. D. Smirnow (Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères. VIII). St.-Pbg., 1897.*

48. В. Д. Смирнов. Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV в. — ЗВОРАО, т. XXII, 1914, вып. I—II, стр. 107—125.

49. В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887; *его же*. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. СПб., 1889.

50. В. Д. Смирнов. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881; *его же*. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической архивной комиссии. Симферополь, 1917.

51. В. Д. Смирнов. Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771—1775 гг. — «Русская старина», 1894, № 3, стр. 113—134; № 4, стр. 179—208; № 5, стр. 144—169; *его же*. Предисловие. — «Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русскоподданных каймаков». СПб., 1890.

52. В. Д. Смирнов. Крымское ханство..., стр. IV.

53. «Журнал Министерства Народного Просвещения», ч. CCLXI, янв., стр. 168—203.

54. См., напр.: В. Д. Смирнов. Мнимый турецкий султан, именуемый у европейских писателей XVI в. *Calerpinus Cyriscelebes* (К вопросу о происхождении и значении слова *چلبی* — челеби). — «Записки Восточного Отделения Имп. Русского Археологического Общества», т. XVIII, вып. II—III. СПб., 1909, стр. 17—70, в которой чрезвычайно интересно вскрыты истоки заблуждения европейских авторов относительно не существовавшего османского султана (из сыновей султана Баязида I) по имени *Калепинус*, а также высказаны некоторые предположения о происхождении слова *челеби*. (По этому вопросу см. также: В. В. Бартольд. Челеби. Соч., т. V, стр. 611—614).

55. В. Д. Смирнов. Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. С приложением факсимиле официальных документов и разных почерков. СПб., 1891; 2-ое изд.: СПб., 1893.

56. Такого рода суждения были, в частности, высказаны В. Д. Смирновым в его статье «Турецкая цивилизация, ее школы, софты, библиотеки, книжное дело. Из поездки в Константинополь летом 1875 года». — «Вестник Европы». 1876, т. IV, кн. 8, стр. 526—566; т. V, кн. 9, стр. 7—57. Посещение Турции В. Д. Смирновым было ограничено лишь Стамбулом. Жизнь турецкой столицы того времени вряд ли могла вызвать восторженные впечатления. Он увидел влачившие жалкое существование библиотеки, застывшие в своем архаическом состоянии университеты («Дару-ль Фунун»), куда почти не проникали отклики европейской цивилизации XIX века, медресе при мечетях «с их методом обучения, исключаяющим всякий научный анализ, всякую свободу прогрессивной мысли» (стр. 553), почти лежащие в развалинах стамбульские музеи, крайне низкий уровень издательского дела и почти полное отсутствие законности для общества при ужасающей бедности значительной части населения (стр. 54). Словом, В. Д. Смирнов разглядел тогда в Стамбуле многое из того, против чего вела борьбу поднимавшая голову «Молодая Турция». Однако определить суть происходивших в то время в Турции процессов он оказался не в состоянии. Тем не менее спустя два года в статье «Официальная Турция в лицах» («Вестник Европы», 1878, кн. 1, стр. 275—311, кн. 2, стр. 600—629), излагая содержание книги анонимного автора (*Stambul und modern Türkenthum. Politische, sociale und biographische Bilder, von einem Osmanen. Leipzig, 1877*). В. Д. Смирнов подчеркивал, что «более образованные османоведы понимают безнадежное состояние своего государства и сознают в чем заключаются самые больные места его устройства» (кн. 1, стр. 302). Знаменательно, что наряду с крайне нелестными суждениями о правящих политических кругах страны В. Д. Смирнов цитирует то место излагаемой книги, где автор говорит: «Нет сомнения в том, что простое народонаселение, преимущественно азиатское, по свидетельству многих, живших среди него путешественников, имеет многие хорошие качества — честность, умеренность, трудолюбие, гостеприимство и обходительность; но оно погружено во мрак самого первобытного невежества и суеверия, внедренного в него правоверием и исламом» (кн. 2, стр. 602—603). Автором книги, излагаемой В. Д. Смирновым, являлся известный ориенталист А. Д. Мюрдман. (См.: Ю. А. Петросян. Новые османоведы и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958, стр. 6).

Е. И. МАШТАКОВА

В. Д. СМЕРНОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Чтобы составить верное понятие о каком-либо народе, — писал без малого сто лет назад В. Д. Смирнов, — нужно брать источниками этого понятия продукты жизни и деятельности того же самого народа. Поэтому также, чтобы понять и турков, их (далее цитируется О. И. Сенковский. — Е. М.) „надо изучать по собственным их писаниям“»¹.

Этот основной научный принцип сформулирован ученым в его первом печатном труде «Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции» (1873 г.). Им он неуклонно руководствовался на протяжении всей своей полувековой научной деятельности филолога, историка и литературоведа (об этом же свидетельствует и его вышедшая уже посмертно статья «Что такое Тмударакань?»²).

Следуя своей научной концепции, В. Д. Смирнов подчеркивал, что ученый должен без предвзятости (или «предрасудочности», как он выражался) относиться к духовной культуре любого народа; пристрастие же, по его мнению, часто объясняется простым невежеством или националистическими воззрениями, обостряемыми политической ситуацией: «Нелепость подобных отношений к чужому, хотя бы и враждебному народу очевидна, хотя легче замечается со стороны, на других»³. К сожалению, иногда сам ученый не мог избежать подобных неверных высказываний⁴, ни в коей мере не совместимых с присущим ему строго научным отношением к фактам и явлениям.

Для В. Д. Смирнова — исследователя турецкой литературы — характерен тщательный филологический и исторический анализ конкретных памятников турецкой письменности как основы для глубоких теоретических выводов. Ученый ввел в научный обиход немало источников бесспорной ценности, опубликовав их в специальных статьях и в своей широко известной хрестоматии⁵. Эта хрестоматия, по справедливому отзыву Н. К. Дмитриева, «составленная по первоисточникам и по своей полноте, оригинальности и основательности не имеющая себе подобных в Западной Европе»⁶ (да и у нас, добавим мы от себя), до сих пор не утратила своего значения.

В текстологической работе В. Д. Смирнов следовал правилам, сформулированным им еще в первом его труде, и опирался на новейшие научные данные. Он был одним из первых издателей турецких письменных памятников, которые, по его словам, «в том только случае могут быть полезны, когда они сохраняют облик своего времени: когда в них не изглажены следы инозвучия слов, остатки прежних форм речи и грам-

матических флексий, которые с течением времени приняли другой вид»⁷. И далее: «Османские рукописи следует издавать в таком виде, как они есть»⁸. Ученый ратовал за то, чтобы издатель был осмотрителен и объективен при определении так называемых ошибок текста. Он настаивал, чтобы все соображения текстолога были зафиксированы в примечаниях. Исключения могут быть допущены лишь для явных описок, лишаящих оригинал смысла, но и такого рода исправления должны издателем оговариваться. В соответствии с этими принципами была подготовлена публикация извлечений из рукописи Британского Музея, касающихся храма Святой Софии и других христианско-византийских древностей Стамбула. Филологический анализ текста позволил издателю не только решить вопросы возраста и атрибуции этого недатированного памятника, но даже судить о национальности переводчика⁹. Дело в том, что случаи, когда переводчик выступал в роли самовольного соавтора, не были исключительным явлением в средневековой турецкой литературе¹⁰.

Главный труд ученого — «Очерк истории турецкой литературы» — вышел в свет в 1891 г., однако концепция книги сложилась у автора гораздо раньше. Это подтверждается текстом «Пробной лекции» по турецкой литературе, датированной 22 марта 1873 г. и хранящейся в архиве ученого¹¹ вместе с несколькими незаконченными рукописями, касающимися общих или частных вопросов истории литературы турок.

«Очерк» В. Д. Смирнова появился в то время, когда еще так мало было сделано мировой наукой в области изучения турецкой литературы¹². У самих же турок почти ничего, кроме *тезкере*, некоторых сочинений исторического характера, да двух-трех изданий, имеющих прямое или косвенное отношение к теме, не было.

Труд В. Д. Смирнова — крупное явление в отечественной тюркологии. Впервые на русском языке столь полно при небольшом объеме (130 страниц) была представлена и охарактеризована литература турок от ее истоков до последнего десятилетия XIX в.¹³ Важная особенность книги — историзм ее концепции. Обзор письменной и устной литературы дается в неразрывной связи с жизнью, с «историческими условиями существования»¹⁴ народа. Для В. Д. Смирнова, всю жизнь делившего свои научные симпатии между литературой и историей, был органичен историзм оценки произведений художественного слова. Автор «Очерка» не пошел по обычному пути «хронологического» описания творчества турецких поэтов и прозаиков на основе традиционной классификации истории литературы.

«Очерк»¹⁵ открывается обзором фольклорных жанров, описываются их поэтические особенности, излагаются сюжеты, анализируется идейная направленность произведений. При малом количестве публикаций оригинальных текстов и исследований В. Д. Смирнову стоило большого труда создать книгу, в которой лирическая поэзия турок представлена в историческом аспекте. Автор пытается установить идейно-эстетические позиции писателей и выявить на основе тезкере и некоторых исторических сочинений оценку их произведений современниками, что было характерно и для первой его книги. Тщательно изучив все, подчас противоположные, высказывания ученых об одном и том же¹⁶, он приходит к выводу, что туркам отнюдь не свойственно «рабство мысли».

Выявляя в турецкой литературе своеобразное и самобытное, В. Д. Смирнов вместе с тем не упускает случая оттенить в различных ее жанрах явления, типологически сходные с фактами русской и мировой литературы (во многих фольклорных жанрах: сказках, песнях, эпосе; в богословских письменных сочинениях, в произведениях литературы про-

светительского направления эпохи танзимата и др.)¹⁷. В типологической классификации В. Д. Смирнова отразились достижения отечественного литературоведения того времени¹⁸, проявилась обширная эрудиция В. Д. Смирнова в области мировой литературы¹⁹, его уникальное знание подлинников турецкой литературы. Установление типологического сходства в восточных литературах — до сих пор актуальная проблема, и труд В. Д. Смирнова сохраняет свое значение и в наше время.

В своем «Очерке» В. Д. Смирнов писал о турках: «Своеобразие склада их литературы еще не доказывает ее ничтожности во все времена их исторического существования»²⁰. Эта мысль тем более важна, что долгое время господствовало мнение, будто литература турецкая — только «ветвь персидской». В. Д. Смирнов указывает: «...что справедливо в известной степени и для одного только периода и отдела литературы, то не приложимо к ней во всей ее целостности и за все время ее существования»²¹.

Персидское влияние более всего сказалось на турецкой лирической поэзии. Характеризуя турецкую лирику, В. Д. Смирнов прослеживает ее сложные связи с суфизмом (при этом раскрывается сущность последнего и формы его проявления в литературе: двуплановость суфийских образов и многое другое). В. Д. Смирнов подмечает отображение в турецкой литературе подлинно жизненных явлений и говорит о ее реалистических тенденциях, не употребляя, впрочем, этого термина.

«Очерк» являлся первой книгой, обстоятельно знакомившей русского читателя с турецкой поэзией.

Велика заслуга В. Д. Смирнова в открытии поэтессы Михри-хатун. Ее Диван, приобретенный ученым в Турции, считался уникальным. В. Д. Смирновым были опубликованы 227 бейтов из этой рукописи, долгое время являвшейся основным источником, знакомящим со стихами поэтессы²². В «Очерке» изложена биография Михри-хатун, дается краткая характеристика ее творчества. Здесь же впервые опубликованы переводы ее стихов на русский язык. В. Д. Смирнову принадлежат русские переводы многих произведений турецкой поэзии и прозы. Значение их не следует умалять, хотя стиль некоторых стихотворных переводов явно устарел²³.

Видное место в «Очерке» отводится историческим сочинениям. Рассматривая исторические хроники с точки зрения литературоведа, В. Д. Смирнов включал их в историю литературы турок. В исторических сочинениях его внимание привлекали «шикайет-наме» — «стереотипные жалобы на внутренние беспорядки»²⁴. Эти «авторские отступления» отличаются известной смысловой и стилистической самостоятельностью и часто обладают определенными литературными достоинствами. Аналогии им можно найти в других литературах мира.

Интересен вывод В. Д. Смирнова о том, что «история, можно сказать, косвенным образом положила начало политическому памфлету и сатире»²⁵. Этому вопросу в «Очерке» посвящается особая глава, а в «Кучибее Гёмюрджинском» такого рода сочинениям отведено весьма значительное место. В. Д. Смирнов первым указал на существование памфлета в средневековой турецкой литературе. Более того, он считал, что турки «питают склонность к сатире и потому у них редкий сколько-нибудь выдающийся стихотворец не сочинял бы коротких эпиграмм или больших стихотворений сатирического свойства»²⁶. В. Д. Смирнов различал среди массы этих разнохарактерных сочинений «энергически высказанные негодования патриотов, называвших не только дела, но и лица их настоящими именами и, очевидно, рассчитывавших на популяр-

ность своих произведений, с целью повлиять на изменение существующего хода дела; это уже не элегии, а едкие злостные сатиры...»²⁷ Едва вступив на путь тюрколога, ученый полемизировал с И. Хаммером и Х. Ф. Дицем, не разглядевшими за «нецеломудренной», по выражению В. Д. Смирнова²⁸, формой этих произведений их общественную значимость. Он писал: «Сатирические обличения иногда грубы в способе выражения, но не могут не вызвать нашего сочувствия, ибо в них виден протест оскорбленного человеческого сердца, ищущего и не находящего кругом себя правды»²⁹. Последующие исследования подтвердили верность этих заключений ученого. Как свидетельствуют материалы архива В. Д. Смирнова, тема сатирической струи в турецкой литературе привлекала его внимание и в последующие годы.

Неизменный интерес В. Д. Смирнова вызывали повествовательные произведения турецкой литературы. Большое распространение в Турции в то время получили так называемые «народные книги». Они представляли собой произведения преимущественно фольклорного характера, включавшие притчи, анекдоты, фаблю. Эти разнохарактерные произведения (назидательные, юмористические, сатирические и др.) бытовали во множестве вариантов, часто слагавшихся в циклы. Наряду с ними пользовались популярностью и книжные повествовательные произведения как самобытные, так и заимствованные. В ходе изучения этих произведений перед ученым возникла сложная проблема взаимоотношений и взаимовлияния письменной и устной литератур. Исследования В. Д. Смирнова в этой области нашли отражение как в «Очерке», так и в других его работах. К сожалению, ряд его работ, посвященных этой проблеме, всё еще остается достоянием архива. Такова, например, судьба незаконченной рукописи «О турецких лубочных картинах»³⁰. Это научный отчет В. Д. Смирнова о поездке в Турцию (видимо, в 1902 г.)³¹ с целью изучения лубочной литературы. Автор широко толковал этот термин, включая в это понятие и такие «лубочные изображения, как книжные иллюстрации или отдельные картинки»³². В статье значительное место отведено характеристике лубков, манере их исполнения и технике изготовления. В. Д. Смирнов отмечает присущее туркам эстетическое чувство, которое прорывается вопреки их религиозному фанатизму и косности в мусульманском неприятии изображения человека в живописи³³. «Эстетическое чувство, — пишет В. Д. Смирнов, — по временам невольно прорывается у турок, чему пример встречаем в памятниках литератур прежних времен»³⁴. Так, например, в сочинении историка Фундуклулу (конец XVII — начало XVIII в.) восторженно описывается красота захваченных турками христианских храмов, икон, скульптур из мрамора и дерева, а также говорится о жанровой росписи стен в султанских банях³⁵.

Иллюстрированные рукописи у турок встречаются редко. С введением книгопечатания лубочные издания стали появляться в виде иллюстрированных текстов, основу которых составляли религиозные, героические, романтические или юмористические сюжеты. Последние, видимо, преобладали в большой коллекции дастанов (свыше 100), собранной В. Д. Смирновым в Турции³⁶.

В. Д. Смирнов перечисляет разнообразные изображения, сопровождаемые текстом. Среди них встречаются ландшафты, рисунки мечетей, мостов, дворцов, кораблей, изображения мусульманских гробниц, Ноева ковчега, легендарного Рустама, бекташей Хаджи-бекташ-вели³⁷. Романтические сюжеты связаны с изображением Кёр-оглы и его спутников Кассаба и Айваза. В качестве «особого вида лубочные издания, пред-

ставляющие сочетание каллиграфии с рисованием, а по содержанию — символическую сатиру»³⁸, назван лирический рисунок «Страдания от любви» *المرمن العشق* — здесь первое слово *المروه* включено в состав изображения.

Почти отсутствуют рисунки на бытовые темы (один, имевшийся в распоряжении ученого, изображал сцену из жизни, скорее всего, турецких греков или армян), что связано, очевидно, с замкнутостью домашнего быта турок. Человеческие фигуры обычно изображаются с закрытыми лицами (следует учесть, что речь идет об изданиях, выходивших во времена абдильгамидовского тиранического правления, когда был наложен запрет на продажу фотографий султана, женских фотоснимков и т. п.)³⁹.

Примером иллюстрированных текстов могут служить сборники анекдотов Ходжи Насреддина, издававшиеся в XIX в. почти ежегодно. Далее В. Д. Смирновым упоминается «карикатурно-лубочное издание» «Потребители опиума» (*Афьон тирьякилери*), в котором приводится спор между опиумом, гашишем, бузою, вином и кофе, сопровождаемый сатирическими выпадами по адресу дервишей ордена бекташи⁴⁰. В. Д. Смирнов излагает содержание юмористической стихотворной «Повести о кошке и крысе» (*كو الميه قاره حكايسى*). Это незамысловатый рассказ о некогда существовавшем мире и начавшейся затем войне между кошками и крысами — мышами. «Между прочим, кошка представлена лицемерно исповедующей все предписания мусульманской обрядности и поселившейся (?) в мечети на богомолье *أهل زهد*, и даже изрекающей хадис крысией депутации, явившейся к благочестивой кошке с дарами и подношениями для заключения (слово неразборчиво. — Е. М.) с ней мира и дружбы»⁴¹. Когда коварная кошка (два слова неразборчивы, может быть, «съела депутацию?»), крысы, возмущившись, пошли на нее войной, «с предварительным исполнением всех дипломатических формальностей переписки между воюющими странами на восточный манер»⁴². Однако кошку спасают ее сородичи. В. Д. Смирнов в заключение пишет: «Сказка есть какая-то сатирическая аллегория, догадываться о которой представляется сметливым людям»⁴³.

К лубочной литературе «принадлежит большинство, — читаем в рукописи В. Д. Смирнова, — если не все (одно слово неразборчиво. — Е. М.) популярные повести благочестиво-героического или мусульманского характера, начиная с известной турецкой поэмы «Газавати Сейид Баттал-Гази». Таковы «Каграман Катиль», «Исмаил-шах», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Сейфу-ль-Мулюк», «Кёр-оглы», «Ашик Гариб», «Ашик Керем» и т. п.»⁴⁴.

В литографированных изданиях выходило и «большинство, так называемых, дестанов. Этим именем называются собственно повествовательные эпизоды в больших эпических сказаниях в прозе и стихах, равно как отдельные стихотворные пьесы, преимущественно героического содержания, вроде наших былин, и потому предназначенные преимущественно для грамотного простонародья, а не для литературного чтения мусульманской интеллигенции»⁴⁵. Любопытно замечание В. Д. Смирнова о том, что в начале нашего века среди лубочной литературы попадались и «запретные дестаны» (ясак).

О запретной литературе сатирического содержания В. Д. Смирнов писал еще в 1876 г. в своих путевых заметках «Турецкая цивилизация, ее школы, софты, библиотеки, книжное дело»⁴⁶. Среди запрещенных книг им указываются «произведения безнравственной дидактики», таковы, например, поэмы Фазиль-бея Эндерунлу (ум. в 1810 г.) «Книга женщин» (*Зенан-наме*), «Книга красавцев» (*Хубан-наме*). «Циничность этих со-

чинений искупается отчасти тем, что оба они написаны очень недурными турецкими стихами»⁴⁷. Под запретом находились и другие произведения. «Не отличаясь особенными литературными достоинствами и богатством содержания, сочинения эти, однако же, любопытны в том отношении, что они выражают собою образ мыслей передовых людей современной Турции», — писал В. Д. Смирнов⁴⁸. В качестве примера им называется пьеса Намыка Кемаля (1840—1888) «Отечество или Силистрия» (*Ватан яхуд Силистра*). Ученый высказывает предположение, что главной причиной запрещения названных выше произведений была «тривиальность и даже вульгарность образов и мыслей»⁴⁹. Он сообщает, что безусловному запрещению подвергались сатиры Неф'и (ум. в 1635 г.) и некоторые редакции сатир Сюрури (ум. в 1814 г.).

В. Д. Смирнов обратил также внимание на существование множества сатирических листков с карикатурами. Он отмечал, что поводом к выступлению в сатирических листках служили, например, неполадки в деятельности столичного пароходного общества, перебранка соперничающих газет, пристрастие турчанок к французским модам и т. п.⁵⁰ Все это, казалось бы, не имело большого значения. Однако и они вызывали живой отклик в определенных слоях населения Стамбула.

Четверть столетия спустя В. Д. Смирнов писал, что запрещенными оказывались произведения на политические темы, вроде «дестана на смерть султана Абдуль-Азиза, по случаю следствия умерщвления его. В новейшее время дестаны получили характер уличных летучих листков, заключали в себе нечто вроде отклика общественного мнения на некоторые современные события или явления общественной важности»⁵¹. И далее: «Листки эти приготавливались, говорят, обыкновенно ко времени больших мусульманских праздников в расчете на большой сбыт их в праздничной толпе, ожидающей всяческих развлечений»⁵².

Внимание литературоведов должна привлечь работа В. Д. Смирнова «Турецкая новеллистика по рукописным материалам Британского Музея», датированная 1913 г.⁵³ Это незаконченный научный отчет о разысканиях ученого в библиотеках Парижа и Лондона.

«Будучи большим знатоком турецких рукописей, Смирнов работал почти во всех основных книгохранилищах Запада и умел открывать там совершенно новые источники по турецкому языку и культуре», — писал в свое время Н. К. Дмитриев⁵⁴.

В соответствующих работах из архива ученого содержится характеристика важных для истории турецкой литературы произведений, как, например, сборника новелл Лямии (1472—1532), обзор ряда списков, тогда еще не поступивших в научный обиход и др.

«Турецкая новеллистика...» свидетельствует о том, что В. Д. Смирнов продолжал работать над занимавшей его проблемой. Особенно интересовался он тремя списками анонимного сборника новелл, названного в рукописи «Радость после горя» (*الفرج بعد الشدة*)⁵⁵. Два из них помечены 1520 и 1576 гг.; третий, недатированный, по мнению В. Д. Смирнова, более старый. Этот сборник не является переводом одноименного персидского произведения; мало общего у него и с другими сходными сочинениями. «Мы имеем дело с оригинальным турецким сборником неизвестного составителя, — писал В. Д. Смирнов, — но только пока еще нельзя с точностью установить, из каких именно источников почерпнуто содержание отдельных статей его»⁵⁶.

Рукопись, к сожалению, обрывается на изложении содержания и анализа одной из сорока двух новелл сборника. В основе новеллы лежит

известный в фольклоре сюжет: некто, получивший заимообразно определенную сумму денег, в случае неуплаты ее в условленный срок должен расплатиться с займодавцем фунтом мяса из любой (по его выбору) части собственного тела. Эта новелла, сюжет которой известен и в персидской версии, в турецком варианте, по мнению В. Д. Смирнова, «отличается большей законченностью содержащихся в ней эпизодов. Дальнейший интерес турецкой версии заключается в хронологически достоверной принадлежности ее ко времени, значительно предшествующему драматической обработке сюжета ее великим Шекспиром»⁵⁷. К этому вопросу ученый возвращался позже в «Восточных версиях Шейлока», но закончить работу, по свидетельству А. Н. Самойловича, уже не успел⁵⁸. Судьба последней рукописи, как и переводов, выполненных В. Д. Смирновым в конце его жизни, неизвестна.

Труды В. Д. Смирнова, далеко неполно охарактеризованные в настоящей статье, сохранили свое научное и познавательное значение до наших дней, поэтому наиболее ценные из них, ставшие в настоящее время библиографической редкостью, следует путем переиздания сделать достоянием молодого поколения тюркологов.

¹ В. Д. Смирнов. Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века: о причинах упадка Турции. СПб., 1873, стр. II—III.

² В. Д. Смирнов. «Что такое Тмутаракань?» — «Византийский временник», издаваемый Российской Академией наук, т. XXIII (1917—1922). Петроград, 1923.

³ Автор имеет в виду шовинистические выпады в русской прессе периода русско-турецкой войны 1854 г.; см.: Кучибей Гёмюрджинский..., стр. III.

⁴ См.: «Турецкие легенды о Святой Софии и других византийских древностях». СПб., 1898, стр. 2, 3.

⁵ В. Д. Смирнов. Образцовые произведения османской литературы в извлечениях и отрывках. СПб., 1891 и 1903 гг. Эти издания (первое, литографированное, и второе, наборное) разнятся друг от друга составом включенных авторов и объемом произведений, представленных в хрестоматии.

⁶ Н. К. Дмитриев. Труды русских ученых в области тюркологии. — «Ученые записки», выпуск 107. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. 2. Изд. МГУ, 1946, стр. 65.

⁷ В. Д. Смирнов. Кучибей Гёмюрджинский..., стр. 56.

⁸ Там же, стр. 69.

⁹ Пример мастерски выполненного исследования, посвященного решению той же проблемы, находим в работе: В. Д. Смирнов. Древнейшая датированная турецкая рукопись XIV в. — «Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества», т. XXII. СПб., 1914, стр. 107—114 и др.

¹⁰ Воспроизводя в общих чертах иноязычный оригинал, переводчик вольно и широко дополнял его, не оговаривая при этом свое «вторжение» в текст. См.: В. Д. Смирнов. Турецкие легенды о Святой Софии..., стр. 13.

¹¹ Архив востоковедов ЛО АН СССР (далее: АВ ЛО ИВ); фонд 50, оп. 1, ед. хр. 127 (27 листов).

¹² В. Д. Смирнов. Очерк истории турецкой литературы. В серии: «История всемирной литературы» под ред. В. Ф. Корша и А. Н. Кирпичникова, т. IV. СПб., 1891, стр. 6 (здесь и далее цитируется по отдельному оттиску).

¹³ «Очерк» В. Д. Смирнова «в тогдашних условиях, при неразработанности темы, по широте охвата ее, притом на основе первоисточников, по меткости суждений был большим научным событием». См.: М. С. Михайлов. Об изучении турецкой литературы в отечественной тюркологии. — «Вопросы языка и литературы стран Востока». М., изд. ИМО, 1958, стр. 283.

¹⁴ В. Д. Смирнов. Очерк..., стр. 3.

¹⁵ Принцип системного изложения как требования науки В. Д. Смирнов высказал в своем первом труде «Кучибей Гёмюрджинский»: «Раскройте любую грамматику турецкого языка, и во всех них производство этих форм [вообще грамматических и, в частности деепричастных. — Е. М.] объясняется самым механическим способом: не-

видно ни малейшей попытки к отысканию их взаимной связи; нет признаков системы, ни одного шага к исследованию первоначальных элементов, из которых они образовались», стр. 60.

¹⁶ См.: В. Д. Смирнов. Кучибей Гџмюрджинский..., стр. 12—13.

¹⁷ В. Д. Смирнов. Очерк..., стр. 4—6, 8—9, 13, 15—20, 39, 82, 116, 126 и др.; его же. Кучибей Гџмюрджинский..., стр. 18—19 и др.

¹⁸ Напомним, что это период деятельности таких, например, русских ученых, как А. Н. Пынин (1833—1904), как Александр Николаевич Веселовский (1838—1906), с его устойчивым интересом к сравнительно-историческому изучению всемирной литературы. Тогда же в Москве работал Алексей Николаевич Веселовский (1843—1918), брат ранее названного ученого. Увлеченный изучением «всеобщей литературы», мировых литературных связей, он много внимания уделял взаимоотношениям литератур Запада и Востока. См.: В. А. Гордлевский. Памяти А. Н. Веселовского. — Избранные сочинения, т. IV. М., 1968, стр. 443—445.

¹⁹ В. Д. Смирнов читал в различных учебных заведениях (коммерческом училище, женской гимназии и др.) курсы истории русской литературы, всеобщей истории литературы и теории словесности (материалы хранятся в архиве ученого: АВ ЛО ИВ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 130—133).

²⁰ В. Д. Смирнов. Очерк..., стр. 4.

²¹ Там же, стр. 34.

²² В. Д. Смирнов. Образцовые произведения... 1891, стр. 432—442; почти вдвое меньше бейтов (всего 111) содержит второе издание: 1903 г., стр. 449—453. Подробнее см.: О Михри-хатун и ее стихах. — Михри-хатун. Диван. Критический текст и вступительная статья Е. И. Маштаковой. М., 1967, стр. 53—54.

²³ В. Д. Смирнов был автором небольшой стихотворной поэмы, созданной им, видимо, по мотивам кабардинского фольклора: Вас. Смирнов. Певец Муса. Кабардинская легенда. СПб., 1909.

²⁴ Предисловие В. Д. Смирнова к его же переводу «Записок Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771—1775 гг.». — «Русская старина», 1891. № 3, стр. 121.

²⁵ В. Д. Смирнов. Очерк..., стр. 72.

²⁶ Там же, стр. 80.

²⁷ Там же, стр. 9—10; здесь определение сатиры «злостная» нужно понимать как «гневная».

²⁸ В. Д. Смирнов. Кучибей Гџмюрджинский..., стр. 11.

²⁹ В. Д. Смирнов. Очерк..., стр. 5.

³⁰ АВ ЛО ИВ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 33 (15 листов).

³¹ Дата вписана карандашом во вторую строку текста (л. 1), по-видимому, рукой автора.

³² Там же, л. 5 (об.).

³³ Там же, л. 6—6 (об.).

³⁴ См.: В. А. Гордлевский. Памяти В. Д. Смирнова (1846—1922). — Избранные сочинения, т. IV. М., 1968, стр. 411.

³⁵ АВ ЛО ИВ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 33, л. 13 (об.).

³⁶ Там же, л. 14 (об.).

³⁷ Там же, л. 14—14 (об.).

³⁸ Там же, л. 10.

³⁹ Там же, л. 10 (об.).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, л. 2 (об.).

⁴³ Там же, л. 2 (об.) — 3.

⁴⁴ В. Д. Смирнов. Турецкая цивилизация, ее школы, софты, библиотеки, книжное дело. Из поездки в Константинополь летом 1875 г. — «Вестник Европы», 1876, журнал истории, политики, литературы, т. IV, кн. 8, стр. 527—566; т. V, кн. 9, стр. 7—57.

⁴⁵ Там же, т. V, кн. 9, стр. 26.

⁴⁶ Там же, стр. 14.

⁴⁷ Там же, стр. 25.

⁴⁸ Там же, стр. 29—32.

⁴⁹ АВ ЛО ИВ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 33, л. 4.

⁵⁰ Там же. Эти наблюдения В. Д. Смирнова должны привлечь внимание исследователей, так как расширяют наши понятия об объекте и субъекте турецкой литературы XIX в. Работа вносит необходимый корректив в представления о самом ученом только как о медиевисте.

⁵¹ АВ ЛО ИВ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 35 (5 листов).

⁵² Н. К. Дмитриев. Труды русских ученых в области тюркологии. — «Ученые записки», вып. 107. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. 2. М., 1946, стр. 65.

⁵³ О списках см.: E. Blochet. Catalogue de manuscrits turcs. Paris, 1932, t. I, AFT, №№ 377, 382, 384, стр. 159, 161, 162.

⁵⁴ АВ ЛО ИВ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 35, л. 2 (об.).

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ А. Самойлович. Памяти проф. В. Д. Смирнова. — «Восток. Журнал литературы, науки и искусства», кн. 3. М.—Пг., 1923, стр. 209.

Е. И. КОРКИНА

РАБОТА О. Н. БЁТЛИНГКА «О ЯЗЫКЕ ЯКУТОВ»

(К 120-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ)

В 1971 году исполняется 120 лет со времени опубликования работы Почетного члена Российской Академии наук О. Н. Бётлингка «О языке якутов»¹.

Более века эта книга верно служит тюркологам и алтаистам, поражая каждого, кто ею пользуется, своей глубиной, свежестью и капитальностью.

В 1946 году Н. К. Дмитриев в своей статье «Труды русских ученых в области тюркологии» писал: «Работа Бётлингка сохраняет свою полную ценность и теперь»².

С уверенностью можно сказать, что труд академика О. Н. Бётлингка принадлежит к числу счастливых работ, имеющих непреходящее значение.

Замечательные результаты, достигнутые О. Н. Бётлингом в изучении якутского языка, тем более поразительны, что тюркология, и в частности якутское языкознание, не являлись его основной специальностью (таковой, как известно, была санскритология, в области которой он снискал мировую известность). О. Н. Бётлингк, никогда не встречавшийся ни с одним якутом, начал свою работу, пользуясь весьма скудными письменными источниками. Последние представляли собой очень несовершенные, неточные записи небольшого количества якутских слов, сделанные в разное время разными путешественниками. Это были: записи Николая Витзена (список из 34 якутских слов и 29 числительных)³, Филиппа Иоганна Страленберга (37 слов)⁴, Мартина Зауера (280 слов)⁵, Гавриила Сарычева (280 слов)⁶, Адольфа Эрмана (около 400 слов)⁷.

¹ O. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. SPb., 1851.

² «Уч. зап. МГУ», вып. 107. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. 2, 1946, стр. 65.

³ Nicolaes Witsen. Noord en Oost Tatarie... Amsterdam, 1692.

⁴ Philipp Johann von Strahlenberg. Historie der Reisen in Rußland, Siberien und der großen Tatarey. Leipzig, 1730.

⁵ An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia, performed by Commodore Joseph Billings. The whole narrated from the original papers, by Martin Sauer, secretary to the expedition. London, 1802.

⁶ Путешествие Капитана Биллингса через Чухотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание Капитана Галла на судне Черном Орле по Северовосточному океану в 1791 году, извлечено из разных журналов Гаврилом Сарычевым. СПб., 1811.

⁷ Reise um die Erde durch Nord Asien und die beiden Oceane, ausgeführt von Adolph Erman. Berlin, 1838.

реестр якутских слов Дмитрия Давыдова, сообщенный В. Шоттом (около 1200 слов)⁸, словарь Палласа, в котором кроме числительных было 273 слова⁹, словарь «Митридат», содержавший перевод «Отче наш» на якутский язык в двух вариантах и 11 якутских слов¹⁰.

Все эти записи объединяло то, что они были сделаны людьми, не знавшими якутского языка, и выполнены весьма неквалифицированно, по одному слуховому восприятию, со множеством ошибок и искажений как в передаче звуков якутского языка, так и в переводе значений якутских слов.

До О. Н. Бётлингка имелась всего одна работа, посвященная общей характеристике якутского языка, — статья Е. Огородникова «Замечания о якутском языке»¹¹, отличавшаяся крайней беспомощностью. Ее автор немного понимал в якутском языке. Е. Огородников не уловил главный фонетический закон якутского языка — закон гармонии гласных, не заметил долготу гласных, не зафиксировал все дифтонги и согласные. Он обнаружил в якутском языке четыре падежа из восьми, бедно и с ошибками представил глагольную систему, выдвинул неверное утверждение, что прилагательное в якутском языке согласуется с существительным в роде, числе и падеже.

Такова была степень изученности якутского языка ко времени, когда О. Н. Бётлингк приступил к его исследованию. Он начал создавать свой капитальный труд по существу на пустом месте. Толчком, заставившим О. Н. Бётлингка оторваться на время от санскрита и приступить к изучению якутского языка, послужила просьба его друга — академика А. Ф. Миддендорфа, совершившего в 1842—1845 годах грандиозное по масштабам того времени путешествие по Сибири. А. Ф. Миддендорф привез из экспедиции списки якутских слов, записи якутских песен, сказок, разговоров, которые заинтересовали О. Н. Бётлингка. Во введении к своей работе О. Н. Бётлингк пишет, что указанные материалы «вполне заслуживают нашего удивления, если примем в соображение краткость времени, какое мог посвящать лингвистическим изысканиям наш отважный, ловкий и ученый путешественник»¹².

Однако О. Н. Бётлингк сознается, что он «с одними этими материалами не смог бы соорудить прочного грамматического здания»¹³. Действительно, образцы, приводимые О. Н. Бётлингком из материалов А. Ф. Миддендорфа, показывают, что последний не давал точного графического обозначения якутских слов: смешивал долготу с ударением, не везде соблюдал гармонию гласных, перед мягкими (передними) гласными прибавлял к согласным знак смягчения «й» и т. д.

Основным источником сведений по якутскому языку для О. Н. Бётлингка явился А. Я. Уваровский, русский чиновник, единственный носитель якутского языка, которого О. Н. Бётлингк встретил в Санкт-Петербурге и привлек к своей работе.

Русский старожил Якутии, родившийся в 1800 году в далеком популярном городке Жиганске, Афанасий Яковлевич Уваровский рос среди якутских детей. Якутский язык стал для него фактически вторым родным языком. По просьбе О. Н. Бётлингка А. Я. Уваровский записал на якутском языке воспоминания о своей жизни (первое литературное произве-

⁸ Archiv für wissenschaftliche Kunde von Rußland, ч. III, стр. 312—332.

⁹ Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные Десницею Всевысочайшей Особы, 2 тома, в. 4. СПб., 1787—1789.

¹⁰ Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde, ч. I, 1806; ч. IV, 1817.

¹¹ Журн. «Отечественные записки», т. 47, 1846.

¹² См. русский перевод введения: О. Бётлингк. О языке якутов. — «Уч. зап. Имп. Академии Наук по Первому и Третьему отделениям», т. I, вып. 4. СПб., 1853, стр. 439—440.

¹³ Там же, стр. 440.

дение на якутском языке), краткий вариант *олонхо* (героический эпос якутов) «Эр Соготох» («Юноша-одиночка»), шесть загадок и перевел на якутский язык «Песню девушки» из финской руны. С помощью А. Я. Уваровского О. Н. Бётлингк уточнил списки якутских слов, приведенные в упоминавшихся выше источниках. Поэтому О. Н. Бётлингк справедливо считал А. Я. Уваровского своим «самым значительным источником»¹⁴.

Но при всех обстоятельствах якутоведы всегда будут поражаться выдающемуся исследовательскому таланту, исключительной проницательности Отто Николаевича, его глубочайшему проникновению во внутренние законы и строй якутского языка, точнейшему и тончайшему анализу фонетической и грамматической системы языка якутов, широким сравнением фактов якутского языка с данными других тюркских и монгольских языков, его необыкновенной лингвистической эрудиции.

Труд О. Н. Бётлингка, как известно, состоит из 1) «Введения», 2) «Якутской грамматики», которая включает «Учение о звуках», «Словообразование и словоизменение», «Синтаксис». К работе приложены «Якутские тексты» и «Якутско-немецкий словарь».

Во введении О. Н. Бётлингк излагает общие теоретические и методологические основы своего исследования. Критически рассматривая различные теории в области общего языкознания, он высказывает свое мнение по вопросу о соотношении «материи» (корня, главного понятия) и «формы» (словопроизводного и флективного элемента, придаточного понятия)¹⁵ в языках различного строя. Штейнталь, Шлейхер и другие проводили резкую грань между языками флективного и агглютинативного строя, считая, что во флективных языках материя и форма взаимно проникают друг в друга и сливаются в одно нераздельное целое, а в агглютинативных — материя и форма соединяются между собой только внешне, поверхностно. Языки первой группы они считали нормальными, а языки второй группы — стоящими ниже нормы. В конечном счете отличие флективных языков от агглютинативных они сводили к разнице между развитыми и неразвитым способом мышления у индогерманских (индоевропейских) и противопоставляемых им неиндоевропейских народов.

О. Н. Бётлингк критикует несостоятельность такого разграничения языков, показывая на ряде фактов наличие элементов агглютинации во флективных языках и элементов флективности в агглютинативных; более того, он допускает, что в древнем состоянии индоевропейских языков черт, сближающих эти языки с агглютинативными, могло быть еще больше.

Далее О. Н. Бётлингк утверждает, что при классификации языков нельзя исходить только из способа соединения материи с формой. «Сказать откровенно, я считаю способ соединения материи и формы даже слишком внешним признаком, чтобы на нем одном основывать классификацию языков»¹⁶, — пишет он. О. Н. Бётлингк требует, чтобы наряду с внешними, то есть морфологическими, признаками особенное внимание обращалось на внутренние или логические признаки языков. Классификацию же тюркских языков и наречий он считает вообще преждевременной, «потому что о многих языках этой фамилии мы имеем самые поверхностные познания — из скудных реестров слов, на верность которых вовсе нельзя положиться»¹⁷. О. Н. Бётлингк высказывает мысль о том,

¹⁴ О. Бётлингк. О языке якутов, стр. 441.

¹⁵ Там же, стр. 377.

¹⁶ Там же, стр. 409.

¹⁷ Там же, стр. 423.

что для проведения в будущем широких лингвистических обобщений необходимо сначала подготовить полные, точные описания конкретных языков, а затем и сравнительные грамматики: «Прежде всего нужно, по моему мнению, тщательно и со всех сторон исследовать каждый член каждой фамилии по-одиночке и потом, через сравнение всех членов, перейти к определению первобытных форм, корней и грамматических окончаний еще не разделившейся фамилии»¹⁸.

Переходя к конкретной характеристике якутского языка, О. Н. Бётлингк приходит к выводу, что он является тюркским по строю. Вместе с тем, в противовес утверждению Эрмана о том, что «немного нужно правил, чтобы научить якута турецкому языку и турка якутскому», отмечает значительное отличие якутского языка от других тюркских¹⁹. Последнее О. Н. Бётлингк объясняет тем, что якуты, видимо, «первые отделились от прочих членов своей фамилии, говоривших еще одним языком»²⁰, и предлагает семью тюркских языков назвать турецко-якутской.

Наряду с этим О. Н. Бётлингк отмечает, что якутский язык содержит «множество монгольских слов» и заимствовал из монгольского языка «даже некоторые грамматические окончания»²¹. Мимо внимания ученого не прошло и то, что в якутских преданиях говорится о длительном совместном проживании якутов с бурятами.

Содержание «Введения» показывает, что О. Н. Бётлингк к исследованию якутского языка подошел, опираясь на современные ему достижения общего языкознания. Как правильно в свое время отметил Л. Н. Харитонов, вопросы теории О. Н. Бётлингк «освещает как передовой ученый своего времени, во многом предугадавший тенденции дальнейшего развития науки. В частности, Бётлингк является одним из пионеров сравнительного изучения неиндоевропейских языков и основателем сравнительного изучения тюркских и монгольских языков»²².

В разделе фонетики, который составляет третью часть труда О. Н. Бётлингка, дано первое в истории, ставшее классическим по своей полноте и точности, описание звукового состава якутского языка.

О. Н. Бётлингк установил в якутском языке 29 звуков, в том числе 8 гласных и 21 согласный, дал детальную характеристику каждого из них. Он первый открыл, что в языке якутов действует закон гармонии гласных, в соответствии с которым якутские гласные делятся на мягкие и твердые, обнаружил долготу гласных, наличие четырех дифтонгов, так называемые «аканье» и «оканье», установил, что ударение в якутском языке падает на последний слог.

Согласные якутского языка О. Н. Бётлингк разбил на четыре разряда: твердые (*к, х, т, ч, п, с*), мягкие (*г, ҕ, д, дь, б*), плавные (*н, ҥ, м, р, л*), слабые (*й, ј, һ*). Он отметил долготу согласных, подробнейшим образом рассмотрел многочисленные случаи чередования и ассимиляции согласных. О. Н. Бётлингк зафиксировал многие другие фонетические явления: озвончение конечных согласных перед гласными аффиксов (*сурук — суруга*), выпадение узкой гласной основы присоединением аффикса, начинающегося с гласной (*каҕус + э = кэхсэ*), стяжение отдельных слов и форм (*үэтүк* из *үтүэтүк*, *быһыам* из *быһыаҕым*, *буолта* из *буолбута*), явление метатезы (*буурул — буулур*), образование сложных слов (*быһыл*

¹⁸ О. Бётлингк. О языке якутов, стр. 423.

¹⁹ Там же, стр. 434.

²⁰ Там же, стр. 425.

²¹ Там же, стр. 426.

²² Л. Н. Харитонов. Труд академика Бётлингка о якутском языке и его научное значение. — «Доклады на третьей научной сессии Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР». Якутск, 1953, стр. 69.

из *бу дьыл*, *бүгүн* из *бу күн*, *бэлүүн* из *бу түүн*, *кэтэгэриин* из *кэтэх орун*), фонетическое освоение слов, заимствованных из русского языка, и многое, многое другое.

Исследуя фонетику якутского языка, О. Н. Бётлингк привлек огромный сравнительный материал из родственных тюркских и монгольских языков, выяснил основные звуковые соответствия в этих языках и объяснил исторически многие фонетические факты и явления якутского языка. Фонетическая характеристика якутского языка, данная О. Н. Бётлингком, полностью сохраняет свое значение по сей день, уточняясь и дополняясь только в отдельных деталях. Устарела частично лишь его терминология (передние, по нынешней терминологии, гласные он называл мягкими, а задние — тяжелыми), а также учение об *и*-дифтонгах и трифтонгах.

Алфавит, разработанный О. Н. Бётлингком для обозначения звуков якутского языка, лег впоследствии в основу так называемой академической транскрипции, применявшейся в изучении тюркских языков.

С помощью алфавита О. Н. Бётлингка был осуществлен ряд дореволюционных академических изданий на якутском языке, им пользовалась и небольшая дореволюционная периодика.

Следующий раздел работы, посвященный морфологии («Словообразование и словоизменение»), так же обстоятелен и капитален, как и первый. В духе традиции своего времени автор рассматривает словоизменение в качестве основного критерия классификации слов и соответственно с этим устанавливает в якутском языке пять частей речи: 1) имя, 2) числительное, 3) местоимение, 4) глагол, 5) неизменяемые. По этому принципу к классу имен оказались отнесенными имя существительное, имя прилагательное и причастие, что значительно обеднило описание глагольных форм. Однако этот пробел О. Н. Бётлингк восполнил тем, что в следующем разделе подробно описал синтаксические функции причастий, иначе говоря, раскрыл их глагольную сущность.

Несмотря на указанные недостатки методологического порядка, характерные для науки того времени в целом, данный раздел работы О. Н. Бётлингка, по справедливой оценке Е. И. Убрятовой, представляет «настоящую энциклопедию морфологии якутского языка», в которой «современный исследователь может найти любую справку о той или иной форме, ее значении, связи с аналогичными формами других языков»²³.

Тщательность, тонкость анализа О. Н. Бётлингка с особенной наглядностью проявились в описании им глагола. Он самым подробным образом рассматривает глагольные основы якутского языка, в первую очередь неразложимые, затем производные, образуемые с помощью различных аффиксов. К этому описанию мало что прибавили последующие исследователи якутского языка.

О. Н. Бётлингк установил в якутском языке пять наклонений: повелительное, изъявительное, возможное, условное, совершенное; одновременно зарегистрировал формы, которые легли в основу и других наклонений современного якутского языка (формы на *-ааччы*, *-а/-ыы илик*, *-таҕына*, *-бах тустаах*, *-бах кэриннээх*), и описал почти все временные формы. Он показал все пять залогов якутского глагола (возвратный, страдательный, побудительный, взаимный, общий), зафиксировал многие видовые формы; охватил все первичные причастные формы, описал все четыре деепричастия (на *-а/-ыы*, *-ан*, *-аат*, *-аары*), установив при этом, что якутские деепричастия могут принимать личные аффиксы (§ 761) и употребляться в удвоенном виде (*утуйа-утуйа*, *титирии-титирии*, § 766).

²³ Е. И. Убрятова. Очерк истории изучения якутского языка. Якутск, 1945, стр. 13.

Им был замечен даже диалектный вариант отрицательной формы деепричастия на *-ан*, образуемый с помощью аффикса *-мыйа* вместо обычно употребительного *-мына* (*таарымыйа, ылымыйа*, § 757).

Морфология описывается автором опять-таки на фоне широких сопоставлений с соответствующими материалами других тюркских и монгольских языков, что проливает свет на происхождение многих грамматических форм якутского языка. Современное якутское языкознание не приняло из данного раздела только два падежа (наречный и местный) и несколько уточнило названия других падежей.

Раздел синтаксиса у О. Н. Бётлингка считается наименее разработанным. В этой части книги исследуются синтаксические функции установленных им частей речи. Здесь не нашло своего отражения учение о предложении, его типах, структуре и так далее в современном понимании. Однако в пределах поставленной им задачи автор выполнил свое исследование с присущей ему глубиной и обстоятельностью.

Словарь О. Н. Бётлингка, данный в качестве приложения, является первым памятником научной лексикографии якутского языка. Он содержит более 4600 слов, большей частью снабженных примерами из живого языка, ссылками на источники (обычно на А. Я. Уваровского), а также многочисленными этимологическими толкованиями. При составлении своего знаменитого «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарский не сосылался на словарь О. Н. Бётлингка.

Значительный интерес представляет и второе приложение к работе Отто Николаевича: упоминавшиеся якутские тексты А. Я. Уваровского. Образованный и прогрессивный для своего времени человек, А. Я. Уваровский был большим и искренним другом якутского народа. Есть основания для предположений, что он был лично знаком с декабристом А. Бестужевым-Марлинским, отбывавшим ссылку в Якутске, сибирскими поэтами Д. Давыдовым и М. Александровым²⁴. «Я рад, что первым написал произведение на любимом мною якутском языке», — писал он с гордостью.

В «Воспоминаниях» А. Я. Уваровского наряду с описанием личной жизни автора значительное место занимает рассказ о Якутии и якутах. Автор с неподдельной симпатией и сочувствием говорит о жителях северного края, о людях, тяжелым трудом добывающих средства к существованию. Вот, например, что он пишет о якутах-проводниках: «Надо достойно похвалить якутов-проводников, которые получают жалование, не покрывающее даже половину тех встречающихся на каждом шагу многотрудных усилий, которые якут выносит без единой брани, без гнева»²⁵.

А. Я. Уваровский приводит много интересных сведений о жизни, обычаях, занятиях и быте якутов, пишет о богатствах недр края: «Берега рек и речек полны драгоценными камнями. Если бы эти места посетил сведущий человек, он собрал бы ценную коллекцию... Бесчисленно много рек и речек. Они имеют огромное протяжение, воды их очень глубоки. Если бы люди жили в городах по побережью реки, здесь было бы очень удобно завести речной флот». А. Я. Уваровский пишет о плохо используемых запасах соли, вовсе неиспользуемых запасах каменного угля, мечтает о развитии хлебопашества у якутов: «...В Сунтаре хорошо произрастает хлеб... Якуты из ложного представления не выращивают хлеба, не обогащают этим богатства страны».

²⁴ Н. Габышев. Он был первым. — Газ. «Социалистическая Якутия», 1968, 7 января.

²⁵ Перевод здесь и далее Н. А. Габышева. См. его «Первое литературное произведение на якутском языке». — Уч. зап. ИЯЛИ Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР, вып. 5. Якутск, 1958, стр. 107—117.

Якутским языком А. Я. Уваровский владел в совершенстве. Его якутский язык не только предельно точен, но и завидно сочен и красочен, воспоминания захватывают и современного читателя. От современного якутского литературного языка язык А. Я. Уваровского отличается в основном следующими особенностями: в глагольных формах вместо долготы гласного он последовательно употребляет соответствующий дифтонг (*тохтуобут, тэрүэтэ, кэпсиэтэ*), в словах *куолай, куолу* и *куоппун* он начальный *к* заменяет увулярным *х*, слово *чугас* пишет с начальным *у* (*учугас*), слова *байгал, хайгал* даются в вариантах *байагал, хайагал*, глагол *уларый* он пишет через долгий *л* (*уларыйбыт, уларыйбатага*), слово *тухары* передает в варианте *турхары, кырдьык* — в варианте *кирдик*, местоимение *кинилэр* везде дается в стяженной форме *киннэр*, заимствованные из русского языка слова *город* и *голова* у него даются с начальным *г*: *гуорад, голобо*.

К грамматическим особенностям следует отнести форму сослагательного наклонения, которая у А. Я. Уваровского составляется из полной формы причастия на *-ых*, принявшего аффикс принадлежности (а не его усеченной формы, как в современном языке), и глагола *этэ* (*таһаарыллыага этэ, туруога этэ, быһыага суога этэ*); во многих контекстах вместо преимущественно употребляемой в современном языке формы прошедшего категорического времени от глагола *э-* употребляется стяженная форма имени наличия *баар* с глаголом *этэ*, то есть *баара* (*Бу Киллэмнэ олорубут олохпун үөрүүтэ суох баара. Оччотоогу тымныы ыраас иччитэх сиргэ кини таһырдыа таһаарбат баара: бизс ыйга биһиги ханна да сылдьыбат баарбыт* 'Наша жизнь, прожитая в этих Кильдемцах, была безрадостной. Тогдашние морозы на открытом и нежилом месте не позволяли человеку выйти на улицу: в течение пяти месяцев мы никуда обычно не ходили'). В этих особенностях языка автора нашли отражение некоторые черты якутского языка или одного из его говоров того времени. Некоторые из них сохранились в отдельных говорах и поныне. К особенностям языка лично самого автора следует отнести то, что он строит предложения в известной мере по аналогии с русским языком. (*Нууцча тымныыны кэмниир сэбинэн отуттан тахса аахсыылаах тымныы баара, хаччага мин Дьоккуускай гуорадатыттан икки бэриллибит хаһаагы кытта аттаннахпына* 'По прибору русских, измеряющему температуру, было больше 30° мороза, когда я вышел из г. Якутска вместе с прикрепленными ко мне казаками').

Записи отрывка якутского олонхо «Эр Соготох» и якутских загадок, сделанные А. Я. Уваровским по памяти, свидетельствуют о том, что он хорошо знал и якутский фольклор. Осуществив перевод песни девушки-чухонки на якутский язык, он выступил в качестве первого якутского переводчика.

Выдающийся труд О. Н. Бётлингга имеет огромное значение для якутского народа, его культуры. Он первым обратил внимание ученого мира на якутский язык и стимулировал дальнейшее его изучение. Все последующие исследователи якутского языка, включая современных, отталкивались в своих исследованиях от капитального труда академика О. Н. Бётлингга.

В связи с трудом О. Н. Бётлингга был создан и первый литературный памятник на якутском языке — «Воспоминания» А. Я. Уваровского.

В заключение нельзя не отметить того, что классический труд О. Н. Бётлингга возник на благодатной почве русской науки, представители которой сыграли огромную роль в деле изучения культуры населя-

ших Российскую империю многочисленных малых народов, в том числе и якутов.

Научный подвиг О. Н. Бётлингка, основателя сравнительного изучения тюркских и монгольских языков, всегда с благодарностью будет восприниматься не только якутами и якутоведами, но и всеми тюркологами и монголистами нашей страны. Поэтому пророческими являются слова А. Я. Уваровского, обращенные к Отто Николаевичу Бётлингку: «...Ты заслужишь похвалу и высокообразованных людей, заслужишь бесконечную благодарность и якутского народа. Грядущие поколения якутской молодежи полностью воспользуются твоим творчеством, возвысят твое имя... Такова будет их ответная плата, таково будет твое вознаграждение за труд».

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

V ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

9—11 июня 1971 г. в Ленинграде состоялась V тюркологическая конференция, организованная Ленинградским отделением Института востоковедения Академии наук СССР.

В конференции приняли участие 98 тюркологов из Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Бельцев, Еревана, Казани, Карши, Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Нукуса, Тарту, Ташкента, Тбилиси, Уфы, Фрунзе, Чебоксар, Черкесска, Якутска.

Работа конференции проходила по трем секциям: лингвистической, истории и филологии тюркских народов, истории Турции.

Открывая первое пленарное заседание, член-корреспондент АН СССР А. Н. Кононов в своем вступительном слове подчеркнул значение изучения истории тюркологии как для объективного восстановления прошлого этой науки в нашей стране, так и для определения перспектив ее дальнейшего развития.

В связи с включенными в программу конференции докладами А. Н. Кононов кратко охарактеризовал жизненный путь и научную деятельность двух известных в отечественной и мировой науке ученых: В. Д. Смирнова (1846—1922) и О. Н. Бётлингга (1815—1904).

В числе тюркологов, научная деятельность которых не получила должного освещения и оценки в советской тюркологии, докладчик упомянул О. И. Сенковского, Л. З. Будагова, И. Н. Березина, П. И. Демезона, В. Д. Смирнова, А. Е. Крымского, а также выдающихся востоковедов — Б. А. Дорна, В. Р. Розена, С. Ф. Ольденбурга, К. А. Иностранцева, немало сделавших для развития отечественной тюркологии.

На первом пленарном заседании были заслушаны три доклада: А. С. Тверитиновой (Москва) «В. Д. Смирнов — историк Турции (к 125-летию со дня рождения)»*, Е. И. Маштаковой (Москва) «В. Д. Смир-

нов — исследователь турецкой литературы»* и Е. И. Коркиной (Якутск) «Работа О. Н. Бётлингга «О языке якутов» (к 120-летию издания)»*.

На лингвистической секции с докладами и сообщениями, в основном посвященными вопросам бессоюзного сложноподчиненного предложения в тюркских языках, выступило 17 человек.

Секция заслушала доклады: А. З. Абдулаева (Баку) «Бессоюзные сложноподчиненные предложения»*, В. И. Асланова (Баку) «К проблеме генезиса одного из типов сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным»*, Н. А. Баскакова (Москва) «Природа притяжательных определительных словосочетаний и их роль в эволюции сложных синтаксических конструкций в тюркских языках»*.

В оглашенном на секции докладе А. Н. Баскакова (Москва) «Некоторые спорные вопросы в изучении турецкого бессоюзного сложноподчиненного предложения» было высказано мнение, что различный подход к критериям определения придаточных предложений поныне затрудняет разграничение в тюркских языках простых распространенных и сложных предложений. Подвергать анализу бессоюзные сложноподчиненные предложения возможно только после строгого разграничения придаточных предложений и оборотов с неличными формами глагола. Последние представляют собой атрибутивно-определительные и атрибутивно-обстоятельственные словосочетания, выступающие в предложении в качестве распространенных его членов. По мнению А. Н. Баскакова, в бессоюзных сложноподчиненных предложениях подчинение устанавливается на лексико-семантическом, структурно-грамматическом и логико-грамматическом уровнях. Если исходить из того, что придаточные предложения являются предикативными синтаксическими конструкциями и бессоюзное подчинение осуществляется посредством комплекса языковых средств различных уровней, то потре-

* Тексты докладов, помеченных звездочкой, публикуются в настоящем номере журнала.

буется дальнейшее уточнение некоторых типов бессоюзных сложноподчиненных предложений и способов их образования.

Подводя итог анализу турецких бессоюзных сложноподчиненных предложений, А. Н. Баскаков заключает: «На современном уровне синтаксических исследований турецкого языка лексико-семантическое значение компонентов сложного бессоюзного предложения остается основным фактором, определяющим как само подчинение, так и его способы, а также и грамматические значения, возникающие между компонентами сложного предложения, характеризующие его тип. Таким образом, семантический фактор в данном случае преобладает над структурно-синтаксическим».

С докладом «Некоторые вопросы развития средневекового среднеазиатского тюркского литературного языка»* выступила Г. Ф. Благова (Москва).

Г. А. Гайдаржи (Бельцы) сделал доклад на тему «Сложные предложения с придаточными относительного подчинения в гагаузском языке»*.

Доклад П. И. Кузнецова (Москва) был посвящен «Бессоюзным придаточным предложениям с формой на *-duk* в памятниках орхоно-енисейской письменности»*.

В докладе А. Н. Кононова (Ленинград) «О некоторых типах бессоюзного сложноподчиненного предложения в турецком языке»* нашли свое дальнейшее развитие взгляды ученого на структурные типы сложноподчиненного предложения, изложенные в его фундаментальной «Грамматике современного турецкого литературного языка» и других работах.

В докладе «Придаточные предложения и синтаксический смысл в тюркских бессоюзных сложноподчиненных конструкциях» Г. П. Мельниковым (Москва) был поставлен вопрос: можно ли говорить о семантической эквивалентности как бессоюзных, так и союзных придаточных предложений и соответствующих простых с именами действия (например, на *-dyk*), а если нет, то каковы критерии выбора той или иной формы выражения сложной мысли в каждом конкретном случае? Для ответа на этот вопрос докладчик предложил воспользоваться всем положительным, содержащимся в несправедливо забытых «психологических» идеях младограмматиков, а также в достижениях психолингвистики, логики, кибернетики. Изложив с этих позиций свое толкование различий между такими категориями, как члены предложения (подлежащее и сказуемое) и члены сообщения (тема и рема), синтаксическое и коммуникативное членение, значение и смысл, — докладчик стремился показать, что выбор той или иной из сравниваемых форм выражения мысли в сложном сообщении определяется тем, какая часть сообщения выступает в роли темы. Так, если темой является только субъект главного действия, то предпочтительнее форма на *-dyk*; если тема — субъект главного действия и само это действие, то естественней ис-

пользовать форму с *-ki*; если же тема — субъект главного и субъект подчиненного действия и само главное действие, то предпочтительнее сообщение с бессоюзным придаточным. Однако в связи с возможностью расхождения между синтаксическим значением и синтаксическим смыслом одна и та же форма (например, форма на *-dyk*) способна выразить все перечисленные коммуникативные членения. Такое толкование согласуется с развиваемой Г. П. Мельниковым концепцией об атрибутивной природе тюркского предложения, в соответствии с которой каждая морфема и, следовательно, каждое слово может рассматриваться в качестве определения ко всему тому, что стоит после этой морфемы (или слова).

В докладе «Об одном из типов сложноподчиненного бессоюзного предложения в произведениях тюркских поэтов XVIII—XIX вв.»* З. Б. Мухамедовой (Ашхабад) был дан анализ сложноподчиненных и сложносочиненных бессоюзных предложений, встречающихся в поэтических произведениях Махтумкули и Кемине.

В оглашенном на секции докладе Л. А. Покровской (Москва) «Особенности структуры сложноподчиненного бессоюзного предложения в гагаузском языке и балканотурецких диалектах»* констатировалось, что бессоюзное подчинение предложений в синтаксисе гагаузского языка занимает небольшое место по сравнению с союзным и относительным.

Оглашенный на секции доклад Э. В. Севортяна (Москва) «К семасиологическим вопросам сложного предложения в тюркских языках»* представлял собой краткий конспект того, что было написано им о сложном предложении еще в 1938 г. в его «Грамматике крымско-татарского языка».

С. А. Соколов (Москва) в докладе «Внесенные предложения в составе бессоюзного сложного предложения (на материале турецкого языка)» высказал мнение, что в турецком языке, особенно в устной речи и диалогах в произведениях художественной литературы и т. п., часто наблюдается явление парентезы, когда структура одного предложения размыкается и в место разрыва включается другое предложение, как правило, либо выражающее эмоционально-оценочные значения, либо уточняющее, разъясняющее, комментирующее изложенное. В соответствии с их семантикой включенные (внесенные) предложения первого типа могут быть названы вводными, а предложения второго типа — вставными (вставочными). В том и другом случае внесенные предложения интонационно обособляются. Иногда они выделяются также и графически: запятыми, тире и даже скобками. Внесенные предложения, называемые вводными, чаще всего представляют собой предложения фразеологизированного типа, многие из которых в структурном отношении — подлежащны. Как вводные, так и вставные предложения, включаемые в структуру другого предложения, которое в данном слу-

чае можно именовать основным, не могут считаться подчиненными или сочиненными. Они выходят за рамки подчинения и сочинения и должны быть выделены в синтаксисе сложного предложения в особую категорию, образующую «бессоюзные сложные предложения с внесенными предложениями в их составе».

Синтаксическим воззрениям О. Н. Бётлингга было посвящено сообщение Е. И. Убратовой (Новосибирск) «Синтаксис сложноподчиненного предложения в труде О. Н. Бётлингга „О языке якутов“». В названном труде сведения по синтаксису согласно существовавшей традиции даны в разделе, посвященном употреблению грамматических форм, и здесь фактически изложен весь синтаксис простого предложения якутского языка. Суждения О. Н. Бётлингга о сложноподчиненном предложении определяются его взглядами на глагольно-именные и деепричастные формы. Первые рассматриваются им в разделе именного словообразования. В раздел, посвященный словоизменению, они не включаются и лишь в разделе *Syntax* входят в главу «О глаголе». О. Н. Бётлингк считал, что якуты с помощью глагольных имен «выражают придаточные предложения других языков», и поэтому якутские причастные и деепричастные конструкции рассматривал в составе простого предложения.

С докладом на тему «Заметки о сложноподчиненном бессоюзном предложении» выступил М. Ш. Ширалиев (Баку).

И. П. Павлов (Чебоксары) в своем сообщении на тему «О структурных особенностях бессоюзных сложноподчиненных предложений в чувашском языке» подчеркнул необходимость изучения как смысловых отношений между компонентами, так и структурных особенностей бессоюзного сложного предложения. В чувашском языке бессоюзные сложноподчиненные предложения отличаются от бессоюзных сложносочиненных наличием таких релевантных факторов, как порядок слова в составе главного предложения, строго фиксированный порядок компонентов и т. д.

А. Х. Фатыхов (Уфа) в своем сообщении «О перспективах употребления союзов и некоторых особенностях бессоюзных сложноподчиненных предложений» подчеркнул, что при классификации бессоюзных сложных предложений нужно учитывать структурно-типологические способы связи компонентов, семантико-синтаксические отношения между ними и строевое назначение каждого отдельного компонента.

На трех заседаниях секции истории и филологии тюркских народов было заслушано 14 докладов.

Первое заседание было посвящено огузской проблеме.

С. Г. Агаджанов (Ашхабад) выступил с докладом «Огузская проблема и задачи ее изучения». Наибольшее значение изучение огузской проблемы имеет, по мнению док-

ладчика, для истории туркменского, азербайджанского и турецкого народов, в этногенезе которых огузские племена средневековья сыграли весьма важную роль. В докладе были затронуты вопросы этнической истории, социально-экономического строя, быта и культуры огузов IX—XIII вв. Основное внимание при этом было уделено огузским племенам Средней и Передней Азии, методологическим вопросам изучения их истории и места, занимаемого ими в мировой истории. Докладчик попытался определить характерные особенности и главные этапы становления и развития огузского этноса, причем «проблема этноса» понимается им как социальное, а не биологическое явление. Кроме того, он осветил историю формирования огузской народности в IX—XIII вв. в Средней Азии и затронул вопрос о связи процесса бурного развития феодальных отношений в XI—XII вв. в странах «мусульманского» Востока с сельджуками завоеваниями и образованием империи сельджукидов, в истории которой важную роль сыграли огузские и туркменские племена. Докладчик коснулся и ряда переломных в истории и духовной культуре огузов моментов, связанных с частичным распространением у них христианства, а затем ислама.

Р. А. Гусейнов (Баку) в докладе «Современное состояние и ближайшие задачи изучения сельджукской проблемы» отметил, что сельджукская проблема является частью огузской и давно привлекает внимание исследователей. Докладчик высказал мнение, что для ее дальнейшей разработки нужна координация усилий заинтересованных научных учреждений, подготовка специальных кадров, издание соответствующих сборников статей, создание сельджукского семинара. Далее он назвал основные темы, ждущие своего разрешения в ближайшее время, и в их числе: сельджукскую проблему в современной историографии; библиографию сельджукского периода; корпус материалов по истории сельджуков и сельджукского периода; историю отдельных регионов и стран, связанных с сельджуками; этногенез в Средней и Передней Азии в IX—XIII вв.; сельджукскую культуру и др.

Н. Н. Шенгелия (Тбилиси) сделал доклад на тему «Грузинские историки XI—XIII вв. о сельджуках». Он сказал, что грузинские нарративные памятники XI—XIII вв. являются важным источником для изучения социально-экономической и политической истории государства сельджуков. Среди этих памятников докладчик особо отметил «Матрианэ Картлиса» (Летопись Грузии) анонимного автора, сочинение историка Давида Строителя «История царя Давида», «Историю и восхваление венценосцев» неизвестного автора и «Историю царицы Тамары» Василия. Несмотря на большую научную ценность этих источников, они до сих пор еще должным образом не исследованы и не учтены с точки зрения истории сельджуков. Поскольку пока нет их переводов

на европейских и восточных языках, нельзя провести сопоставления сохранившихся в этих памятниках сведений с показаниями других источников. Между тем авторы грузинских нарративных памятников XI—XIII вв. были очевидцами или соучастниками описываемых событий. В их сочинениях нашли отражение почти все значительные исторические процессы и события, происходившие тогда на Среднем и Ближнем Востоке: образование сельджукского государства, нашествие сельджуков на Малую Азию, складывание взаимоотношений с Византией и странами Закавказья, крестовые походы, феодализация государства турок-сельджуков и возникновение отдельных политических единиц, их история, социальные движения и другие вопросы. Изучение грузинских нарративных источников поможет осветить многие вопросы истории сельджукского государства.

Л. С. Бретаницкий (Баку), выступивший с сообщением «*Мухандис* — значение и содержание термина», проанализировал встречающиеся в памятниках строительной эпиграфики и разнообразных письменных источниках термины *мухандис*, *ме'мар*, *бенна* и *уста*, нередко наделяющиеся тождественным содержанием, что не соответствует их истинному значению. Сопоставление имеющихся сведений позволило установить подлинный смысл и содержание каждого из терминов. Термин *мухандис*, по сути дела, обозначал архитектора-проектанта, «умеющего составлять чертежи»; в то время как терминами *ме'мар* и *бенна*, как правило, именовались архитекторы-практики, своего рода «эмпирики». Термин «*уста*» обозначал достигнутую зодчим высокую степень профессионального мастерства, подчас сопровождаемая терминами *ме'мар* и *бенна*. Уровню теоретических познаний и практических навыков *мухандиса*, видимо, соответствовали архитектурные главы математических трактатов того времени, а для *ме'маров* и *бенна* предназначались своего рода «образцовые» чертежи общественного характера сооружений, наиболее распространенных в строительстве.

В своем сообщении «О термине *энчи* (*енши*) в киргизском и казахском языках» С. М. Абрамзон (Ленинград) указал на то, что *энчи* обозначает наследственную собственность, выделяемую родителями не только сыну, но и дочери при ее вступлении в брак (или при первом посещении родительского дома после свадьбы) и дополняющую приданое. В отличие от собственно приданого (*сен*), состоящего из предметов убранства юрты, а иногда и из самой юрты, домашней утвари, одежды и т. п., в качестве *энчи* девушка получала скот. Впоследствии этим термином стали обозначать как некоторые категории феодально зависимого населения, так и целые племена, а в дальнейшем и крупные территории наследственных уделов. Живые реликты подобных социальных явлений сохранялись у некоторых кочевых наро-

дов в условиях патриархально-феодалных отношений вплоть до XIX в.

А. П. Григорьев (Ленинград) выступил с докладом «Использование древнемонгольского права *эджена* в практике наследования отцовского юрта у чингизидов». По мнению докладчика, наследником коренного отцовского юрта у чингизидов, то есть *эдженом* (как и позднее у крымских ханов из династии Гиреев), являлся не младший, а четвертый сын хана. Согласно сведениям Рашид-ад-дина, «Сокровенного сказания», материалам В. Г. Тизенгаузена, данным нумизматики, «Родословному древу тюрков» Абу-л-Гази, «Семи планетам» Мухамеда Ризы, памятникам дипломатических сношений России, Польши и Литвы и крымско-татарским ярылкам, — *эдженами* следует считать Орду, сына Джучи; Кунг-Кырана, сына Орды; Девлет-берди, сына Таш-Тимура; Менгли-Гирея, сына Хаджи-Гирея.

Б. Х. и Дж. Х. Кармышевы в своем сообщении «Что такое *Аркакюрт*? (К исторической географии Казахстана)» сделали попытку локализовать это название. Топонимы *Арка* и *Сары-арка* на территории современного Казахстана служили для обозначения Центрально-казахстанского мелкосопочника (термин *Арка* употребляется преимущественно в фольклоре и в живой речи казахов старшего поколения). В прошлом этим термином обозначали обширную область от Тарбагатай и Алтая до Урала. Границы *Арка* совпадают с границами государства кочевых узбеков при Абулхайр-хане. Докладчики пришли к заключению, что еще кочевые узбеки Дешт-и-Кипчака называли свою страну *Арка||Арка-юрт*. Подтверждением этого докладчики считают употребление слова *Арка* в анонимном сочинении XV в. «Родословное древо тюрков».

С. Г. Кляшторный (Ленинград) сделал сообщение об обнаруженной им при археологических раскопках близ Элисты рунической надписи на черепе быка, которую докладчик датировал VIII—X вв. и установил, что она, наряду с надписями на баклажках из Новочеркасска, на камнях Маяцкого и Хумаринского городищ, принадлежит к памятникам хазарской письменности.

С. Г. Кляшторный доложил также о результатах обследования им в 1969 г. в южной части пустыни Гоби (Монголия) двуязычной тюрко-согдийской надписи (см.: С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц. Сэврэйский камень. — «Советская тюркология», 1971, № 3, стр. 106—112).

Н. С. Смирнова (Алма-Ата) выступила с докладом на тему «Г. Н. Потанин — собиратель казахского фольклора», в котором отметила характерные для Г. Н. Потанина, как собирателя фольклора, особенности: этнографическую направленность при сборе материала, запись произведений в максимальном количестве вариантов, особое внимание к сопоставительному изучению общих для тюркских и монгольских народов текстов и сюжетов. К сбору фольклора Г. Н. Потанин относился как к научно-об-

шественному делу, используя его в качестве материала для изучения исторического прошлого казахского народа.

С. Б. Ашурбейли (Баку) в своем сообщении «Култ предков в верованиях древних тюрков в Азербайджане» рассказала об обнаружении при археологических раскопках в Шемахинском районе Азербайджанской ССР более двадцати каменных статуй, представляющих собой грубые изображения человеческих фигур. Докладчик высказала предположение, что эти статуи относятся к мемориальным памятникам и свидетельствуют о существовании культа обожествления предков. В сообщении отмечалось сходство статуй с каменными изваяниями Семиречья и указывалось, что исследование этих памятников Кавказской Албании имеет важное значение для освещения проблемы этногенеза азербайджанского народа.

С докладом «Огузские языки в трудах восточных филологов XI—XVIII вв.» выступил *Э. И. Фазылов* (Ташкент).

Э. А. Грунина (Москва) сделала доклад на тему «К вопросу о письменной традиции в анатолийских памятниках XIII—XIV вв.».

Доклад «О рунической письменности в юго-восточной Европе» был прочитан *А. М. Щербаком* (Ленинград).

Х. Г. Короголы (Москва) в докладе «Полифем и Деппегёз (Темяглаз)» дал короткий обзор восточной циклопады в эпических памятниках народов СССР в сопоставлении с мировыми сюжетами о циклопах. Основная часть доклада была посвящена обнаруженным в последнее время за Уральским хребтом, в Сибири и казахско-киргизских степях сказаниям об одноглазых великанах. Сравнение этого материала с восьмым сказанием «Книги моего деда Коркута», а также со сказанием о Полифеме в «Одиссее», выявляет их типологически общие черты и специфику каждого из сказаний в отдельности.

В сообщении «Ногайская эпическая поэма „Манаш“» *А. Сикалиев* (Черкесск) указал на тесную связь между ногайцами и киргизами в XV—XVI вв., которая нашла свое отражение в эпосе этих народов. Так, ногайский богатырь Манаш, «освободивший ногайскую землю на Иртыше», идентичен Манасу, герою киргизского эпоса. Имя сына Манаса Семетея докладчик возводит к имени Саид-Ахмед (сын Манаша из ногайского эпоса). Киргизский эпос «Манас» подтверждает ногайское происхождение Манаса, на что указывали и его исследователи (В. М. Жирмунский, П. А. Фалев, А. Н. Бернштам, В. В. Бартольд, Ч. Валиханов).

Секция истории Турции на двух своих заседаниях заслушала 10 докладов и сообщений.

В сообщении «Проблемы изучения социальной структуры османского общества XV—XVII вв.» *А. С. Тевритинова* отметила важность и сложность этих проблем, не получивших еще своего полного раскрытия в историографии Турции. Разделенность ос-

манского общества определялась существованием двух противостоящих классов — господствующего класса феодалов, являвшегося совокупным владельцем земли и всех материальных ценностей, и класса непосредственных производителей, а именно прикрепленного к земле зависимого крестьянства и городских ремесленников, деятельность которых была регламентирована цехами и государством. Вместе с тем каждый из названных классов характеризовался чрезвычайно дробным сословным и корпоративным делением, отражавшим неоднородность экономической структуры османского общества, то есть существованием разнообразных форм собственности и землевладения, наличием ряда обособленных хозяйственных и социально-экономических укладов, а также разнообразием видов хозяйственной и служебно-административной деятельности и т. п. Такое строение общества имело важное значение для темпов и характера его социально-экономического развития. Над изучением этих проблем и работает в настоящее время автор сообщения.

С докладом «Историография турецких работ по экономической истории Турции XIX века» выступил *П. П. Моисеев* (Москва). Докладчик отметил, что некоторая часть турецких историков пытается ныне по-новому взглянуть на социально-экономические процессы, протекавшие в их стране на различных этапах исторического развития, при этом опираясь в той или иной мере на труды классиков марксизма-ленинизма. В частности, много внимания уделяется ими изучению экономической истории Османской империи XIX века. В центре внимания этих турецких историков находятся в основном две научно-теоретические проблемы: а) общественно-экономический строй Османской империи на этапе ее независимого развития, то есть до середины XIX в., б) условия и особенности превращения султанской Турции в полуколонию империалистических держав. Докладчик подчеркнул, что обращение к подобной тематике диктуется отнюдь не только чисто научными интересами, но и стремлением прогрессивных турецких ученых на основе исследования особенностей развития своей родины в прошлом определить возможные пути ее социально-экономического развития в будущем. Кроме того, эти ученые стремятся призвать общественность своей страны сделать из негативного опыта истории необходимые выводы и активно бороться против возможности нового закабаления Турции иностранным, прежде всего американским, капиталом.

Формированию идейно-политических взглядов Мустафы Субхи посвящал свой доклад *Р. П. Корниенко* (Москва). Имя Мустафы Субхи — первого турецкого коммуниста, пламенного революционера-интернационалиста, организатора и руководителя Коммунистической партии Турции, неразрывно связано с самыми яркими страницами героической летописи мирового рабочего и коммунистического движения. Докладчик

отметил, что к научному социализму М. Субхи пришел не простым и не легким путем. На этом пути были и контакты с западноевропейскими социалистами, и деятельность в составе мелкобуржуазно-радикальной «национально-конституционной» группы, и борьба с младотурецким режимом, и сотрудничество с большевистскими организациями на Урале во время первой мировой войны и вступление в ряды РСДРП накануне Февральской революции 1917 г. в России.

Г. З. Алиев (Баку), сделавший доклад на тему «К вопросу о помощи азербайджанской демократии младотурецкому движению», отметил, что проблема взаимосвязи кавказской, в частности азербайджанской, демократии с младотурецким движением совершенно не разработана в исторической литературе. Младотурецкое движение пользовалось поддержкой прогрессивно-демократической общественности Закавказья, в частности азербайджанских демократов-революционеров, группировавшихся вокруг демократических органов печати, таких как газеты «Давет-Коч», «Йолдаш», «Гуммет», «Текамюль» и др. Особо следует отметить сатирический журнал «Молла Насреддин», основателем и главным редактором которого был выдающийся революционный демократ М. Дж. Мамедкулизаде. Молланасреддиновцы печатали прокламации младотурок в типографии «Гейрат» в Тифлисе и доставляли их в Турцию. Архивные документы подтверждают, что младотурки получали от азербайджанских демократов и материальную помощь. Русская революция 1905—1907 г. сблизила младотурецкое движение с революционерами России. Демократические, прогрессивные силы России стали оплотом народов борющегося Востока.

С докладом «Общественно-политические организации курдов в период младотурок» выступил Дж. Джалиле (Ереван), рассказавший о возникновении в Османской империи после революции 1908 года обществ курдской интеллигенции, находившейся в основном под влиянием буржуазно-демократической и просветительской идеологии, а также курдских организаций, объединявших выходцев из различных социальных слоев с разными политическими убеждениями. Курдские общества, возникшие главным образом в Стамбуле, а также в Диярбекире, Битлисе, Мосуле, Багдаде, Муше, Эрзруме и других городах, по количеству членов были многочисленными. Их программы сводились в основном к требованию национального равноправия. Тогда же появились и курдские печатные органы, первым из которых была газета «Курд». Свою задачу они прежде всего видели в распространении образования. Вскоре, однако, курдские общества были распущены, так как младотурки опасались ослабления своего влияния. Как известно, в политике младотурок перед первой мировой войной усилилась шовинистическая струя.

О неизвестном до сих пор в науке проекте создания в России Азиатской Академии,

разработанном в 1802 г. крупным русским ученым и путешественником И. О. Потоцким (1761—1815), рассказала в своем сообщении Н. В. Таирова (Москва). В проекте предусматривалось, в частности, преподавание китайского, маньчжурского, персидского, татарского или чагатайского, арабского, древнесирийского, монгольского и тибетского языков.

Н. А. Кузнецова (Москва) в докладе «К вопросу об ирано-турецких отношениях в XIX — начале XX вв.» отметила, что в большинстве работ, касающихся этой темы, подчеркивается традиционное соперничество двух упомянутых держав. Между тем уже в XIX в. часть взаимных притязаний Турции и Ирана отпала. Оба государства испытывали давление со стороны европейских держав, стремившихся вмешиваться в их внутреннее дело. Одновременно правительства Ирана и Турции боролись каждое в своей стране с конституционными, буржуазно-демократическими и революционными движениями. Все это, а также налаживание экономических, идеологических, культурных и дипломатических связей привело в указанный период к установлению мирных дружеских отношений между двумя державами.

В сообщении А. К. Сверчевской (Москва) «К освещению вопроса о миссии Лимана фон Сандерса в Турции в советской литературе последних лет» отмечалось, что, несмотря на важность этой темы, целый ряд вопросов ее все еще остается нерешенным, а некоторые существенные моменты освещены в литературе противоречиво. Например, нет единой точки зрения на то, кто являлся инициатором отправки миссии в Турцию, нет единой оценки и той роли, которую сыграла эта миссия в вовлечении Турции в мировую войну на стороне Германии и т. д.

С докладом о том, какое отражение в турецкой литературе нашли реформы танзимата, выступил Э. Джафар (Баку). Докладчик подчеркнул происшедшие в тематике литературных произведений изменения, зарождение новых художественных форм, усиление европейского влияния, а также появление новых имен талантливых поэтов и писателей.

Р. А. Гусейнов рассказал собравшимся о работе VII Тюркологического конгресса в Анкаре осенью 1970 г., участниками которого были и советские ученые.

На заключительном пленарном заседании было заслушано три доклада.

А. М. Шамсутдинов (Москва) в докладе «Некоторые вопросы истории Турции в трудах В. И. Ленина» говорил о научно-историческом значении наследия Владимира Ильича Ленина, остановился на характеристике В. И. Лениным проблем социально-экономического развития Турции, буржуазно-националистических движений, превращения Турции в полуколонию, младотурецкой революции, а также оценке В. И. Лениным Балканской войны. В эпоху империа-

лизма Турция стала одним из важных объектов международной политики. С ускорением процесса распада Османской империи все более ожесточалась схватка между великими державами за долеж ее африканских, азиатских и балканских владений. В «Тетрадах по империализму» В. И. Ленин особо подчеркивал, что Турция стала очагом межимпериалистических противоречий на Ближнем Востоке. Докладчик сослался на высказывание В. И. Ленина о сохранении в Турции сильнейших остатков средневековья, что являлось одной из причин социально-экономической отсталости Турции.

С докладом «Реформы танзимата и борьба вокруг них в Турции (1839—1853)» выступил А. Д. Новичев (Ленинград). Остановившись на борьбе, развернувшейся вокруг реформ танзимата в Османской империи, докладчик отметил преемственность, существовавшую между реформами Махмуда II и реформами танзимата. Исторические свидетельства указывают на то, что постановления Гюльханейского хатта 1839 г. извращались самим государственным аппаратом, были враждебно встречены многими слоями населения и не проводились в жизнь. А. Д. Новичев описал противоречия в правительственном аппарате в связи с реформами, охарактеризовал существовавшие группировки и отдельных видных государственных деятелей, указал причины недовольства реформами, суть которых сводилась главным образом к провозглашению равенства между мусульманами и христианами, введению рекрутского набора, отмене ильтизама.

Доклад Ю. А. Петросяна (Ленинград) «Социально-политические воззрения и идейные концепции младотурок» был посвящен характеристике основных черт идеологии младотурецкого движения конца XIX — начала XX века. Опираясь на материалы первоисточников, большая часть которых вводится в научный обиход впервые, докладчик

особое внимание уделил выявлению ведущих тенденций формирования идеологии младотурок и определению ее места в общем процессе развития общественно-политической мысли Турции в новое время.

На заседании выступил главный редактор журнала «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» М. Ш. Ширалиев, рассказавший о работе редакции в течение полутора лет ее существования, о трудностях, которые ей приходится преодолевать, о ближайших задачах журнала.

С краткой речью, подводящей итоги работе конференции, выступил А. Н. Кононов. Он отметил успешный ход работы конференции, научную содержательность и ценность многих заслушанных на ней докладов и сообщений. А. Н. Кононов еще раз подчеркнул эффективность координированного проведения исследований важнейших тюркологических проблем, чему во многом способствуют конференции, симпозиумы и другие встречи тюркологов. Он вновь обратил внимание на важность изучения и широкого освещения в печати истории отечественной тюркологии и деятельности ее выдающихся представителей.

В заключение А. Н. Кононов выразил от имени участников конференции и всех тюркологов страны глубокую признательность главному редактору журнала «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» М. Ш. Ширалиеву и заместителю главного редактора И. С. Сеидову за их самоотверженные усилия по организации и успешному изданию возглавляемого ими журнала, отражающего на своих страницах последние достижения советской тюркологии, широту и глубину ее интересов.

Конференция приняла резолюцию.

В. И. Асланов, Н. А. Дулина,
Л. Я. Медведева

РЕЗОЛЮЦИЯ

V ТЮРКОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ЛЕНИНГРАДЕ

ЛЕНИНГРАД, 11 ИЮНЯ 1971 Г.

С 9-го по 11-е июня 1971 г. в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР состоялась пятая Тюркологическая конференция.

В работе конференции приняли участие 98 тюркологов из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Ташкента, Тбилиси, Фрунзе, Новосибирска, Нукуса, Чебоксар, Черкесска, Якутска, Казани, Уфы, Еревана, Карши, Тарту, Бельцев.

На двух пленарных и восьми секционных заседаниях было заслушано 49 докладов.

В докладах первого пленарного заседания, посвященных памяти русских тюркологов В. Д. Смирнова и О. Н. Бётлингга, был дан подробный анализ научной деятельности этих выдающихся востоковедов. Темой другого пленарного заседания стали основные проблемы новой истории Турции.

Работа лингвистической секции была посвящена теме «Сложноподчиненное бессоюзное предложение в тюркских языках», которая, как и ожидалось, привлекла пристальное внимание всех присутствующих тюркологов-лингвистов. Обмен мнениями на эту тему оказался весьма полезным.

В заседаниях секции истории Турции был заслушан ряд интересных докладов, содержащих новые материалы и оценки важнейших проблем социально-политического развития Османской империи в средние века и новое время; освещены вопросы международного положения Турции в XIX и начале XX в. Участники заседаний выразили полное удовлетворение выделением в специальную секцию проблем изучения Турции и высказали пожелание, чтобы следующая Тюркологическая конференция в Ленинграде имела секцию истории, экономики и литературы Турции.

В секции истории и филологии тюркских народов были заслушаны доклады, посвященные огузско-сельджукской проблеме в общеисторическом, историко-этнографическом, историко-культурном и лингвистическом аспектах. Были заслушаны также доклады об открытиях и изучении древнетюркских памятников и некоторые другие.

Работа конференции и повседневная исследовательская практика вновь подтвердили чрезвычайную важность объединения усилий в разработке кардинальных научных проблем тюркологии и периодических встреч ученых для их обсуждения.

Конференция отмечает, что издание журнала «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» явилось важным фактором объединения и сотрудничества советских тюркологов и средством пропаганды достижений советской тюркологии в нашей стране и за рубежом. Содержание первых семи номеров этого журнала отражает наиболее важные и актуальные проблемы, разрабатываемые советскими тюркологами, и высокий теоретический и научный уровень работ в области тюркологии.

РЕШЕНИЕ:

1. Заслушав доклады о научной деятельности профессора В. Д. Смирнова и академика О. Н. Бётлингка и отмечая непреходящую ценность их трудов, конференция считает необходимым:

а) подготовить однотомник избранных работ профессора В. Д. Смирнова, поручив А. С. Тверитиновой, Ю. А. Петросяну и Е. И. Маштаковой составить план и проспект издания;

б) подготовить русский перевод (с необходимой вводной статьей и комментариями) труда О. Н. Бётлингка «О языке якутов» (СПб., 1851). Просить Е. И. Убрятову и Е. И. Коркину составить проспект издания.

2. Считать весьма желательным издание «Караимско-русско-польского словаря», подготовленного научными сотрудниками Академии наук СССР и Польской Академии наук.

3. Считать желательным издание библиографии по истории сельджукского периода.

4. Одобрить создание в рамках Тюркологической конференции постоянной секции истории, экономики и литературы Турции, а также семинара по огузско-сельджукской проблеме.

5. Учитывая пожелания ряда делегаций, впредь проводить Тюркологические конференции в Ленинграде с периодичностью раз в два года; одобрить инициативу о проведении аналогичных конференций в других тюркологических центрах.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>А. Н. Кононов</i> (Ленинград). О некоторых типах бессоюзного сложноподчиненного предложения в турецком языке	3
<i>М. Ш. Ширалиев</i> (Баку). Заметки о сложноподчиненном бессоюзном предложении	13
<i>Н. А. Баскаков</i> (Москва). Природа притяжательных определительных словосочетаний и их роль в эволюции сложных синтаксических конструкций в тюркских языках	15
<i>Э. В. Севортян</i> (Москва). К семасиологическим вопросам сложного предложения в тюркских языках	24
<i>А. З. Абдуллаев</i> (Баку). Бессоюзные сложноподчиненные предложения	30
<i>Л. А. Покровская</i> (Москва). Особенности структуры сложноподчиненного бессоюзного предложения в гагаузском языке и балкано-турецких диалектах	37
<i>В. И. Асланов</i> (Баку). К проблеме генезиса одного из типов сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным	43
<i>Г. А. Гайдаржи</i> (Бельцы). Сложные предложения с придаточными относительного подчинения в гагаузском языке	50
<i>Э. Б. Мухамедова</i> (Ашхабад). Об одном из типов сложноподчиненного бессоюзного предложения в произведениях туркменских поэтов XVIII—XIX вв.	57
<i>П. И. Кузнецов</i> (Москва). Бессоюзные придаточные предложения с формой на -duk в памятниках орхон-енисейской письменности	62
<i>Г. Ф. Благова</i> (Москва). Некоторые вопросы развития средневекового среднеазиатского тюркского литературного языка	68
<i>А. М. Щербак</i> (Ленинград). О рунической письменности в юго-восточной Европе	76
<i>Э. И. Фазылов</i> (Ташкент). Огузские языки в трудах восточных филологов XI—XVIII вв.	83
<i>Э. А. Грунина</i> (Москва). К вопросу о письменной традиции в анатолийских памятниках XIII—XIV вв.	96

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

<i>А. С. Тверитинова</i> (Москва). В. Д. Смирнов — историк Турции	105
<i>Е. И. Маштакова</i> (Москва). В. Д. Смирнов — исследователь турецкой литературы	115
<i>Е. И. Коркина</i> (Якутск). Работа О. Н. Бётлингга «О языке якутов»	124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. И. Асланов</i> (Баку), <i>Н. А. Дулина</i> , <i>Л. Я. Медведева</i> (Ленинград). V тюркологическая конференция в Ленинграде	132
Резолюция V тюркологической конференции в Ленинграде	139

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>A. N. Kononov</i> (Leningrad). On some types of asyndetic complex sentence in Turkish	3
<i>M. Sh. Shiraliyev</i> (Baku). Notes on asyndetic complex sentence	13
<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). On the nature of possessive attributive word-combinations and their role in evolution of composite syntactic constructions in Turkic languages	15
<i>E. V. Sevortyan</i> (Moscow). Towards semantics of composite sentence in Turkic languages	24
<i>A. Z. Abdullayev</i> (Baku). Asyndetic complex sentences	30
<i>L. A. Pokrovskaya</i> (Moscow). Features of asyndetic complex sentences' structure in the Gagaus language and Balkan-Turkish dialects	37
<i>V. I. Aslanov</i> (Baku). Towards the genesis of a certain type of complex sentence with subordinate object clause	43
<i>G. A. Gaydarzhy</i> (Beltsy). Complex sentences with subordinate clause of relative subordination in the Gagaus language	50
<i>Z. B. Mukhamedova</i> (Ashkhabad). On a certain type of asyndetic complex sentence in works by Turkmen poets of the 13—19 centuries	57
<i>P. I. Kuznetsov</i> (Moscow). Asyndetic subordinate clauses with the <i>duk</i> -form in Orkhon-Yenisey relics	62
<i>G. F. Blagova</i> (Moscow). On the development of the Turkic literary language of medieval Central Asia	68
<i>A. M. Scherbak</i> (Leningrad). The runic written language in South-East Europe	76
<i>E. I. Fazyllov</i> (Tashkent). The Oguz languages in works of oriental philologists	83
<i>E. A. Grunina</i> (Moscow). Towards the problem of written tradition of anatolian relics of the 13-15 centuries	98

HISTORY OF NATIVE TURCOLOGY

<i>A. S. Tveritinova</i> (Moscow). V. D. Smirnov — historian of Turkey	105
<i>E. I. Mashtakova</i> (Moscow). V. D. Smirnov — explorer of Turkish literature	115
<i>E. I. Karkina</i> (Jakutsk). On the monography «Über die Sprache der Jakuten» by O. N. Böhlingk	124

SCIENTIFIC LIFE

<i>V. I. Aslanov</i> (Baku), <i>N. A. Dulina</i> , <i>L. J. Medvedeva</i> (Leningrad). The 5-th turcological conference in Leningrad	132
Resolution of the 5-th turcological conference in Leningrad	139

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА „СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ“

Г Л А С Н Ы Е

А а — а
 Ä ä — э
 У у — у
 I i — и
 О о — о
 О ö — ө
 U u — у
 Ü ü — ү
 Е е — е

С О Г Л А С Н Ы Е

В в — в	N n — н
з з — ч, дж (ج)	P p — п
С с — ц	ng — Н ^г (ڭ)
Сс — ч (چ)	ʃ — ш
D d — д	R r — р
F f — ф	S s — с
G g — г	Š š — ш
G' g' — к (گ)	T t — т
γ γ — ғ (غ)	V v — в
H h — h, x ₁ (ح)	Z z — з
J j — j	ž ž — ж
K k — ка (ك)	θ θ — ч (ث)
K' k' — ке (ك')	Δ δ — з (ذ)
L l — л	X x — х (خ)
M m — м	

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ НАД БУКВАМИ

- долгота
- ˘ краткость
- ˜ носовой
- ˙ мягкость

Технический редактор Б. А. Абдуллаев
 Корректоры А. Е. Сорокина, И. Г. Дорфман

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 11/VIII 1971 г. Подписано к печати 1/X 1971 г. ФГ 10259. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,5. Физ. печ. л. 9. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 11,6. Заказ 5425. Тираж 4000. Цена 1 руб.

Типография Издательства «Коммунист», ул. Б. Авакяна, 529 кв.